

КАК ВЫЖИТЬ
ЖЕНЩИНЕ
В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
ПРОКЛЯТИЕ ЕВЫ,
ГРЕХ ВЫЩИПЫВАНИЯ
БРОВЕЙ И СПАСИТЕЛЬНОЕ
ВОЗДЕРЖАНИЕ

ЭЛЕАНОР ЯНЕГА

18+

МИО

Серия «Страшно интересно»

ЭЛЕАНОР ЯНЕГА

**КАК ВЫЖИТЬ
ЖЕНЩИНЕ
В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**
ПРОКЛЯТИЕ ЕВЫ,
ГРЕХ ВЫЩИПЫВАНИЯ
БРОВЕЙ
И СПАСИТЕЛЬНОЕ
ВОЗДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ЕЛЕНЬ ЛАЛАЯН

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2023

УДК 930.85
ББК 63.3(0)-7
Я60

Original title:
**The Once and Future Sex: Going Medieval
on Women's Roles in Society**

На русском языке публикуется впервые

Янега, Элеанор

Я60 Как выжить женщине в Средневековье. Проклятие Евы, грех выщипывания бровей и спасительное воздержание / Элеанор Янега ; пер. с англ. Е. Лалаян. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 384 с. : ил. — (Страшно интересно).

ISBN 978-5-00214-239-2

Как жили женщины Средневековья — в городах, деревнях и высоких замках? Какими их хотели видеть мужчины и какими они были на самом деле?

Историк Элеанор Янега рассказывает о выдающихся женщинах того времени и других, менее известных, чьи истории скрыты в документах и судебных делах. Фермерши, хозяйки пивоварен, ремесленницы и художницы — они изменили представление о женской природе, интеллекте и способностях.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)-7

*Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения владельцев
авторских прав.*

ISBN 978-5-00214-239-2

Copyright © 2023 by Eleanor Janega
© Перевод, издание на русском языке,
оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2023

Оглавление

Введение 8

Глава 1

Назад, к основам 17

Глава 2

Женщины в глазах мужчин 78

Глава 3

Как любить 159

Глава 4

Как жить 232

Глава 5

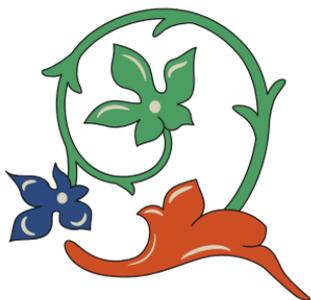
Почему это важно? 321

Благодарности 356

Комментарии 358

Моей маме посвящаю

Введение

В конце XIV века архидьякон Праги Павел из Яновича отправился в поездку по приходским церквям важного имперского города, чтобы выяснить, не накопилось ли у прихожан каких-нибудь вопросов о вере и религии или проблем, которые они хотели бы решить. В приходе Св. Андрея Великого в Старом городе архидьякону донесли на «одну женщину по имени Домка». По словам прихожан, эта Домка, хотя и была замужем за одним из королевских прислужников, жила в доме мужчины по имени Генрих вместе с несколькими «подозрительными женщинами» и, более того, верховодила ими. Домка и ее соседки жили тем, что собирали лечебные травы и продавали их людям, которые жаловались на головные хвори¹.

Все это по меркам верующих было «подозрительным» по ряду причин: во-первых, Домка жила свободной от власти и призора своего мужа, а остальные женщины и вовсе не были вверены заботам какого-либо мужчины, разве что своего домовладельца; во-вторых, хотя закон не запрещал им собирать травы, сам факт, что этим занимается группа женщин, рождал подозрения, что, прикрываясь травничеством, они варят колдовские зелья; в-третьих, несколько живущих вместе женщин производили впечатление хозяек подпольного борделя, где сами они и работали.

Подозрения местной общины в адрес Домки и ее соседок показывают нам, что в средневековой Европе женщинам приходилось нелегко, но не так, как думает большинство из нас. Мы потому знаем, что женщинам тогда жилось тяжело, поскольку наше общество построено по образу и подобию

средневекового и женщины по-прежнему находятся в невыгодном положении по сравнению с мужчинами. Современные женщины сталкиваются со многими несправедливостями: за ту же самую работу им платят меньше, чем мужчинам; на женщин взвален груз домашних дел; медики недоверчиво относятся к нам, когда мы говорим о силе своих болей; от нас ожидают, чтобы мы всегда выглядели сексуально, но при этом занимались сексом *исключительно* с теми, кого нам для этого предназначили, и *строго в том количестве, которое от нас потребуют*; к тому же мы в повседневной жизни рискуем стать жертвами сексуальных домогательств, сексуального и физического насилия. Если даже сейчас, в эру феминизма, нам на долю выпадают такие испытания, разве не логично предположить, что средневековым женщинам жилось намного хуже, так как у них не было таких современных благ, как противозачаточные средства, закон о равных правах и «С девяти до пяти»* с Долли Партон. И все же мы редко находим время, чтобы лучше узнать, как воспринимали женщин во времена Средневековья и почему с ними так обходились. Мы просто считаем, что они сталкивались с теми же проблемами, что и мы, но только с их более драконовской версией. В какой-то мере так оно и есть, ведь добрые прихожане не преминули донести на Домку и ее соседок архидьякону, который, между прочим, мог своей властью отлучить их от церкви и приказать домовладельцу вышвырнуть их на улицу. Однако с Домкой и ее подругами, похоже, ничего плохого не случилось. Вызывали ли эти женщины подозрения, давали ли местной общине повод для косых взглядов

---

*Nine to Five — американская комедия 1980 года с участием знаменитой кантри-певицы и киноактрисы Долли Партон; название фильма «С девяти до пяти» означает график, определяющий часовую норму рабочего времени в день для служащих, то есть получается сорокачасовая рабочая неделя.
Прим. пер.

и пересудов? Безусловно! Намеревалась ли Церковь применить к «нарушительницам» какие-либо меры? Да никаких! В конце концов, эти женщины всего лишь занимались тем же, чем якобы в силу своей природы занимались все женщины, — сомнительными делишками. И реальных способов изменить их сущность не было.

Если мы оставляем без внимания такого рода исторические факты и принимаем как должное, что в обществе во все времена было одно и то же отношение к женщинам, которое мы только сейчас начинаем преодолевать, то тем самым признаём, что наше общество всегда было таким и, разумеется, таким же *должно* оставаться. Наш мир, во всю историю человечества, всего лишь реагирует на присущие женскому полу несовершенства и формирует такой уклад жизни, чтобы приспособиться к ним. Мы готовы признать, что сейчас наше общество начинает преодолевать эти изъяны. И все же мы предполагаем, что с женщинами в прошлом обращались так же, как сейчас с нами, и по тем же самым причинам, просто тогда женщины не располагали благами современного мира, чтобы скрывать свои врожденные особенности и естественные недостатки.

Такая покорная вера в предопределенность женской доли взмутительна. Ах, как это удобно — считать, что так всегда было заведено и что наши общественные ожидания в отношении женщин сложились в силу некой непреложной истины относительно более чем половины человечества. Но самое главное, эта точка зрения ошибочна и лишена исторических оснований. Какими бы ни были сейчас проблемы с женщинами, в целом мы уже не считаем их созданиями настолько похотливыми и еретичными, что только предоставь их самим себе — и оглянуться не успеешь, как они уже устроят бордель, а в придачу начнут торговать колдовскими травками. Очевидно, что кое-что с тех давних пор все же изменилось.

Знатная дама за неожиданным занятием

Миниатюра из «Таймутского часослова»

Если мы хотим понять, каким образом у западноевропейского общества выработались нынешние воззрения на женщин, нам надо проследить вехи этого пути, начиная со Средневековья. К сожалению, историю этой эпохи мы нередко воспринимаем как свод туманных, а то и вообще бесполезных знаний. Понятие «средневековый» чаще всего употребляется как синоним «отсталого», «дремучего» или «варварского», как нечто, из чего мы уже извлекли уроки, что оставили в далеком прошлом, изжили и в итоге сами сделали лучше. Основательно засевавшая в нас уверенность, что, загляни мы в глубины средневековой истории, ничего нового в ней не найдем, отбивает у нас всякий интерес к этой области знания. Между тем подобное отношение мало того что неверно, но еще и выступает одной из причин, которая препятствует движению нашего общества к равноправию и справедливости в будущем.

В буквальном смысле «средневековье» означает «срединные времена», которые охватывают исторический период длиной примерно 1100 лет, начиная с падения Римской империи

в 476 году и заканчивая приблизительно XVI столетием, что занимает промежуток между Античностью и Новым временем. Иными словами, Средневековье выступает своего рода историческим мостом между античным миром и современным, оно объясняет — или объяснило бы, прояви мы к нему должный интерес, — какой путь преодолело человеческое общество после времен Античности и как оно пришло к его нынешнему состоянию.

В силу срединного положения Средневековья между двумя эрами изучение гендерных норм, бытовавших в тот исторический период, позволяет нам понять, откуда пошли некоторые из наших сегодняшних представлений об обоих полах. Наше убеждение, что женщины — создания «от природы» слабые и низшие по сравнению с мужчинами, а значит, нуждаются в защите и руководстве, — не что иное, как пережиток времен Античности и Средневековья. Осознав это, мы сможем спросить себя, отчего до сих пор в это верим. Если мы считаем, что люди Средневековья были такие темные и отсталые, тогда почему в вопросе «слабого» пола мы соглашаемся с ними?

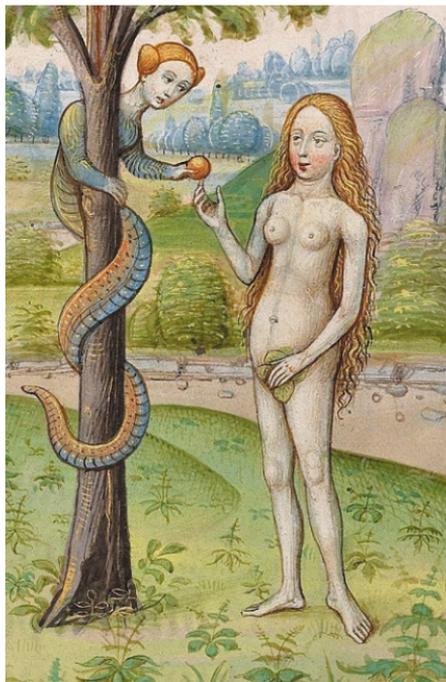
Более того, изучая средневековые гендерные нормы, мы видим, что на самом деле с тех давних времен многие представления о женщинах решительно изменились. Но при этом мы сохраняем наихудшие и самые косные формы поведения, и как только осознаём это, мы сможем отбросить предрассудки. В плане гендерных норм единственная нерушимая традиция — это восприятие женщин как людей второго сорта. И в наших силах в любой момент изменить это отношение.

На страницах этой книги мы исследуем причины, из-за которых в общественном сознании сложилась исторически устойчивая логическая цепочка, что женщины, условно говоря, представляют собой *Икс* и, следовательно, рядом с ними должен быть *Игрек*. Сначала мы изучим интеллектуальные основы бытовавшего в Средневековье отношения к женщинам,

для чего обратимся к трудам античных мыслителей Платона, Аристотеля, Галена и Гиппократы, сформировавших философские воззрения на женщин в частности и на оба пола в целом. Далее, чтобы получить представление о религиозных устоях средневековой Европы, мы обратимся к Отцам Церкви, а именно к Блаженному Августину и Иерониму Стридонскому, заложившим основы христианской теологии. А потом, вооружившись идеями античных мыслителей, мы ознакомимся с тезисами, которые выдвигали их последователи в эпоху Средневековья, в частности богословы Альберт Великий, Фома Аквинский и Хильдегарда Бингенская, и светские литераторы, например Джеффри Чосер и Кристина Пизанская, в произведениях которых отображались взгляды, оспариваемые в академических кругах.

Как только мы уясним себе, чьи это были идеи и как они распространялись, мы перейдем к понятию красоты, наиболее важного признака женственности. И увидим, что люди Средневековья оглядывались в прошлое не только в поисках толкования знаний, но и в поисках идеала женской красоты, как его видели древние. Зная, какие привлекательные черты входили в средневековый эталон женской красоты, мы сумеем объяснить требования средневековой моды и оценить старания, которые прилагали женщины, чтобы соответствовать стандартам красоты их времени. Сколько ни наставляли женщин, что есть лишь один идеал привлекательности, им в то же время строго воспрещали прибегать к любым ухищрениям, чтобы придать себе эту привлекательность. Считалось, что женщинам полагается *быть* прекрасными просто так, без всяких усилий с их стороны. Стремиться к канону красоты значило выставить себя на посмешище и даже подвергать опасности свою душу. Таким образом, общество само заставляло средневековых женщин балансировать на тонкой грани между соответствием жестким критериям внешности,

служившим залогом всеобщего восхищения и удачного замужества, и интересом к наведению красоты, который само же общество осуждало как непристойный.

Ева, с которой все началось

Миниатюра из «Аренбергского часослова»

Как ни печально, та самая красота, воплощать которую предписывалось женщинам, нередко подвергалась проклятию, ибо, как считалось, отвлекала мужские умы от возвышенных светских и религиозных размышлений, заставляя их обращаться к самому низменному и женскому из всех начал — а именно к сексу. Чтобы нам лучше понимать, как средневековое общество относилось к сексу, следует вспомнить религиозные предписания, которым следовали люди в то время.

Тем не менее средневековые христиане в большинстве своем с удовольствием рисковали бессмертными душами ради приятного времяпрепровождения и возлагали на женщин ответственность за нарушение запретов Святой Церкви по части секса. Не в пример нашим временам, женщин якобы из-за их природы выставляли помешанными на сексе и ненасытными в своих желаниях, да еще настолько, что каждую женщину постоянно подозревали в прелюбодеянии. Более того, считалось, что если сексуальные запросы женщины не удовлетворены, то она не побоится обратиться к колдовству. В целом средневековые понятия о женской сексуальности не имеют почти ничего общего с современными за тем исключением, что она также признавалась чем-то дурным.

Разобравшись в том, как женщинам надлежало выглядеть и проявлять себя в любви, мы обратимся к обязанностям, которые возлагались на средневековых женщин за пределами спальни. Прежде всего, женщин рассматривали как жен и матерей. Церковь временами пыталась вмешаться и обратить женщин на путь религиозного созерцания и безбрачия. Однако по большому счету быть женщиной означало плодиться и размножаться.

Хотя большинство женщин действительно вступали в брак и рожали детей, от них ожидали также, что они будут заняты и в других сферах деятельности. Большинство женщин Средневековья были крестьянками и занимались сельским хозяйством месяц за месяцем, год за годом. Также крестьянки, как и жительницы города, могли заниматься каким-либо надомным промыслом, например ткачеством, выпечкой или варкой пива. Некоторые женщины овладевали более престижными профессиями — они были художницами и ремесленницами, продавщицами и хозяйками магазинов, повитухами, а если Церкви было угодно, то и монахинями. Между тем женщины из богатого сословия тоже не жили

в праздности. Быть благородной или королевской особой по сути тоже считалось специфической и тяжелой работой. Так что женщины, хотя и были в первую очередь женами и матерями, никогда не считались *только* таковыми. В Средневековье быть женщиной означало постоянно работать, даже если этот труд не всегда ценился так же, как труд мужчин.

И наконец, мы перейдем к нашим собственным ожиданиям в тех же областях. Мы увидим, что философские и академические обоснования женской природы используются теми, кто настаивает, что наше отношение к прекрасному полу остается прежним, но что, невзирая на это, сейчас мы живем в золотом веке для женщин. Когда мы видим то, как средневековое общество смотрело на женщин, и то, какой действительно была их жизнь, нам сразу становится ясно, что ожидания, возлагаемые на женщин современным обществом, можно называть какими угодно, но только не «традиционными». Наши представления об идеальной женщине со средневековых времен существенно изменились, как изменилось и наше понимание того, что именно не так с женщинами. Но что, к сожалению, не меняется, так это наше желание подчинить женщин — судить их по самым суровым меркам и находить в них недостатки. В итоге все по-прежнему — разве что обоснования изменились.

Не подумайте, однако, что эта книга о предопределенности женской доли. Если наши представления о женщинах постоянно пересматриваются, чтобы оправдать скверное отношение к ним, значит, мы с таким же успехом можем пересмотреть их, чтобы обеспечить уважение женских способностей и желаний. Как только мы поймем, что наши предрассудки по отношению к женщинам культурно обусловлены, мы сможем разрушить их и выстроить новые убеждения. И потому в главе 1 давайте подорвем самый фундамент этих предрассудков — философские основы средневековых представлений о женщинах.

Назад, к основам

В 1371 году Жоффруа IV де Ла Тур Ландри* начал писать книгу для своих дочерей. В предисловии он вспоминает о своей всепоглощающей любви и привязанности к их матери, которая была «удостоена всеобщего почтения и превознесена как совершенство, обладала учтивыми манерами и среди благородных была благороднейшей». Ее кончина на много десятилетий погрузила его в глубочайшую скорбь по утраченной им «образцовой любви» и в то же время привела

---

* Жоффруа де Ла Тур Ландри (между 1326 и 1330 — около 1404 или 1405) — французский рыцарь из Анжу, участник Столетней войны, известный также как «Рыцарь Башни», автор нескольких книг. *Прим. пер.*

к осознанию того, как ему надлежит поступить, чтобы воспитать своих дочерей такими же, как была их мать. Его «душа желала, чтобы они были удостоены почтения и обрели высокие достоинства; и так как они всё еще малы и юны... надобно как можно раньше взять их воспитание в свои руки и осторожно направлять их». И потому он решил, что «напишет для них книгу, в которой соберет сведения о всех достопамятных женщинах, заслуживающих восхищения... дабы на их примере показать, что такое истинная женственность и благонравие и как за свои добродетели они удостоились почета и уважения, каковые пребудут с ними и впредь»².

Де Ла Тур представляет книгу своим дочерям

Гравюра Альбрехта Дюрера

из немецкого издания «Рыцаря Башни». 1493 г.

Доверив эти слова пергаменту, Жоффруа не только дал своим дочерям поучения о нравственности и поведении в обществе, но и привел превосходный пример бытовавшего в его обществе отношения к женщинам. Каждой из них открывалась возможность достичь апогея женственности — стать

любимой супругой и матерью, чей преданный муж будет слагать для нее стихи, а в годы после ее смерти с нежностью писать о ней. Однако такими женщины не рождались, а становились благодаря своевременному вмешательству в их воспитание родственников мужского пола и подражанию похвальным примерам из прошлого. Именно мужчины знали, какой надлежит быть женщине, именно они лучше всего могли понять и укротить женскую природу, чтобы она послушно следовала идеалу. И чтобы возлюбленная дочь со временем могла стать желанной супругой, мужчинам надлежало подавить в ней худшие женские качества, смирить ее нрав, приручить ее, сделав из нее верную помощницу, и этот статус женщины считался наивысшим. Во всяком случае, любой средневековый мужчина подтвердил бы вам, что так должно быть, спроси вы его (или сказал бы это, даже если бы его не спросили).

Из того, что женщин можно сделать идеальными, следовал вывод, что без целенаправленного вмешательства они не могли сами стать таковыми. Мужчины — вот кто по определению соответствовал идеалу, тогда как женщины считались людьми второго сорта или всего лишь зеркальным отражением мужчин, их обязывали трудиться на благо сильного пола и быть дополнением к нему. Кроме того, полагалось, что женщинам не хватает тех полезных качеств, которыми обладали мужчины. Если мужчины были крепкими, твердыми, разумными и благочестивыми, то женщины, предоставленные самим себе, становились слабыми, непостоянными, тщеславными, похотливыми и — что хуже всего — в итоге оставались незамужними. Именно поэтому рождение девочек не обязательно было нежелательным, а просто означало, что родителям вроде Жоффруа придется потрудиться, если они хотят, чтобы их дочери со временем стали полноценной частью семьи и общества.

Эти воззрения на женщин и их природу не родились из головы Зевса: они были получены от ученых Античности.

Мыслители Средневековья полагали себя «стоящими на плечах гигантов», как сказал ученый и философ Бернард Шартрский (ок. XII века). Этой формулировкой он желал подчеркнуть преемственность знаний, которые начали накапливаться еще во времена античных философов и мыслителей и неуклонно развивались в последующие эпохи другими учеными.

Фактически вся система средневекового образования была построена вокруг идей древнегреческих и древнеримских авторов и на основе их сочинений. Что касается половых различий, мысли корифеев Античности на этот счет оказали огромное влияние на средневековую мысль.

Ученые Средневековья благоговели перед своими предшественниками, считая, что те выстроили не только наивысшую, но и почти божественную по своей сущности философскую систему — в силу самого факта их принадлежности к древности. Считалось, что те философы родились в эпоху, которая была ближе ко времени существования Эдемского сада, места пребывания Бога. С тех пор человечество все дальше и дальше отдалялось от того времени и места, где ощущалось божественное присутствие, и потому неуклонно теряло знания. Между тем библейский миф о сотворении мира послужил хорошей отправной точкой для плодотворных теологических изысканий средневековых философов и богословов. И это была всего лишь одна часть сложной христианской теологической системы, дополненной в эпоху патристики (длившейся примерно с 100 по 450-е годы н. э.) Отцами Церкви и расширенной средневековыми европейскими учеными.

Если мы хотим понять, как люди в Средневековье смотрели на женщин, для начала нам следует разобраться, откуда они черпали свои идеи. А для этого нам придется обратиться к античному прошлому и посмотреть на тех гигантов, на чьих плечах стояли люди Средневековья.

Теоретизирования о женском теле: Гиппократ

Самым древним среди античных авторов, почитаемых средневековыми мыслителями, был древнегреческий врач Гиппократ с острова Кос (ок. 460–370 до н.э.). Даже сегодня Гиппократа, всем известного настолько, насколько это возможно, если ты родился 2500 лет тому назад, называют «отцом медицины»³. Его имя навеки связано с клятвой Гиппократа, которую приносят все врачи, считая ее своим главным постулатом, и которая предписывает им, среди прочего, «воздерживаться от намеренных неправильных действий и причинения вреда», «применять во благо больного все меры [которые] необходимы» и «помнить, что [они] остаются членами общества с особыми обязательствами перед всеми людьми». Гиппократ основал медицинскую школу, чем дал начало целой категории хорошо обученных практикующих врачей, ставивших во главу угла профессионализм и неукоснительное следование методам и приемам лечения. Из-за этой школы с большим количеством учеников возникла путаница, и оказалось, что многое из его труда «Корпус Гиппократа» не обязательно было написано им самим. Вместо него этот свод текстов могли создать его помощники, а также те, кто обучался по методам Гиппократа.

Вы можете задаться вопросом, как это люди в средневековой Европе могли читать Гиппократа и писать о нем, если он, будучи древним греком, само собой, читал и писал на древнегреческом языке. Ответ простой: они читали Гиппократа в переводе, как это делали поколения студентов на протяжении веков. Тексты Гиппократа составляли основу обучения медицине в эллинистическом мире. Их всё еще преподавали в Александрии, когда она стала центром просвещения римского мира. А древние римляне, как вы, вероятно, знаете, говорили на латыни и старались перевести на нее все сколько-нибудь значимые тексты, чтобы избавить себя от необходимости

изучать древнегреческий язык. Таким образом, гиппократовские тексты поступали в библиотеки римлян уже в переводе на знакомый им язык.

Падение Западной Римской империи не повлекло за собой падение популярности трудов Гиппократа⁴. Остготы (их еще называли варварами, и это они обрушили умирающую Западную Римскую империю) переняли александрийско-гиппократовскую модель обучения врачей и распространили ее в своей новой столице Равенне. На самом деле остготам настолько понравились труды Гиппократа, что они стали переводить те его тексты, которые еще не успели перевести на латынь. В число таковых вошел трактат «Женские болезни», содержание которого во многом соответствует названию, а также «Афоризмы», сборник кратких, но содержательных наставлений врачам, открывавшийся следующими словами: «Жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай быстротечен, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен употреблять в дело все, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности»⁵.

Гиппократовская школа и ее трактаты абсолютно важны для понимания античной и средневековой медицинской мысли, но, хотя эта система была основана на наблюдении, сегодня мы бы не назвали эту лечебную практику «медициной» или «наукой». Например, одним из краеугольных камней медицинских представлений Гиппократа была так называемая гуморальная теория, или гуморизм⁶. Суть этой теории заключалась в том, что в теле человека есть «гуморы», то есть четыре жидкости: кровь, флегма (слизь), желтая желчь и черная желчь. Каждый гумор ассоциировался с одной из четырех стихий соответственно: с воздухом, водой, огнем или землей. Кроме того, с гуморами связаны четыре типа темперамента: сангвиник, флегматик, холерик и меланхолик.

Притом что в теле всякого человека содержатся все четыре гумора, в телах мужчин и женщин, согласно теории гуморизма, они присутствуют в разных количествах. Мужчины рассматривались как существа горячие и сухие, иными словами, по своей природе были сангвиниками и общественно полезными людьми. Женщины, в отличие от мужчин, представлялись как холодные и влажные, в силу чего были более склонны к флегматичности или спокойствию. Вместе с тем тот факт, что каждый человек обладает всеми четырьмя гуморами, означал, что гуморальный баланс в теле может складываться в любых соотношениях, что приводит к большей свободе в поведении людей. Историк Шерри Сайед Гадельраб называет эти различия «скользящей шкалой» между полами, имея в виду, что Гиппократ и его последователи признавали «возможность, что индивид мог быть более мужественным или более женственным, чем другие представители его пола»⁷.

Четыре гумора

Гравюра из трактата Леонарда Турнейссера «Квинтэссенция»

Кроме того, гуморальный баланс изменяется на протяжении жизни, и этот процесс напоминает смену времен года. Молодые люди считались более сухими и горячими, пожилые — более холодными и влажными. Притом это были не только описания или наблюдения, а целая система, определявшая, как должны взаимодействовать между собой гуморы. Женщинам *полагалось* быть холодными и влажными и вести себя определенным образом, однако среди них можно было встретить тех, кто был более горячим и сухим, чем женщины в среднем. Мужчины могут быть женственными, женщины — мужественными. У представителей разных полов темперамент может меняться в результате действий определенного рода. Под такими действиями я, конечно же, подразумеваю секс.

В трактате «О воспроизводстве», например, Гиппократ сообщает, что женщинам «надлежит вступать в половые связи с мужчинами, [потому что] при этом их здоровье будет лучше, чем в том случае, когда они не будут этого делать... Половой акт, разогревая и разжижая кровь, облегчает прохождение менструаций; тогда как если месячные очищения не наступают, женский организм более подвержен болезням»⁸. Это наставление показательное в нескольких отношениях. Так, оно позволяет сделать вывод, что Гиппократу женские организмы представлялись (а) странными и (б) предрасположенными к сбоям, в частности потому, что у них есть матка. С точки зрения врача, который пытается объяснить коллегам, как работают человеческие тела, определенный смысл в таком представлении есть. Непонятность женщин состояла в том, что у них есть все то, чего нет у мужчин, и это находится внутри их тел, что сильно затрудняет обследование. В итоге все внимание врачей гиппократовской школы в первую очередь сосредоточивалось на этой неуправляемой и непостижимой матке и на том, что она замышляет, притаившись в глубинах женского тела.

Гиппократ, Авиценна и Гален

Гравюра из медицинского трактата XV в.

В их представлении матка выступала неким самостоятельным образованием внутри женского тела. Следовательно, она могла блуждать и провоцировать недуги, которых не бывало у мужчин, например состояние, известное как истерия, которое вызывало удушье, тревожность, дрожь, а в крайних случаях — судороги и паралич.

Впрочем, было одно надежное средство ослабить истерию — беременность. Ведь в период беременности матка уже не могла блуждать, поскольку была прикована к одному месту, пока в ней вырастал плод.

Если женщина, достигшая поры полового созревания, не была сейчас беременна, но в идеале уже состояла в браке, ей надлежало регулярно заниматься сексом, чтобы поддерживать матку в хорошо увлажненном и теплом состоянии. Иначе матка в отсутствие секса могла не очищаться вовремя от крови или, того хуже, она могла отдрейфовать к другим более увлажненным органам — к мозгу, сердцу или печени, — чтобы

впитать их влагу. А женщина, если матка пробралась к ней в мозг, могла поступать неразумно, усложняя жизнь всем окружающим. Именно поэтому недополучавшие секса женщины становились проблемой для общества.

В мире Гиппократ — а следовательно, и в средневековом мире тоже — печень была печенью, мозг был мозгом, и только у женщин был странный орган, делавший их *несопоставимыми* с мужчиной. Женщины представлялись более сложными в своем физическом устройстве, и эта сложность была особенно таинственной и непостижимой, поскольку была спрятана внутри их тел. Развитию медицины препятствовало еще и то, что анатомическое препарирование трупов в Древней Греции было практически делом неслыханным. Это было связано с тем, что греки видели в мертвых телах потенциальный источник заразы, особенно если взрезать их кожу, а также с тем, что на страже неприкосновенности мертвых стояли правовые и религиозные запреты. Таким образом, внутренняя анатомия женского тела на протяжении того периода оставалась покрытой «завесой тайны»⁹.

Духовные философствования о женщинах:

Платон

Врачи были не единственными среди античных мыслителей, кто рассуждал на темы секса и пола. У философа Платона^{*} тоже было что сказать по этому вопросу¹⁰. Размышления Платона о женщинах обладали особенным влиянием, поскольку, как и Гиппократ, он тоже философствовал не в вакууме, а основал собственную школу, чем обеспечил сохранение своего наследия. Школа Платона располагалась вблизи Афин и называлась Академией. В Академии Платон ввел изучение широкого

---

^{*} Предполагается, что Платон родился в промежуток времени с 428 по 423 год до н.э., а умер в 348 или 347 году до н.э. *Прим. пер.*

круга дисциплин и положил начало европейской традиции диалектики и диалога^{*}. На темы секса он тоже размышлял.

Справедливо будет отметить, что труды Платона имели для философов столь же огромное значение, как для врачей труды Гиппократов. А его диалог «Тимей» оказал столь же мощное влияние на мыслителей Средневековья¹¹. «Тимей» был особенно популярен в средневековый период главным образом потому, что распространялся в латинском переводе. (В те времена ходили два варианта этого трактата, оба датируются четвертым веком, однако большее предпочтение отдавалось переводу, который приписывался римскому философу IV века Халкидию.)

Интерес средневековых мыслителей к «Тимею» примечателен для нас тем, что в нем Платон трактует женскую природу как своего рода духовную загадку. В «Тимее» он излагает свой миф о сотворении мира, представляя физический мир своего рода духовным испытанием, где мужчины — считавшиеся единственными человеческими существами — стремятся достичь высшего состояния бытия. Тот, кто не смог этого сделать, снова возвращался на землю, чтобы прожить жизнь заново. (Да, это похоже на древнегреческую версию буддийской идеи о реинкарнации.) Отгадайте, кем становятся мужчины при перерождении? В наказание за то, что они не смогли прожить высоконравственную жизнь, они возвращаются в мир уже как женщины.

Как только женщины появились в мире и стали существовать рядом с мужчинами, боги создали половое влечение. По утверждению Платона, у мужчин и женщин оно проявлялось по-разному. В телах мужчин боги открыли специальный канал, который тянется от мозга вдоль позвоночного столба

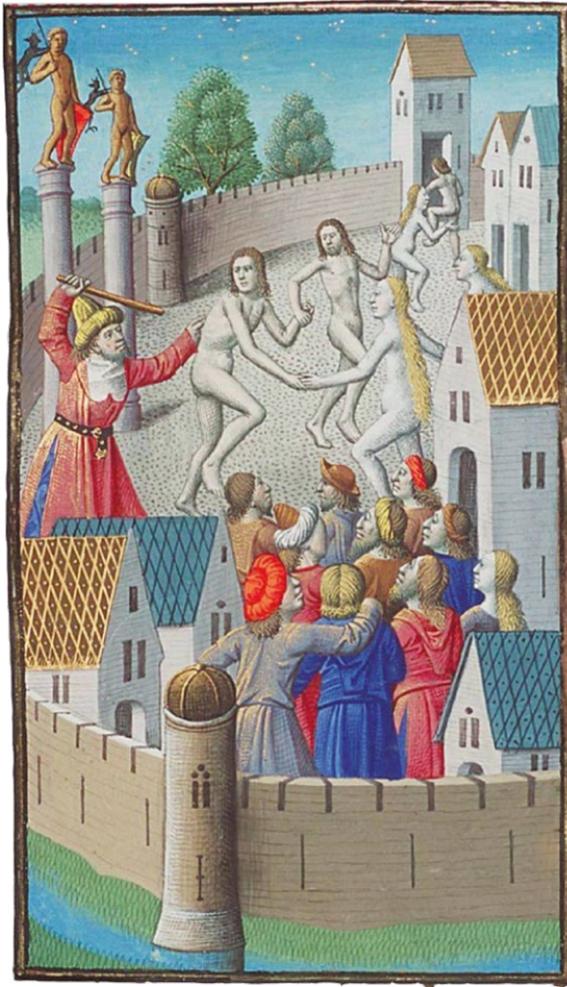
---

^{*} Значительную часть своих сочинений Платон записал в форме диалогов, бесед между историческими или вымышленными персонажами. *Прим. ред.*

и позволяет семени перемещаться из мозга в яички. Семя обладало душой и хотело излиться в матку женщины, чтобы зачать новую жизнь. Это влечение называлось *эросом*. Особенность эроса была в том, что он побуждал пенисы мужчин действовать произвольно. Платон утверждал, что пенисы по сути своевольны, подобно не подвластному никому дикому зверю. Это представление, в свою очередь, отразилось на его представлении о матке. Подобно многим мыслителям-гиппократикам до него, Платон считал, что детородный орган женщин, в дополнение к мужскому, представляет собой некое существо, которое рыщет внутри тела, а оживает благодаря сексуальным желаниям женщин. Вслед за Гиппократом Платон утверждал, что матку надлежит умиротворять и закреплять на месте беременностью. Таким образом, необузданность пениса и матки может быть укрощена детородной сексуальной активностью¹².

Сам факт, что Платон наделяет диким непредсказуемым поведением как пенис, так и матку, мог бы восприниматься как некоторого рода эволюция во взглядах или прогресс по сравнению с представлениями Гиппократа. Ничуть не бывало. В то время как своевольный пенис Платон упоминает в своих текстах лишь вскользь, блуждающей матке он уделяет много внимания, как и необходимости удерживать ее на месте деторождением. В то же время мы видим у Платона иерархичность в описании детородных вождений мужского и женского половых органов. Семя *хочет* быть излитым, поскольку наделено душой. Меж тем как матка жаждет получить эту субстанцию вместе с ее душой, чтобы производить детей.

Платон воспринимал женщин как падших людей и потому считал их неполноценными по сравнению с мужчинами. Соответственно, он настаивал, что общество должно быть организовано таким образом, чтобы мужчины могли властвовать над женщинами. В конце концов, женщины уже

Платон изгоняет танцующих мужчин и женщин

Миниатюра Мастера Франсуа из книги «О граде Божьем».

Между 1475 и 1480 гг.

зареккомендовали себя как неспособные принимать правильные решения в вопросах морали. Иначе они даже *не были бы* женщинами.

Философствования о женском теле:

Аристотель

При всей безмерной значимости «Тимея» в Средние века мыслители того времени ставили одного древнегреческого философа превыше всех прочих, и это был Аристотель (384–322 до н. э.)¹³. Аристотель и поныне так широко известен, что едва ли нуждается в представлении. Он *другой* философ, которого все знают. И снова это стало возможным во многом благодаря тому, что он возглавил собственную школу, в которой его идеи находили учеников и последователей. Она называлась Ликеем и, кроме того, была храмом, посвященным богу Аполлону. Также это место называлось школой Перипатетиков, так как обучение философов

Женская репродуктивная система

Гравюра из книги *Anatomia Mundini, Ad Vetustis*. 1541 г.

проходило во время прогулок по перипатетам, или пешеходным дорожкам Ликея. Перипатетики главным образом сосредоточились на сохранении и комментировании трудов Аристотеля после его смерти, их стараниями школа Аристотеля просуществовала до III века нашей эры. Далее труды Аристотеля взяли на вооружение римляне, ревностно отстаивавшие свой статус законных наследников эллинистического мира.

Сказать, что мыслители Средневековья почитали Аристотеля, было бы преуменьшением. Безгранично обожая Аристотеля, они нередко называли его просто «Философ». И потому средневековую философию во многом можно рассматривать как перипатетическую, да и сами философы Средневековья причисляли себя к этой школе. Не говоря уже о том, что каждый, кто в средневековую эпоху отличался грамотностью (то есть умел читать на латыни), был воспитан в основном на трудах Аристотеля и считал своей обязанностью продолжать его традицию.

Подобно Гиппократу и Платону, Аристотель писал на древнегреческом языке, а средневековые ученые читали его труды в латинских переводах. Многие из них выполнил философ и римский консул времен раннего Средневековья Боэций (ок. 477–524). Однако переведены были не все труды Аристотеля, и поэтому люди раннего Средневековья, не знавшие древнегреческого языка, в основном читали только то, что Боэций счел достойным перевода. Среди переводных работ Аристотеля более всего изучались логические труды «Категории» и «Об истолковании». Помимо собственно переводов мыслители высокого и позднего Средневековья также работали с многочисленными разъяснениями и трактовками Аристотеля, выполненными арабским ученым Ибн Синой (ок. 980–1037), которого средневековые ученые-европейцы называли Авиценной.

Как и Платон, Аристотель придерживался убеждения, что понятие «человек» изначально по своей сути подразумевает именно мужчину. По его мнению, мужчины представляли собой ту основу, на которой должны строиться суждения о всем роде человеческом, а женщина представлялась ему бледным подобием мужчины. Согласно его трактату «Политика», мужчина — «высшее существо, а женщина — низшее, мужчина — правитель, а женщина подвластна ему...»¹⁴. Как ни неприятно читать эти строки, важно отметить, что, по глубокому убеждению Аристотеля, общественные роли должны быть основаны на человеческой природе: мужчинам следует властвовать, женщинам — подчиняться.

Как всякий достойный эллинский мыслитель, знакомый с трудами Гиппократы, Аристотель считал, что человеком управляют его гуморы. По его мнению, поскольку женщины холодные и влажные, то это значит, что они к тому же, в отличие от мужчин, «более своенравны, привередливы, порывисты... жалостливы... легче поддаются слезам... более ревнивы, раздражительны, склонны браниться и драться... предпочитают уныние надежде... в них больше бесстыдства и меньше самоуважения, в их речах больше коварства, они лживы, но имеют цепкую память... более недоверчивы, боязливы, им труднее решиться на поступок»¹⁵. Вы и сами заметили, что в этот список жалоб по поводу «природных» изъянов женщин Аристотель добавил несколько маленьких комплиментов. Конечно, женщины — визгливые гарпии и перестают плакать только тогда, когда хотят обмануть вас, но также у них цепкая память и они *многогранны!* Тем не менее мужчинам следует держать их под своей властью, потому что женщинам нельзя доверять.

Доказательства своей правоты Аристотель черпал в особенностях женского облика. У женщин, утверждал он (ошибочно), меньше зубов, чем у мужчин. У женщин нет наружных

половых органов. (Это следовало считать за откровенный изъясн, но почему, до конца не объяснено.) В итоге Аристотель предположил, что женщины — это *мужчины навыворот*, и когда они проходили это превращение, тогда и потеряли свои достоинства.

Медицинский взгляд на женщин:

Гален

Еще до начала Средневековья размышления Аристотеля о женщинах и сексе были систематизированы Галеном (129 — ок. 216). Известный также как Аэлиус или Клавдий Гален, он же Гален из Пергама, он был врачом, пользовавшимся непререкаемым авторитетом. Подобно троем мыслителям, с которыми мы уже познакомились, Гален был греком, но знал мир в совсем ином облике, чем его предшественники, поскольку родился несколькими столетиями позже и жил во времена обретшей силу Римской империи. Гален происходил из богатого семейства в Пергаме (сейчас — турецкий город Бергама), что дало ему возможность получить прекрасное образование и много путешествовать. И как всякий, кто желал сделать блестящую карьеру во времена расцвета мощи и влияния Римской империи, Гален в конечном счете поселился в том самом Вечном городе. Тем не менее свои труды он писал на древнегреческом языке. Большинство трудов Галена средневековое общество открыло для себя только после того, как их перевели сначала на арабский язык, а уже с арабского на латынь в XII веке, и позже, в конце XV — начале XVI веков, когда последовала вторая волна переводов его работ¹⁶.

В Риме Гален в меру своих возможностей занялся расширением накопленных к тому времени медицинских познаний. Он дополнил представление Гиппократов и Аристотеля о гоморальной теории, произведя ряд открытий. К несчастью

для Галена, в Римской империи строго запрещалось анатомировать человеческие тела, поэтому для дальнейшего развития гуморальной теории он препарировал трупы обезьян и свиней. В то время считали, что человек *внешне* походил на медведя или обезьяну, а *внутренне* — на свинью.

Проведение реальных экспериментов на настоящих человеческих телах было огромным шагом вперед. Однако Гален считал, что физиологические процессы не противостоят философским взглядам и уж тем более не опровергают их. Напротив, физиология, по его мнению, гармонично соотносилась с философской системой его предшественников и добавляла ей стройности. Гален так твердо верил в это, что даже написал трактат «О том, что лучший врач в то же время — философ»¹⁷. Учитывая эту исходную посылку Галена, вы, вероятно, не удивитесь, узнав, что все производимые им вскрытия абсолютно не изменили представление Аристотеля о женщинах как о вывернутых наизнанку мужчинах.

Напротив, Гален продолжил традицию перипатетиков и потому настоятельно советовал своим читателям при рассмотрении женского тела «первым делом представлять, что мужские [гениталии] завернуты внутрь и располагаются между прямой кишкой и мочевым пузырем. При этом мошонка неизбежно займет место матки, а яички расположатся рядом по обе ее стороны». Обратите внимание, что хотя гениталии есть у обоих полов и они более или менее одинаковые, пусть и расположены в разных местах, Гален рекомендует брать за *исходную точку* мужские гениталии. Никакие вскрытия, сколько бы их ни производил Гален, не изменили его представлений о женском теле, потому что отношение к женщинам как к второстепенным существам не имело ничего общего с медицинскими фактами. Женщин не признавали полноценными людьми с их холодными и влажными гуморами, гениталиями наизнанку и неподвластным логике мозгом.

Образованные женщины Античности

В Древнем Риме считали, что женщины не обладают достаточно крепкими умом, чтобы иметь право голоса, и поэтому им запрещали участвовать в научных обсуждениях их собственной человеческой природы¹⁸.

Тем не менее — и это очень важно — женщины все же пытались сказать свое слово. Как в древнегреческом, так и в древнеримском обществе женщины, принадлежавшие к богатой элите, обычно получали образование и нередко преподавали, писали стихи и создавали произведения искусства. Кроме того, женщины блестяще проявляли себя в философии. Общеизвестно, что математик Пифагор (надеюсь, все слышали о его теореме?) учился у философа Темистоклеи (VI век до н. э., также известна как Аристоклея или Теоклея), но, к сожалению, ни одно из ее сочинений не дошло до наших дней¹⁹. Философ-киник Гиппархия (ок. 350–280 до н. э.) шокировала греческое общество и прославилась тем, что носила мужскую одежду и жила в равенстве со своим супругом, киником Кратетом. Ее философские труды были настолько известны, что она стала единственной женщиной, которая упоминается в книге Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», которая представляла собой энциклопедию, собравшую в себе воззрения известных греческих мыслителей²⁰. Хотя, к сожалению, сохранилось мало ее трудов, сама ее жизнь рассматривалась как философский аргумент в пользу равенства женщин и мужчин. Во времена римского владычества в Александрии жила и трудилась философ Гипатия (ок. 350–415), она обладала богатыми знаниями, преподавала математику, астрономию и неоплатоническую философию. Ее необыкновенный ум опять же доказывал равенство женщин и мужчин, недаром историк церкви Сократ Схоластик (ок. 380–439) восторженно писал, что она «не испытывала смущения, появляясь среди собрания мужчин.

Ибо из-за ее необыкновенного достоинства и добродетели все мужчины еще больше восхищались ею»²¹. Это, безусловно, высокая похвала, тем более из уст христианина в адрес женщины-язычницы, и яркое свидетельство уважения, которым пользовалась Гипатия.

Гиппархия

Гравюра 1580 г.

Каким бы блестящим интеллектом и независимостью ни обладали эти женщины, как бы убедительно ни доказывали своим примером состоятельность женской человеческой природы, их по-прежнему не воспринимали всерьез и относились к ним как к очередному зрелищу. Сам факт, что Гиппархии приходилось носить мужскую одежду в доказательство своего равенства с мужчинами, вызывает сомнения, действительно ли общество воспринимало всерьез труды женщин. Пусть нам известно имя Темистоклеи, но мы даже не знаем, в какие годы она жила. Притом что она,

безусловно, относилась к числу блестящих интеллектуалов своего времени, в истории в качестве ее главного достижения сохранился лишь тот факт, что она преподавала науки мужчинам. Ни одно из сочинений этих женщин-философов не сохранилось в достаточной полноте, чтобы сколько-нибудь глубоко изучить его. Напротив, нам предлагают примириться с мыслью, что современное им общество считало их белыми воронами. Или еще хуже того: в 415 году Гипатию растерзала толпа разъяренной черни, заподозрив ее в занятиях черной магией.

Средневековое образование

В эпоху Средневековья богословы распространяли фундаментальные знания через специальные школы, где преподавали философы и священнослужители, их создавали сначала при монастырях, а позже в университетах. Работа этих немногих образовательных учреждений дополнялась общим развитием культуры. Тех, кто не имел доступа к формальному образованию, все равно учили в домашних условиях; они получали знания о богословии и космологии в своих приходских церквях, из популярных книг, а иногда даже из театральных постановок. Людям Средневековья очень нравилась идея воспринимать себя преемниками великих империй Античности, что добавляло к их почитанию древних мифический элемент. Достаточно усердные претензии на преемственность Аристотелю позволяли претендовать и на создание второго Ликея.

Эта потребность в утверждении своей связи с Античностью порой принимала абсурдные формы. Бывало, например, что летописцы (которые были похожи на средневековых историков, но помимо прочего в своих трудах также превозносили добродетели и свершения своих покровителей) изображали различных правителей потомками героев древности. Так,

французский поэт XII века Бенуа де Сент-Мор (ум. в 1173), например, писал, что Карл Великий (748–814) вел свой род от легендарного троянца Франкуса²².

Другой пример — бенедиктинский монах и ревностный хронист Гальфрид Монмутский (ок. 1095–1155) в своей «Истории королей Британии» (*Historia Regum Britanniae*) сообщает, что само название страны, Британия, пошло от имени ее первого короля Брута, внука Энея, который отправился к берегам Британии, чтобы уничтожить живущее там племя великанов²³.

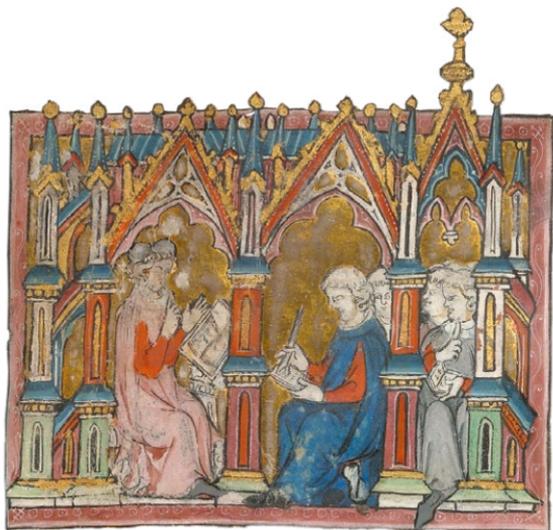
Вовсе не случайно, что в обоих примерах фигурируют троянцы, поскольку обращение к ним давало двойную выгоду. Заявив о своем происхождении от троянца, можно было *одновременно* приобщить себя и к славе эллинистического мира, и к славе Рима. Это имело большое значение, так как повсеместно было распространено убеждение, что Рим и древнегреческие города-государства были вершинами человеческих стремлений. Добавьте к этому уравнению христианство, и оно будет почти оптимальным — по крайней мере в том, что касается земной цивилизации.

Карл Великий считал, что распространение античных знаний и текстов — это одно из доказательств его возможного древнеримского происхождения (а заодно и доказательство того, что он законный правитель крупнейших сопредельных территорий Европы). Это и стало причиной начала того, что историки называют Каролингским возрождением²⁴ — периодом расцвета искусства и культуры в монастырях по всей империи Каролингов при особой поддержке самого императора. Вместе со своим придворным ученым Алкуином из Йорка (ок. 735–804) Карл Великий поддерживал проведение масштабных образовательных реформ, чтобы улучшить положение своих подданных-христиан. Всем кафедральным соборам и монастырям предписывалось открыть школы, где мальчиков

обучали бы письму и чтению, для того чтобы они могли понимать Библию, переписывать значимые тексты и вносить вклад в христианское общество. Было решено, что лучший способ достичь этих целей — сосредоточиться на изучении семи свободных искусств, подразделявшихся на две ступени. Первая и самая важная ступень называлась «тривиум» и предполагала изучение грамматики, логики и риторики. Освоив эти науки, учащиеся могли перейти ко второй ступени, квадривиуму, куда входили арифметика, астрономия, геометрия и музыка.

И вскоре, следуя приказу Карла Великого, каждый кафедральный собор и монастырь в пределах его империи начал обучать чтению и письму на латыни каждого мальчика, который приходил туда. Для учебного процесса школы подбирали доступные древние тексты. Ученики изучали Платона и читали «Одиссею». Читали Овидия и спорили о Вергилии. В годы правления Карла Великого обучение подразумевало изучение древнегреческих и римских произведений, и от учеников требовалось хорошо усвоить их, чтобы в дальнейшем перейти к постижению библейской мысли.

Те же представители духовенства способствовали распространению знаний не только преподаванием, но и тем, что переписывали и распространяли значимые тексты. Монашеская жизнь в целом предполагала, что труд должен составлять неотъемлемую ее часть и выступать в качестве разновидности богослужения — по заповеди *ora et labora*, то есть «молитвы и труд». Учитывая образованность большинства монахов и их доступ к библиотекам, одной из форм труда, к которому они были как никто подготовлены, было переписывание книг. Благодаря их работе появилось огромное количество списков с сочинений Платона, Аристотеля и Галена для нужд многочисленных открывавшихся по всей Европе монастырских и соборных школ.

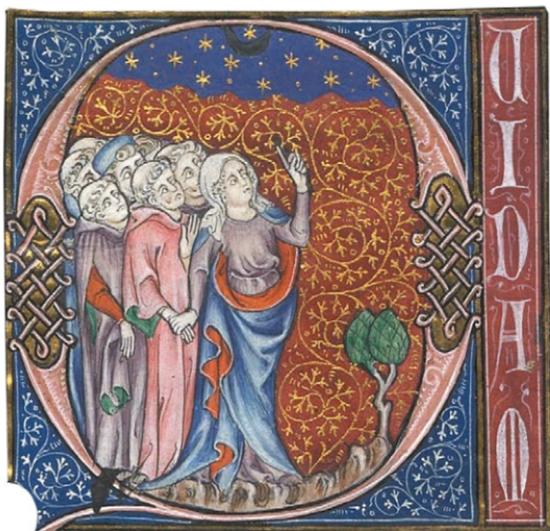
Студенты слушают лекцию

Миниатюра из «Книги сокровищ» Брунетто Латини

Даже после того, как пресеклась династия Карла Великого, а его империя развалилась, его вклад в образование и просвещение надолго остался в средневековом сознании. Три столетия спустя свой взлет культурного и творческого возрождения переживал уже XII век, и историки нарекли то время Возрождением XII века²⁵. Его очагами стали университеты, которые начали появляться в конце XI века и постепенно набирали силу, превращаясь в желаемый механизм углубленного образования. Университеты были учреждены в Болонье (в 1088 году кружком страстно заинтересованных студентов), в Париже (в 1150 году клириками, связанными с соборной школой Нотр-Дам) и в Оксфорде (тоже клириками, либо не желавшими ехать в Париж, либо лишенными возможности учиться там из-за запрета, введенного в 1167 году английским королем Генрихом II [1133–1189]). Студенты поступали в эти учебные заведения в надежде впоследствии занять выгодные должности

в Церкви или при одном из королевских дворов. Обучались они во многом тем же дисциплинам, какие преподавали своим ученикам монахи Карла Великого, правда, с особым упором на риторику, так как академические диспуты с приведением аргументов получили более широкое распространение.

Из-за таких акцентов в образовании студенты оказались на строгой «диете» сплошь из одних трудов древних авторов. Сложилась идеальная среда для бездумного распространения античных представлений о женщинах и сексе, какими бы абсурдными они ни были. Ученым Средневековья философия представлялась не чуждой золотому правилу комической импровизации в театре: вам предлагают некое утверждение, а вы принимаете его за исходную посылку, говорите «Да, и...» и логически развиваете ее. Если вас воспитали и обучили в духе откровенного преклонения перед конкретными трудами, если внушали, что древнее знание обладает большей полнотой, то,

Женская персонификация астрономии

Миниатюра. Между 1309 и 1316 гг.

владея им и поддерживая его, вы тем самым доказываете, что вы заслуженно занимаете свое место в мире, и, скорее всего, не решитесь критически оценивать эти античные истины. И это в особенности так, если ваши собственные богословские воззрения совпадают с древними представлениями о женщине, которые были вложены в вас на студенческой скамье.

Доктрина первородного греха

Общая система взглядов на женский пол постоянно совершенствовалась, оттачивалась и оспаривалась на протяжении всего европейского Средневековья, но все христиане соглашались с одной непреложной истиной: женщины повинны в существовании греха, в смертности человека, а также в собственных родовых муках. Этими «забавными» общепринятыми выдумками мы обязаны — в очередной раз — библейскому мифу о сотворении мира, согласно которому корень всех зол в том, что Ева вздумала вкусить плод познания.

Эта концепция была и остается известной как доктрина о первородном грехе. Богослов и философ Августин* (354–430), чьи труды оказали столь значительное влияние на канон христианства, что его почитают как Отца Церкви и святого, в своем учении выдвинул концепцию греха как своего рода порчи, которая передается из поколения в поколение, будучи неотъемлемой частью телесности. До грехопадения Адам и Ева были более подобны духовным воплощениям, нежели физическим телам. Когда же они согрешили и были изгнаны из Рая, их наделили плотью и обрекли быть смертными²⁶. Для многих истово верующих христиан это стало поводом для настоящего гнева. Мысль о собственной кончине никогда не была приятна, и потому люди того времени могли запросто разозлиться

---

* Речь идет об епископе Аврелии Августине, также известном как Блаженный Августин. *Прим. пер.*

на каких-то, может, реальных, а может, и вовсе аллегорических предков, по чьей милости все люди, по выражению Августина, живут в *massa peccati*, или в массе греха, и потому мерзки.

Адам и Ева

Миниатюра из Часослова Карла V

Прежде чем вы сделаете поспешные выводы, замечу, что вина возлагалась не на одних только женщин. Согласно доктрине первородного греха, часть вины лежит и на мужчинах. В конце концов, Адам ведь тоже решил вкусить плод с древа познания, после чего стал таким же смертным, как Ева.

Однако в данном случае выделялись разные уровни вины.

Ева решила вкусить запретный плод, потому что ее соблазнил на это змей, а она легко поддалась, не обладая достаточным разумом и моральной стойкостью, чтобы отвергнуть запретное. Адам же, если следовать Августину, соблазнился и вкусил плод не просто по слабости своей, но из желания разделить пережитый Евой опыт. Да, его изгнали из Райского сада точно так же, как Еву, но им, безусловно, двигали более чистые мотивы, чем Евой, или, по крайней мере, более сильные. Таким образом, Августин утверждал, что даже если мужчина и ослушался воли Божьей, то, вероятно, только по наущению Евы.

Если оставить в стороне учение о первородном грехе, то, как первые люди, Адам и Ева были предназначены служить архетипами для всего людского рода. Сотворенный первым, Адам по определению являл собой образец человека. Бог создал его по своему образу и подобию, притом таким, каким надлежало быть человеку: благочестивым, покорным, трудолюбивым, не поддающимся искушению. Женщины, с другой стороны, были подобны Еве, то есть созданные позже были второстепенны. Бог сотворил Еву из ребра Адама для того, чтобы она скрашивала его дни и вместе с ним производила потомство. Как сформулировал Августин, «жена рассматривается как помощник... она не есть образ Божий, хотя муж, рассматриваемый в том, что относится только к нему, есть образ Божий»²⁷. Женщины были придатками мужчин и, предоставленные самим себе, непременно взялись бы склонять слух к дьяволу и через это навлекать на мужчин проклятие смертности.

Чтобы вы вдруг не подумали, будто Августин был одинок в своем отращении к женщинам из-за умозрительно приписываемого Еве проступка, загляните хотя бы в Тертуллиана (155–220) и сами увидите, что он еще и не так упрекает женщин. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, родившийся в Римской Африке и живший еще до Августина, тоже был

значимым христианским мыслителем. В силу влиятельности идей Тертуллиана, его, как и Блаженного Августина, причисляют к Отцам Церкви. (В отличие от большинства других Отцов Церкви, он не был канонизирован, виной чему послужили некоторые его идеи, например, что в Троице Сын и Святой Дух занимают подчиненное положение по отношению к Отцу, что считалось ересью.) Однако Тертуллиан первым среди христиан написал огромный корпус богословских трудов на латыни. Средневековым христианам, умевшим читать на этом языке, очень нравилось выдергивать из работ Тертуллиана какие-либо фрагменты, соответствовавшие тому, что считалось общепринятой христианской догмой. Его представления о женщинах совпадали с их собственными.

Если точнее, Тертуллиан думал о женщинах в таких выражениях: «ты, несчастная жена... была, так сказать, дверью для дьявола... получила от него для нашей гибели запрещенный плод, ты первая возмутилась против Творца твоего, ты соблазнила того, на кого дьявол не смел напасть, ты изгладила в человеке лучшие черты божества, наконец исправление вины твоей стоило жизни Самому Сыну Божию; и после всего сего ты мечтаешь, ты смеешь украшать всячески ту кожу, которая дана была тебе единственно для прикрытия стыда?»²⁸ Проще говоря, во всем, что ни случается скверного, повинны женщины, но что еще хуже, они вместо того, чтобы задуматься о своей пагубности и направить себя на стезю исправления, только и делали, что мечтали о новых нарядах. Помимо прочего, эти строки ясно свидетельствуют о том, что даже восьмисотлетней давности богословские трактаты, и те были не чужды затасканных измышлений.

Замечу справедливости ради, что хотя Ева первой из женщин упоминается в Библии, она далеко не единственная на ее страницах²⁹. В Библии упоминаются истинно верующие женщины, являвшие моральные примеры для слабого пола.

Отважная Эсфирь, например, служила образцом праведности для иудейских женщин, равно как и для христианок. То же относится к Руфи, прабабушке царя Давида. Однако был один лучезарный идеал женственности, более всего почитавшийся христианами и отодвигавший на второй план других достойнейших женщин, — Пресвятая Дева Мария. Она воплощала идеал женственности не только потому, что была матерью Бога, но и потому, что и сама появилась на свет без первородного греха, благодаря непорочному зачатию. Это часто путают с божественным зачатием Иисуса, однако непорочным следует считать именно зачатие Марии, не оскверненное первородным грехом. В свою очередь, это позволило ей стать Божиим сосудом и произвести на свет Иисуса.

Богословские принципы, лежащие в основе непорочного зачатия, еще в раннем Средневековье сформулировала греческая церковь. Согласно архиепископу Константинопольскому и прославленному оратору своего времени Григорию Богослову (ок. 329–390), божественная природа Христа восходит к временам, когда была зачата сама Мария. Чтобы зачатие стало возможным, Христос произвел «предварительное очищение» той, кого избрал в матери, чем создал условия для собственного непорочного зачатия³⁰. Таким образом, Дева Мария изначально обладала всеми прекрасными качествами, какими *могла бы* обладать женщина — но каких почти никогда не проявляла. Действительно, даже еще до того, как вступила в действие доктрина непорочного зачатия, факт абсолютной безупречности Девы Марии принимался за неоспоримую данность. Августин, например, писал, что «преклонение перед Господом нашим не допускает вопроса о грехе в отношении Пресвятой Девы Марии». Он был убежден, что Мария, даже если и могла быть запятнана первородным грехом, сумела очиститься от грехов «всякого рода» по милости своей благодати³¹.

Благовещенье

Миниатюра XV в.

Если женщины в силу своей природы были склонны к греху, значит, они могут и преодолеть его. В конце концов, именно по этой причине Бог принял человеческое обличье Христа. Он явился в мир, дабы очистить людей от грехов их предков. Все, что требовалось от истинно верующих христиан, так это сосредоточиться на собственном преображении, и тогда они могли преодолеть свою подверженную слабостям натуру. Разумеется, женщинам предстояло изжить больше несовершенств, но зато им в помощь был образцовый пример для подражания — Дева Мария.

Все это не означает, что в раннехристианских представлениях о женском поле фигурировали только две его

представительницы, Ева и Мария. В средневековых диспутах на темы богословия и натурфилософии порой всплывали образы и других женщин. Однако Еву и Марию можно считать опорными образами средневековой христианской женственности. Эти две фигуры символизировали наихудший и наилучший из возможных исходов для женщины и чаще всего упоминались в рассуждениях о женской природе.

Школы при монастырях и соборах

Как вы могли заметить, мы не только говорим о женщинах, хотя именно им номинально посвящено наше исследование, но и обсуждаем взгляды на женщин целого ряда мужчин. Такой подход во многом обусловлен тем, кому из мыслителей прошлого отдавалось предпочтение. Идеи Аристотеля выдвигались на первый план, тогда как идеи Гипатии отодвигались на задворки. Еще одна причина, почему именно взгляды мужчин считались авторитетными и внедрялись в средневековое сознание, кроется в том, что формализованное образование (то есть обучение наукам и возможность письменно излагать свои взгляды и обнаружить их) было закрыто для женщин.

Однако на женщин из богатых сословий это не распространялось. Придворная знать обладала всеми возможностями получить хорошее образование. Обычно для принцессы или герцогини находили наставника, который обучал ее читать и писать на латыни и рассуждать на библейские темы. Кроме того, хотя бы какое-то образование было у всякого, кто работал в лавке или вел учетные книги. В средневековой жизни многие профессии и занятия требовали знания арифметики и геометрии, ведь нужно было считать деньги, строить здания. Детей по большей части обучали их матери. Городские общины иногда нанимали женщин обучать детей азам знаний, необходимых для поддержания жизни общества. Мы знаем об этом из личных записей людей Средневековья,

а также по изображениям, на которых женщины преподают в школьных классах. Множество свидетельств содержатся также в часословах — небольшого формата книжках, где были приведены молитвы, которые было положено произносить в определенное время в течение дня. Считалось, что женщины питали к часословам особенное пристрастие, тем более что многие матери использовали их для обучения своих детей, и в помощь им на первой странице часословов нередко размещали алфавит. Здесь следует обратить внимание, что общество позволяло женщинам становиться источником образования, однако получать образование им самим позволялось только в частном порядке.

Женская персонификация геометрии

Миниатюра. Между 1309 и 1316 гг.

Однако программу обучения составляли совсем не женщины. По большому счету, именно на Церковь и особенно на монашеское сословие возлагалась ответственность за образование, выходящее за рамки простой грамотности

и обучения ремеслам. В раннесредневековый период для мужчины лучшей возможностью получить образование было постричься в монахи. Обсуждать раннесредневековое монашество представляется затруднительным, поскольку за время Средневековья оно претерпело весьма крупные изменения.

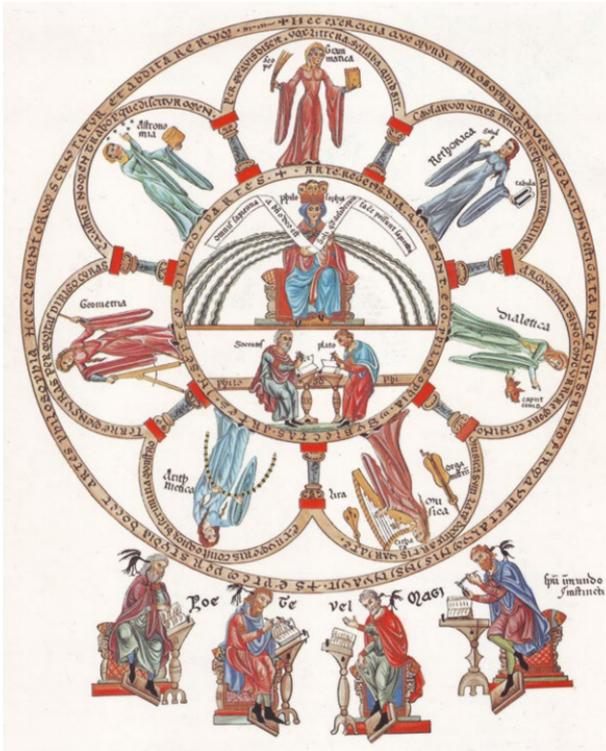
Первые монахи появились в III веке и назывались «пустынниками», поскольку они удалялись от мира в египетскую пустыню, где вели отшельническую жизнь, предаваясь религиозным размышлениям и молитве. Со временем у них появились последователи, что вызывало некоторое неодобрение высших чинов церкви, поскольку этих приверженцев вполне можно было назвать сектантами. Многие отшельники того времени обладали сильным даром убеждения и могли воздействовать на своих последователей, вдохновляя их на акт самопожертвования. Хотя это могло казаться благим делом, высшие чины церкви видели в таком положении дел не только угрозу собственной власти, но и отступление от самого христианского вероучения. В теории суть христианства заключалась в том, чтобы ставить во главу угла поклонение Христу, а не отдельным проповедникам его учения.

Такого рода опасения подвигли Церковь упорядочить религиозную жизнь и среди прочего учредить монастыри — тогда-то и появилось средневековое монашество, каким его представляет большинство из нас. Первый монастырь основал в Монтекассино Бенедикт Нурсийский (480–543). Монастыри (а в особенности первые) должны были быть самодостаточными сообществами, в которых монахи выполняли бы все хозяйственные работы для удовлетворения нужд общины, отгородившись от всех соблазнов и корыстей внешнего мира. Взамен Св. Бенедикт велел монахам соблюдать устав из семидесяти трех глав, где рассказывалось о том, как жить по правилам христианской жизни и как вести монастырские дела. Руководящей заповедью для первого и всех последующих

монастырей была вышеупомянутая заповедь «молитвы и труд». Если монахи не спали и не молились, значит, они должны были предаваться трудам. Помимо сельскохозяйственных трудов, стряпни, пивоварения и прочих дел, необходимых, чтобы кормить и одевать братию, работа монахов заключалась и в их научных занятиях.

В то время, когда еще не изобрели печатный станок, книги приходилось переписывать вручную, что было длительным и трудоемким занятием. Монахи кропотливо переписывали труды Аристотеля, Галена и Блаженного Августина. Такое копирование привело к появлению в текстах некоторых изменений, среди которых самым значительным, пожалуй, стало разделение слов интервалами. Это новшество ввели монахи из Килмалкедара, располагавшегося на территории современной Ирландии. Они поняли, что текст читается легче, если слова разделены промежутками, а не образуют сплошное полотно текста. Такого рода новшества неизбежно должны были возникнуть в тех условиях, когда целый класс образованных переписчиков многократно выполнял одну и ту же работу, что поставило многие монастыри в один ряд с важнейшими в Европе школами раннего Средневековья. Помимо монастырей в Монтекассино и Килмалкедаре, наиболее известны были аббатство Мармутье (основанное в 372 году в Туре, Франция), имперское аббатство Стабло-Мальмеди (основано в 651 году на берегу реки Амблев, территория современной Бельгии), Санкт-Галленское аббатство (основано в 747 году в швейцарском городе Санкт-Галлене), а также аббатство Ключи (основано в 910 году на востоке Франции) — и это лишь несколько выдающихся примеров из множества монастырских школ и скрипториев³².

Недостатком подобной системы образования (если судить с позиции общества в целом), безусловно, была ее «цена» — если человек не принадлежал к аристократии, получить хорошее образование он мог только через монашество, проведя

Философия и семь свободных искусств

Миниатюра из книги Геррады Ландсбергской

«Сад наслаждений» (1167–1185)

всю жизнь в аскезе, затворничестве и служении Богу. Для тех, кто не чувствовал в себе призвания к монашеской жизни, Карл Великий в своем покровительстве наукам считал нужным учредить наряду с монастырскими так называемые соборные школы и материально поддерживать их. Школы должны были принимать на обучение всех юношей, кто хотел получить образование. И постригаться в монахи для этого не требовалось. Некоторые выпускники, получившие такое образование, вступали в духовное звание, тогда как другие служили

в домах знати или при королевских дворах. Король Англии Генрих I (1069–1135) специально посылал своих придворных в соборные школы именно потому, что хотел иметь при своем дворе образованных людей. Другие же выпускники таких школ начинали работать в сферах, где требовалась образованность, например в торговле или юриспруденции. Среди наиболее известных соборных школ можно назвать Кентерберийскую в Англии; в германоязычных странах — школы в Утрехте, Льеже, Кельне, Меце и Шпайере; на территории современной Франции — школы в Шартре, Орлеане, Париже, Лане, Реймсе и в Руане. Школу в Лане, городе на севере Франции, король Генрих I почитал как самую лучшую³³.

В XII веке соборные школы перестали быть единственными учебными заведениями, где можно было получить глубокие знания, этот статус у них стали перехватывать университеты³⁴. Система университетского образования сформировалась из-за спроса на более строгое и последовательное образование, а также на изучение дисциплин, которые не преподавались в соборных школах. Хотя все основанные в то время университеты преподавали семь свободных искусств, они также предлагали специализированные курсы. Так, Болонский университет со временем стал центром изучения права, тогда как Парижский университет — центром изучения философии. Желающие получить профессию врача отправлялись в Салерно, где медицинская школа существовала с IX века, а на протяжении XI и XII столетий вызывала особый интерес, поскольку в то время в городе стали появляться арабские трактаты по медицине. Университеты предлагали студентам и их семьям больший выбор предметов; вместо того чтобы отдавать сыновей-подростков в соборную школу, родители могли отправить их на учебу в университет, где те разглагольствовали со своими сверстниками об Аристотеле, а по окончании курса возвращались домой подготовленными для службы

в любом учреждении, готовом их принять. Мы вряд ли бы узнали в тривиуме и квадравиуме, которые преподавались в университетах Средневековья, современные учебные предметы. Но множество свидетельств указывает на то, что есть среди всего этого и кое-что очень знакомое — это фигура самого студента.

Средневековые школяры пьянствовали, дебоширили и в целом вели себя столь же заносчиво и разнузданно, как сегодняшние первокурсники. И так же, как в наши дни, подобные бесчинства нередко приводили к трениям между буйной студенческой братией и мирными обывателями университетских городков (с их докучными законами).

И тогда университеты, желая оградить своих студентов от полагавшихся по закону наказаний за их беспутства — тем более что это было главное требование богатых средневековых родителей, как, собственно, и современных, — придумали хитроумную уловку: пускай все университетские студенты принимают духовный сан. Таким образом, если они совершали очередную выходку, скажем, сбежали из трактира, не заплатив по счету, как это любили делать студенты Парижского университета, их не передавали в руки местного правосудия, а отправляли в церковный суд. Там вместо сурового наказания им давали разве что символический нагоняй в виде пощечины и отсылали назад на университетскую скамью. Это означало, что каждый средневековый студент формально был духовным лицом, в доказательство чего носил мантию. Откуда, собственно, и возникло выражение *town-gown relations* — дословно «взаимоотношения мантии и города».

Требование университетов, чтобы их учащиеся принимали духовный сан, означало также, что для женщин Средневековья два главных пути к образованию — поступление в монастырскую школу или университет — были закрыты. И вот в стандартную педагогическую систему ввели труды Платона,

Гиппократ, Гален, а также библейский миф о сотворении мира, сама педагогика постепенно систематизировалась, а женщинам по-прежнему отказывали в праве участвовать во всем этом. Решался вопрос о самой природе женской сущности, а нас даже не допускали к дискуссии. Таким образом, большинство средневековых размышлений о женщинах были написаны мужчинами, для мужчин и на основании трудов, написанных тоже мужчинами.

Большинство средневековых авторов, которые обсуждаются в этой книге, получили образование в монастырях или университетах. К светочам средневековой мысли, к чьим трудам мы обратимся, относятся (но не исчерпывают список цитируемых авторов) Константин Африканский (ок. 1020–1087), монах-бенедиктинец монастыря Монтекассино; Андрей Капеллан (ок. XII века), вторая часть его имени буквально означает должность священника в светском учреждении, например в больнице или при дворе); а также Фома Аквинский (1225–1274), монах-доминиканец и канонизированный святой. С XIII века появились ордена, монахи которых затворничеству в монастырской обители предпочитали приобщение к мирским делам и проповеди в общинах. Разумеется, весь этот парад церковных властителей, священнослужителей и проповедников от начала и до конца состоял из одних только мужчин — потому что только мужчины могли принять сан. Даже обращаясь к произведениям массовой светской литературы, например к «Кентерберийским рассказам», мы все равно в них слышим мнения мужчин. Большинство рыцарских романов и сочинений трубадуров в основном были написаны мужчинами.

Пусть само по себе участие мужчин в диспутах о женской природе не может вызывать нареканий, но они возникают, когда самим женщинам отказывают в праве отвечать на их умозаключения или вести собственные диспуты на эту тему, фиксируя в какой-либо форме свои рассуждения. Вот

Фомма Аквинский

Миниатюра Жана де Тавернье. 1454 г.

почему есть смысл обратиться к женщинам-писателям, чьи произведения сумели пробить себе дорогу из Средневековья в наши дни. Даже когда средневековым женщинам давали для изучения те же тексты, что и мужчинам, даже когда женщинам открывалась возможность участвовать в диспутах, они прочитывали и истолковывали эти тексты иначе, чем средневековые мужчины. И поскольку женщин-мыслителей Средневековья очень мало, нам следует обратить внимание на их наследие.

Хильдегарда и Кристина

Очевидно, что в силу целого ряда труднопреодолимых социальных препятствий женщины не могли участвовать в научных и культурных дискуссиях на тему своего пола. Однако некоторым выдающимся женщинам это все же

удалось. Пожалуй, самой известной среди них была Хильдегарда Бингенская (1098–1179). Слава ее жива и сегодня, потому что она была явлением поистине уникальным. Эрудированность и разносторонние таланты позволяли ей сочинять музыкальные произведения, заниматься философией и даже заложить основы немецкой школы натурфилософии. Уже в наше время она была причислена к Учителям Церкви. Чтобы получить доступ к участию в философских диспутах на темы пола, Хильдегарда пошла по стопам мужчин — приняла монашество.

Монахини во многом вели такую же жизнь, что и монахи. Большинство жили в затворничестве, отрезанные от мира, что, как считалось, способствовало смирению, религиозному созерцанию и трудам во славу Господню. Как и монахам, монахиням, чтобы посвящать себя труду, надлежало знать грамоту и иметь образование. В итоге, если женщина происходила из достаточно зажиточного семейства, которому не требовалось, чтобы она работала дома, и обладала интеллектуальными способностями и интересом к религии, ей была открыта дорога в монахини. От нее требовалось принести обеты безбрачия и послушания, как Церкви, так и настоятельнице монастыря, зато в обмен на отказ от семейной жизни ей разрешалось мыслить. Именно так начинала Хильдегарда. Еще в возрасте от шести до десяти лет, ее, самую младшую из десятерых отпрысков низшего дворянского рода, отдали на воспитание в монастырь в качестве облата (так называли ребенка, отправленного в мужской или женский монастырь). Так Хильдегарде открылась возможность читать труды тех же древнегреческих и древнеримских мыслителей, Отцов Церкви, а также библейскую литературу — то есть все те тексты, к которым был доступ в монастырях у мужчин.

Однако, изучая источники, она пришла к совсем иным умозаключениям, чем ее коллеги-мужчины. Хотя она тоже

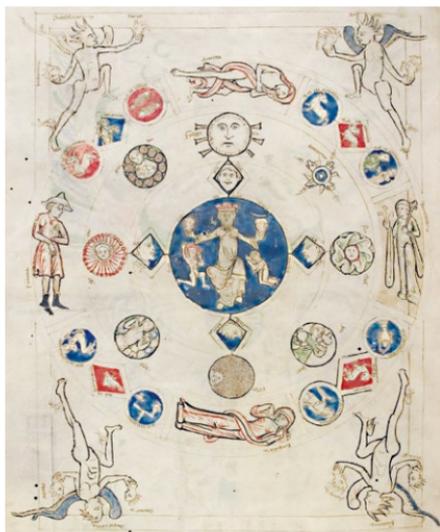
считала, что Ева сотворена из Адамова ребра, чтобы служить ему спутницей, — она видела в этом нечто хорошее. Адам, то есть все мужчины, был сотворен из глины. И потому отличался крепостью и силой. А Ева, как сотворенная из тела Адама, была слабее и мягче, но это означало, что ее ум был острее. Еву определяли не столько возможности ее слабого тела, сколько то, чего мог достичь ее разум, не обремененный тяжеловесной плотью³⁵. Таким образом, следовало признать, что женщины наделены большей сообразительностью и восприимчивостью, чем мужчины. Бог сотворил женщину не как худшую разновидность человека, а как иное, отличное от мужчины человеческое существо.

Чтобы видеть женщину не как низшее в сравнении с мужчиной человеческое существо, а как существо иного, чем мужчина, свойства, потребовался новый образ мышления. Хильдегарда отвергала укоренившиеся представления, что

Хильдегарда Бингенская

Миниатюра из Кодекса Рупертсберга. 1151 г.

Страница из книги Хильдегарды Бингенской Liber Scivias

мужчины непременно должны занимать место на вершине иерархически устроенной вселенной, а женщины располагаться ниже, и представляла сотворение мужчины и женщины как взаимосвязанный гармоничный процесс. Мужчины и женщины должны воспринимать себя существами взаимодополняющими, наделенными качествами, которые следует использовать для поддержки друг друга, а также — существами равными перед Богом. Конечно, один пол мог больше преуспеть на каком-либо поприще, имея качества, которых не хватало другому полу, но это не делало один пол хуже по сравнению с другим. Напротив, мужчины и женщины могли бы учиться друг у друга. Мужчины могли бы брать пример с женщин в отношении заботливости и милосердия, тогда как женщины могли бы попытаться развить в себе силу и мужество, какими обладают мужчины. Хильдегарда подробно проанализировала не только женскую природу, но и само понятие пола и его употребление, а также перевела дискуссию

Миниатюра из «Книги о Граде женском»

в другое русло, выведя ее за рамки возлагаемых на человека ожиданий, отправной точкой которых выступал мужской пол.

Очевидно, что, когда средневековым женщинам выпадал шанс получить образование, они подходили к изучаемым научным трудам — фундаментальным или нет — совсем с других позиций.

По той же логике то, что в период Античности было недостаточно женщин, которые могли бы повлиять на средневековые представления о женской природе, совсем не означало отсутствие интереса к жизни женщин античной эпохи. Опять же, когда в дело вступали женщины, они по-своему смотрели на античное прошлое. Кристина Пизанская (1364 — ок. 1430), придворная поэтесса и сочинительница при дворе французского короля Карла VI (1368–1422), придерживалась совсем иных взглядов на роль женщин в истории и философии. Она получила хорошее образование, как дочь выдающегося врача и астронома. После смерти мужа она стала искать способ обеспечить свою семью, так она стала придворным писателем и для развлечения французской королевской семьи

сочиняла рассказы, а также любовные баллады. Когда Кристина была свободна от придворных обязанностей, она писала книги о великих женщинах. Ее «Книга о Граде женском» (*Le Livre de la Cité des dames*) пользовалась огромным успехом и вполне заслужила бы называться средневековым бестселлером. В своей книге Кристина полемизировала с приверженцами дурных представлений о женщинах, то есть с мужчинами, а само повествование она построила на основе трудов своих оппонентов, поэтому сейчас мы отнесли бы ее книгу к жанру фан-фикшен.

Кристина пишет, что сначала тоже верила, что женщины в силу своей природы уступают мужчинам, и потому, естественно, предпочитала общение в мужском обществе. Но в какой-то момент ее убеждение в неполноценности женщин поколебалось, потому что мужчины беспрестанно говорили ей о том, как несносны женщины и как с ними трудно. Она поняла, что их взгляды вызывают у нее недоумение, по следующей причине:

Как бы я сама ни смотрела на этот предмет и сколько бы ни размышляла о нем, я никак не могла найти в собственном жизненном опыте никаких свидетельств, которые подкрепляли бы правоту столь неблагоприятного мнения о женской природе и привычках. И все же, рассуждая, что едва ли отыщется назидательное сочинение какого-нибудь автора, кто не посвятил бы целую главу или параграф нападкам на женский пол, мне оставалось лишь принять их дурное мнение о женщинах, ибо сомнительно, чтобы столько образованных мужчин, наделенных, по моим впечатлениям, столь светлым разумом и пронизательностью, гнали об одном и том же в столь многочисленных различных источниках³⁶.

В книге Кристина пишет, что ей явился аллегорический образ Разума и убедил ее, что на самом деле женщины важны,

и приводит в доказательство многочисленные примеры выдающихся женщин из истории и мифологии, начиная с графини Марии де Блуа (1136–1182) и заканчивая богиней Исидой и царицей Дидоной. Благодаря этим примерам Кристина начинает осознавать, что женщины добродетельны, интересны и искусны в делах. Далее с помощью еще одного аллегорического образа Праведности Кристина начинает строить город, который будет населен «доблестными дамами, снискавшими великую славу» на протяжении всей истории человечества, и в общей сложности она перечисляет девяносто две женщины. Затем при содействии третьей аллегорической фигуры, Справедливости, она призывает в свой город всех женщин-святых, и они выбирают среди себя королеву — Пречистую Деву Марию.

Неудивительно, что «Книга о Граде женском» произвела среди публики настоящий фурор. Чтобы оспорить саму идею неполноценности женщин от природы, Кристина Пизанская пускает в ход такие риторические аргументы, оперировать которыми обучали мужчин. В своих доводах она искусно играла на столь свойственным ее современникам восхищению прошлым и преклонении перед древними, принуждая свою аудиторию задуматься о мифологических и исторически реальных женщинах как о фигурах безусловно достойных почитания наравне с мужчинами. А дальше ловко подводила к образу Девы Марии — тут уж все добрые христиане не могли не согласиться, что она вторая достойнейшая среди рода человеческого (естественно, после ее сына), — и выбор Девы Марии главой Града женского плавно подводил аудиторию к мысли, что женщины тоже могут обладать святостью и что им под силу сойтись всем вместе, дабы прославлять и превозвышать эту святость. Читатели так полюбили эту книгу, что Кристина Пизанская написала продолжение — сиквел, как сказали бы мы сегодня, — «Сокровище Града женского», или

«Книгу трех Добродетелей», в которой рассказывалось, как дать женщинам образование, которое позволило бы им соответствовать идеалам ее вымышленного города. Она не только переосмыслила воззрения на женщин и задала новые идеалы, но и хотела, чтобы общество начало помогать женщинам получать образование и встать вровень с героинями, которых она прославляла в своей книге.

Хильдегарда и Кристина Пизанская — две самые известные женщины-писательницы Средневековья. Безусловно, были и другие, но, к сожалению, даже исчерпывающий перечень средневековых женщин, которые были выдающимися людьми своего времени, — от Элоизы* (ок. 1090–1164) до Маргариты Поретанской** (ум. 1310) — будет намного короче соответствующего перечня значимых средневековых мужчин. И причина тому, как тогда, так и сейчас, вовсе не в способностях женщин. Скорее, дело в восприятии женщин обществом, которым владела навязчивая идея неполноценности женщин по сравнению с мужчинами. Даже когда голоса женщин, мыслящих иначе, прорывались сквозь препоны стереотипов и доходили до нас, например, голоса Хильдегарды и Кристины, а до них — Гипатии и Гиппархии, это все равно были лишь исключения из общего правила. У подавляющего большинства женщин в средневековую эпоху не было возможности получить образование, чтобы вступить в диалог с патриархатом, не говоря уже о том, чтобы доказать его несостоятельность, и это было для всех нас огромной потерей.

---

* Элоиза — философ, писатель, ученый, жена философа Пьера Абеляра.
Прим. пер.

** Маргарита Поретанская — французская монахиня-бегинка, писатель-мистик. *Прим. ред.*

Проповеди и литература

Большинство людей Средневековья, будь то мужчины или женщины, не имели возможностей для полноценного образования. Нет, в теории всякий мог прийти в соборную школу и приобрести некоторые знания, однако бóльшую часть населения в Средние века составляли крестьяне (85%). Они жили и умирали (как и большинство людей во всю историю человечества) на фермах. Они проводили всю свою жизнь, выращивая и собирая урожай, поэтому не могли позволить своим детям ежедневно посещать занятия³⁷. Если ребенок хотел стать облатом, а потом принять монашеский постриг, его родным приходилось крепко задуматься, смогут ли они обойтись без пары рабочих рук в хозяйстве и преодолеть финансовый барьер. Последнее объяснялось тем, что семья должна была деньгами или частью своей земли оплатить содержание ребенка до того времени, пока он не повзрослеет настолько, чтобы самому полноценно трудиться в монастыре. Для работавших на земле крестьянских семей это было почти непосильным бременем, и особенно в тот период

Деревенские жители идут в церковь

Миниатюра Симона Бенинга. Ок. 1550 г.

Средневековья, когда технологический прогресс еще не коснулся сельского хозяйства и не было возможности повысить урожайность.

Не только недостаток в деньгах мог стать преградой, большинству крестьян *по закону* не разрешалось отсылать своих детей куда-либо. Притом что крестьяне составляли 85% населения средневековой Европы, 75% составляли сервы*. А быть сервом означало быть несвободным. Самого такого крестьянина нельзя было принудительно купить или продать, а вот его труд — можно. Кроме того, сервы были несвободны в передвижениях. Им запрещалось переселяться в другие места или уходить в города без разрешения господина. Богатые землевладельцы, указывавшие своим сервам, где им жить, и рассчитывавшие на их бесплатный труд, вовсе не хотели лишать себя молодых работников ради того, чтобы те читали античных авторов. Иными словами, для подавляющего большинства населения вопрос об образовании даже не обсуждался.

Не стоит, однако, думать, будто крестьяне не знали «античной мудрости» о вывернутых наизнанку пенисах и женской истерии или о том, какими изображает женщин библейский миф о сотворении человека. Пускай кому-то из сельских приходских священников не хватало монастырского или университетского образования, однако сам их сан требовал грамотности — иначе как бы они читали Библию и составляли проповеди для своей паствы?

С другой стороны, солидное образование, скорее всего, имели и те, кто скрупулезно от руки переписывал экземпляры Библии, которыми пользовались сельские священники. Однако сам текст Библии как таковой не содержал в себе все

---

* Сервы (от. лат. *servus* — раб) — феодально-зависимые крестьяне в странах Западной Европы в эпоху Средневековья. *Прим. ред.*

тонкости и перипетии рассуждений о полах и не мог передать их между строк, и потому средневековые Библии содержали не только библейский текст как таковой. Переписчики добавляли в них глоссы, то есть обстоятельные истолкования сложных мест, помещая их на полях вокруг библейского текста. Глоссы рассматривались как абсолютная необходимость для каждого, кто искал совета в Библии или использовал ее текст, а чтение Библии без глосс, особенно в период между зрелым и поздним Средневековьем, называли «чтением вслепую».

В частности, с начала XII века христиане наряду с каким-либо разделом библейского текста, например с посланиями апостола Павла к коринфянам, читали *Glossa Ordinaria*, то есть общепринятый комментарий к Священному Писанию, хотя приводились и другие глоссы³⁸. В середине страницы размещался библейский текст, а обрамлявшие его тексты на полях объясняли читателю, как ему следует истолковывать соответствующие фрагменты. Глосса обычно включала отсылки к Отцам Церкви или видным богословам, так что какой бы фрагмент ни взял читатель, он мог сразу узнать из глоссы, что думал по данному поводу, например, Блаженный Августин.

В итоге даже обладатель самого низкого церковного чина мог ознакомиться со сложными богословскими толкованиями библейских текстов, которые читал изо дня в день. И затем он мог проповедовать идеи Священного Писания своим прихожанам.

Но именно в проповедях разворачивалась настоящая масштабная работа средневековой эпистемологии. Средневековая публика, надо сказать, обожала проповеди. В самом деле, при общей скудости развлечений и учитывая, что у простых людей не было возможностей учиться и читать книги, особую завлекательность приобретала перспектива послушать, как растолковывают Библию — почему она имеет непосредственное отношение к их жизни и каким путями им

совершенствоваться. Средневековые люди воспринимали себя и друг друга прежде всего как христиан. В ярко выраженном религиозном контексте средневекового общества изучение библейских историй и богословских доктрин было для каждого личной и настоящей потребностью, какой многие из нас сегодняшних не ощущают или не могут ощутить.

Сотни людей стекались в церкви послушать известных проповедников, а сборники проповедей стали одними из самых влиятельных произведений того времени. Их переписывали и широко распространяли, так что даже в самых отдаленных уголках верующие могли слушать проповеди этих выдающихся личностей, которые повторяли слово в слово их местные приходские священники. По большому счету, проповеди и их списки пользовались такой популярностью в народе, что историки с полным правом называют их средствами массовой информации Средневековья⁹⁹. Может показаться, что написанную на латыни Библию трудно донести до сознания простого прихожанина, даже если в его приходе и был ее экземпляр, однако средневековое европейское общество прекрасно умело распространять библейские знания. Пусть обычный крестьянин, трудившийся на полях Фландрии, никогда не читал и слова из Аристотеля, но он всю жизнь посещал мессы, где местный пастырь рассказывал о том, как Отцы Церкви соотносят идеи Аристотеля с отрывками из Библии, которые зачитывали в церкви каждое воскресенье. Более того, этому сельскому труженику, возможно, казалось верхом развлечения пойти послушать заезжего проповедника. Средневековые европейцы были пропитаны культурой, которая серьезно относилась к истолкованиям Библии, и потому всеми силами стремились услышать их.

Если философия воздействовала на умы простолюдинов, то она не могла не влиять и на богатых, стоявших на высших ступенях социальной лестницы. Семейства коммерсантов

и торговцев посылали детей учиться в соборные школы или нанимали для них частных наставников, тогда как дворянские и королевские семьи для привития своим детям тех же идей прибегали к услугам священнослужителей.

При всей любви средневековых христиан к проповедям не меньший интерес они питали и к другим формам народных развлечений, которые были адресованы определенной аудитории и помогали закреплять в сознании зрителей те же воззрения на женщин, какие проповедовала Церковь. К таким развлечениям относились мистерии, театрализованные представления на библейские сюжеты или на темы житий святых и сотворения чудес (последние во избежание путаницы иногда называют мираклями). По крайней мере с начала V века мистерии разыгрывались в церквях, служа «живыми картинами» к богослужениям. Они сопровождались затейливыми песнопениями и могли длиться по нескольку дней подряд. Мистерии нередко ставились в дни, когда отмечались большие церковные праздники, например Пасха. Со временем сложился даже календарь мистерий: на Новый год следовало разыгрывать мистерию на сюжет сотворения мира, далее шли пасхальные мистерии, а завершался год мистериями на сюжет Апокалипсиса.

Мистерии на сюжет изгнания Адама и Евы и Рая, безусловно, помогали закреплять в средневековом сознании представление о женщинах, однако помимо того мистерии несли на себе отпечаток идей античных философов. Например, невероятно популярная английская мистерия «Тело Христово» (*Corpus Christi*) отсылает ко взглядам Платона и Галена на человеческое тело⁴⁰.

Первоначально мистерии разыгрывались во время богослужений самими священниками, теми самыми святыми отцами, у которых было классическое образование или которые читали глоссы. Эти знания они вкладывали в свои мистерии

в назидание своим прихожанам. В 1210 году этой практике положил конец папа Иннокентий III (1160/61–1216), издав эдикт (в некотором смысле католический указ, отменяющий или постановляющий что-либо), запретивший духовенству играть в мистериях. Папский престол держался того мнения, что священнослужители должны нести свою проповедь с амвона, а не со сцены через лицедейство. Однако к тому времени совсем искоренить мистерии было уже невозможно, слишком большую популярность они приобрели. После папского запрета место, освобожденное духовенством, заняли актерские труппы или члены местных цехов или гильдий (средневековых объединений ремесленников или купцов). Они разыгрывали мистерии, сохраняя те же приемы и язык, не только потому, что хорошо знали прежние постановки, но и потому, что обычно были хорошо образованны — члены цехов и гильдий зарабатывали достаточно, чтобы себе это позволить.

Покинув лоно церкви, мистерии приобрели более народный характер. Я имею в виду, что в них стали появляться сцены сексуального характера и шутки про задницу и пердеж. Средневековый люд при всей своей религиозности *обожал и ценил* соленую шутку, как и непристойный жест, скажем, когда актер на сцене оголял зад. Особо дерзкие труппы как на потребу публике, так и, вероятно, для того чтобы подтолкнуть благодарных зрителей пощедрее платить за представление, придумали новый жанр — непристойные пародии на мистерии. Профессиональные актеры, в отличие от святых отцов и членов торговых гильдий, обычно не имели образования в традиционном смысле. Они были скорее бродячими лицедеями, которые переходили с места на место и развлекали нехитрыми пьесками местную публику, а та относилась к той же категории, что и служительниц продажной любви. Хотя публика от души наслаждалась этими представлениями, они больше походили на непристойные выходки, чем на высокое

искусство. В русле этой традиции фарсовая чешская пьеска «Продавец мазей» (Mastičkář) среди прочего пародировала воскресение Христа из мертвых, историю Авраама и Исаака, а также врачей-шарлатанов⁴¹. Наряду с обязательными скабрёзностями пьеска изобиловала остроумными о необходимости поколачивать жену, чтобы отучить ее болтать.

Танцующие крестьяне

Рисунок Урса Графа. 1525 г.

Народное воображение позднего Средневековья не ограничивалось одними только пьесами и мистериями. Интерес простонародья к скабрёзностям и расхожие представления о женщинах находят яркое отражение в литературных произведениях того времени, в частности в «Кентерберийских рассказах». Эти прославленные истории написаны выходцем из смешанного общества, как и многие мистерии более позднего времени. Их автор Джефффри Чосер (ок. 1342–1400) происходил

из семейства виноделов, однако состоял на придворной службе. Соответственно, у него была возможность писать книги и, более того, у него хватило ума писать их на родном английском языке (вместо латыни или французского, на котором предпочитал изъясняться английский свет). Так что читателю необязательно было знать иностранный язык, чтобы читать «Кентерберийские рассказы». В этих рассказах женщины ведут себя в полном соответствии с представлениями о женском поле того времени: обманывают мужей, занимаются сексом со своими друзьями в древесных кущах и выпускают газы в лицо мужчинам, с которыми не хотят спать. Все это могло вызвать у средневекового человека желание развлечься чтением, и тогда его потчевали щедрой россыпью историй, которые рассказывали о неприятностях, доставляемых женщинами. Батская ткачиха, например, притом что умело ведет свои дела, еще жадная и помешанная на сексе. Аббатиса, хоть и состоит в духовном звании, тем не менее носит украшения (в том числе брошь с девизом: *Amor vincit omnia*^{*}, или «Любовь побеждает все»), и это намекает на то, что она очень даже не против плотских отношений, а по ее манерам видно, что она изо всех сил старается подражать знатным особам. Словом, женщины в этих историях либо требуют послушания от своих мужей, либо обманывают их и наставляют им рога. Коротко говоря, «Кентерберийские рассказы» — это сборник забавных историй, изображавших все несовершенство женщин.

Могло бы показаться, что высокая публика, которой Чосер адресовал свои рассказы, находила этот сборник похабных историй возмутительным. Так же как и современного человека с утонченным вкусом вряд ли увлекут вульгарные рассказы

---

* Этот девиз — цитата из Вергилия, «Эклоги», X, стих 69-й: был возможен на застёжке четок монахини как двусмысленный вариант евангельского «Любовь превыше всего». *Прим. пер.*

Иллюстрация к «Рассказу Батской ткачихи» Джеффри Чосера

Миниатюра из Элмерского манускрипта. XV в.

о том, на что только не готовы пойти люди, чтобы заняться сексом. Но даже если непристойные шутки и не были в ходу при дворе, сюжеты о женском прелюбодействе не только воспринимались терпимо, но и составляли основу куртуазного жанра в литературе.

Романы о куртуазной любви создавались для придворных вельмож и повествовали об утонченной любви, начиная с эпических рассказов о королевских особах прошлого в Артуриане* и заканчивая аллегорическими мистическими поэмами, как, например, знаменитый «Роман о Розе». Как отдельный литературный стиль, куртуазный роман выделился в XII веке и сохранял популярность до середины XIV столетия. Трубадуры — странствующие поэты-музыканты, которые пришли с южной территории современной Франции и распространились по Испании и Италии, — воспевали куртуазную любовь в своих песнях. Главное, что делало такую литературу именно

---

* Артуриана — цикл кельтских легенд и рыцарских романов с акцентом на деяниях короля Артура и рыцарей Круглого стола. *Прим. пер.*

куртуазной, так это непременно располагавшаяся в центре сюжета любовная линия между мужчиной и женщиной, которая чаще всего оказывалась уже связанной брачными узами с другим мужчиной. В Артуриане мы находим многочисленные упоминания о греховной любви между королевой Гвиневрой и рыцарем Ланселотом и о том, что их любовная связь в конечном счете погубила Камелот. В романтической истории «Тристан и Изольда» любовная интрига разворачивается в то время, когда Тристан сопровождает Изольду к месту бракосочетания с его дядей. Между тем трактат Андрея Капеллана «О любви» (De amore) представляет собой не то практическое руководство для желающих завоевать и удержать любовь придворных дам, не то пародию на содержание адюльтерных романов.

В таком отношении к любви был свой смысл, поскольку люди Средневековья в целом и средневековые правители в том числе не связывали напрямую брак и любовь. Для них

Гвиневра и Ланселот

Миниатюра 1316 г.

брак прежде всего представлял собой религиозное таинство и имущественное соглашение. Средневековые короли и знать нередко вступали в браки для того, чтобы заключить союз между семействами и расширить свои земельные владения. В этих владениях проживало множество преуспевающих людей, служивших вельможам и королям. В отличие от 85% населения, им не нужно было работать в поле, и потому у них было больше свободного времени. Они предпочитали заниматься псовой или соколиной охотой, а также посвящать досуг сочинению любовных песен о страсти и о своих сексуальных желаниях.

Высшая придворная знать, весьма образованная по стандартам своего времени, располагала массой свободного времени, чтобы попытаться произвести неизгладимое впечатление на мужчину или женщину своими знаниями об Аристотелевой любви* и о женской натуре, но при этом как бы изо всех сил стараясь не поддаться похоти. Но устоять не удавалось. Вот, собственно, и все, что могла предложить религия многим привлекательным людям с массой свободного времени. В конечном итоге лучшие образцы куртуазной литературы пошли в народные массы, и публика по достоинству оценила рассказы о невозможной любви, которые доходили до нее в песнях странствующих менестрелей, в списках или в виде устных пересказов. С росшей популярностью куртуазной литературы распространялись и культивируемые в ней представления о женщинах.

Анализируя литературные источники, мы узнаем о культуре изучаемого периода, о том, что люди считали важным, а что их раздражало. Из письменных документов Средневековья

---

* Аристотель выделял шесть разновидностей любви: агапе — жертвенная любовь; людус — любовь-игра; эрос — чувственная любовь; мания — любовь-одержимость; прагма — рассудочная любовь; сторге — любовь-дружба.
Прим. пер.

Женские персонификации алчности и уныния

Миниатюры из «Романа о Розе»

мы можем сделать вывод, что Аристотель оказал немалое влияние на умы средневековых писателей, недаром они вслед за ним трактуют женщину как вывернутого наизнанку мужчину. Некоторые писатели напрямую называли имена авторитетов, повлиявших на их мировоззрение. Такие отсылки подводили прочную основу под написанное ими.

Одни и те же идеи, содержащиеся в литературе, никогда не пребывают в застывшей форме. Так, средневековые

европейцы хотя и опирались на заложенные их предшественниками классические и библейские основы, но приспособили их к своему миру и соответственно раздвигали классические рамки. Это, в свою очередь, не могло не влиять на мир вокруг них. Трудно установить, например, создавалась ли куртуазная литература для отражения любовных реалий такого рода или такие отношения сначала были выдуманы, а потом книги вдохновили читателей заводить любовные связи на стороне в подражание литературным героям. Однако через какое-то время уже стало неважно, что было первичным. Мужчины и женщины ухаживали друг за другом, даже если кто-то из любовников состоял в браке или был помолвлен, и об этом слагали стихи. Искусство подражает жизни, но и жизнь подражает искусству.

Таким образом, сочинения средневековых авторов, будь они богословские, медицинские или художественные, наглядно показывают нам образ женщины, каким он запечатлелся в общественном сознании той эпохи. В целом мы узнаём, что на женщин смотрели как на неудавшихся мужчин, с которыми что-то не так. Какие бы стереотипные мужские качества ни одобрялись обществом (отвага, сила, интеллект, сдержанность), женщинам приписывались качества прямо противоположные (трусливость, слабость, глупость, распутность). Причем считалось, что эти качества составляют неотъемлемую часть женской природы и передаются из поколения в поколение от самой праматери Евы, которая была сотворена как заведомо низшее существо по сравнению с Адамом и которая погрузила мир во грех и смерть. Правда, некоторые женские качества считались достойными одобрения, например милосердие, заботливость и другие добродетели. Если женщины унаследовали дурные стороны своей природы от Евы, то все хорошее в них — это те качества, которые воплощала в себе Дева Мария — вселенский идеал

материнства. Подобные представления о женщинах повторялись *ad nauseam* — до тошноты и отвращения — часто и повсеместно, от глосс в томиках Библии до университетских аудиторий и даже в уводившей прочь от действительности любовной литературе.

Средневековые и античные тексты поражают удивительным единством взглядов на женщину, различаются лишь доводы, приводимые в обоснование этих взглядов. Платон не был и не мог быть христианином, как бы ни старались верующие убедить самих себя, что Иисус и Платону даровал спасение. Такую же картину мы наблюдаем и сегодня: хотя отдельные средневековые понятия о женщинах сохраняются в нашем обществе, наши воззрения на женщин во многом переменились, чтобы соответствовать современным представлениям о мире. Как мы увидим далее, взгляды на женщин, пришедшие из Средневековья, закрепили в общественном сознании ряд установок относительно идеалов женской красоты, представлений о женской сексуальности и отводимых женщинам ролей в семье и на работе. Однако, когда мы увидим, как концептуализирует женщин глобальный Север, то есть развитые страны, мы в конечном итоге начнем обвинять во всем древних афинян. Им есть за что ответить перед нами.

Женщины в глазах мужчин

Говорят, что красота в глазах смотрящего, и во все времена людей предостерегали, что невозможно определить, что это такое. В XIII веке английский философ и государственный деятель Роберт Гроссетест (ок. 1175–1253) предупреждал, что старания кодифицировать красоту только создадут путаницу и замарают само это понятие. Вместо этого он рекомендовал «не доискиваться, что такое красота... Стоит только попытаться, как сознание твое заститя пеленой бесчисленных физических образов... Подумай о том или этом осиянном красотой предмете. Затем исключи «то» и «это» и размышляй, что делает «это» или «то» прекрасным. Старайся узреть, что есть Красота сама по себе... Если преуспеешь, узришь самого

Господа, Красоту, что воздвигается во всех истинно прекрасных вещах»⁴². Но абсолютно никто не желал прислушаться к нему.

Напротив, ряд величайших средневековых мыслителей поставили себе целью дознаться, какие внешние и внутренние качества воспринимаются всеми как самые приятные для взора, и свести их в единый перечень. Следуя проверенной временем средневековой традиции, они обратились к античным авторам за подсказками, какие черты им следует считать привлекательными, чтобы в рассуждении опереться на их мнение. К их несчастью, выяснилось, что классических источников с описаниями женской красоты было мало. И чтобы все же получить желаемый перечень, пришлось им устанавливать собственные идеалы, беря за основу литературные описания античных героев.

Идеал

Как ни любили раннесредневековые авторы опираться на древнегреческую и древнеримскую философию, лишь очень немногие древние тексты разъясняли в подробностях, что придает женщине сияние истинной красоты. Это, однако, не помешало средневековым писателям заверять нас, что все же существуют правила, по которым можно определить, какие из женщин привлекательны. Многие королевы раннего Средневековья, убеждали они, отличались дивной красотой. За несказанные красоту и грацию превозносили Теоделинду (570–628), королеву лангобардов, а также ее дочь Гундепергу (ок. 591–?), тоже лангобардскую королеву, Батильду (ок. 626–680), франкскую королеву, впоследствии причисленную к лику святых, и Юдифь Баварскую (797–843), правда, их летописцы (а в случае Батильды ее агиограф) поскупились добавить к своим расплывчатым комплиментам хоть какие-то конкретные описания⁴³.

Теоделинда

Миниатюра из «Нюрнбергской хроники». 1493 г.

Несомненно, эти описания дали бы Роберту Гроссетесту повод возгордиться, учитывая, что они и правда, скажем так, мало что описывают. Тем не менее они все равно показательны. Хотя нам не объясняют, почему этих королев считали красавицами, понятно, что красота была главным их качеством. Их облик был призван подчеркнуть, почему они занимали такое высокое положение. Батильда, например, сначала служила рабыней при дворе и именно благодаря несравненной красоте стала королевой⁴⁴. Иными словами, женская красота даровала своего рода божественное право. Эти женщины стали королевами, так как именно их необычайно привлекательная внешность давала им право возвыситься до такого положения.

Впрочем, мы поймем глубокий смысл аргументации этих авторов, если вспомним, что им по должности полагалось объяснять читателям, что этих дам следует глубоко почитать. Королевские особы нередко заказывали летописцам написать историю, подтверждающую значимость их династии. Наряду с этим агиографами составлялись жития, чтобы помочь кому-то возвыситься до статуса святого или распространить

уже существующий культ. Туманное восхваление красоты тех королев было своего рода рекламой, необходимой для того, чтобы убедить средневековую публику, что этих дам надлежит почитать. Женщины просто не могли считаться важными, святыми или могущественными, если не были при этом привлекательными.

Такой подход не только служил восхвалению богатых и могущественных женщин посредством лести, но и затушевывал болезненный вопрос, кому должна принадлежать власть, то есть почему именно богатым. Если Батильда здесь исключение, то остальные упомянутые дамы происходили из знатных могущественных семейств⁴⁵. Они в любом случае заняли бы трон, независимо от того, были ли они на самом деле красивы. В то же время их все равно наделили бы красотой в обоснование их власти. Что до Батильды, то она в буквальном смысле достигла высокого положения силой своей красоты, которая почиталась как знак Божьего благоволения. Ее облик и добродетели настолько впечатлили Хлодвига II, короля Нейстрии и Бургундии (633–657), что он возвел ее в ранг королевской супруги, вместо того чтобы держать при себе наложницей или любовницей. Таким образом, оставалось загадкой, каков был раннесредневековый канон женской красоты: прекрасная дама могла занять высокое положение, как о том повествуют многочисленные сказки. Однако если женщина не была могущественной, могла ли она считаться красавицей? При всей расплывчатости определения женской красоты в раннем Средневековье ее строго определяло имущественное положение, и претендовать на обладание ею могли исключительно богатые дамы.

Итак, красота открывала дорогу к власти, и это еще больше подогрело интерес средневековых авторов к определению критериев женской привлекательности. В поисках подсказок они обращались к временам Эллады и Древнего Рима — в духе

глубокого благоговения перед античной мыслью, особенно свойственного высокому (после 1000-х годов) и позднему (после 1250-х годов) Средневековью. И словно в доказательство того, что стандарты красоты должны оставаться непостижимыми, образцовые красавицы, на которых авторы чаще всего останавливали свой выбор, были не просто историческими личностями, а героинями эллинской и римской мифологий.

Легендарная Троя выступала одним из самых многообещающих источников, к которым обращались пытливые умы в надежде понять, что такое красота. Истории о Троянской войне уже использовались, когда нужно было подкрепить притязания государя на законность правления. И потому было намного удобнее обратиться к этим же историям для того, чтобы решить, что считать красотой. Более того, те же доводы, которые оправдывали преклонение перед философией Античности, прекрасно подходили для обсуждения канонов красоты. Если античное знание совершеннее в силу большей исторической близости к божественному, значит, совершеннее и античные представления о красоте.

Средневековые авторы нередко обращались к «Истории о разрушении Трои» (*De excidio Trojae historia*), авторство которой приписывается Дарету Фригийскому, жрецу в троянском храме бога Гефеста; считается, что Дарет жил в VIII веке до нашей эры и, возможно, даже был современником Гомера, прославленного автора «Илиады» и «Одиссеи». В V веке нашей эры рассказ Дарета был переведен на латынь и с тех пор пользовался большим успехом у читателей Средневековья. Согласно Гомеру, Дарет был очевидцем Троянской войны, что придавало достоверность его рассказу, поскольку теоретически Дарет вполне мог своими глазами видеть прекрасные лица женщин, причастных к этому конфликту. Что еще важнее, Дарет не пожалел времени, чтобы подробно описать

внешний облик трех из них: Поликсены, Брисейды и Елены Троянской, которая считалась наипрекраснейшей женщиной своего времени.

Елена Прекрасная и Парис

Миниатюра из французского перевода книги Боккаччо

«О знаменитых женщинах». 1440 г.

Согласно мифу, Поликсена была младшей дочерью троянского царя Приама и его супруги царицы Гекубы. Она предстает главным образом как трагическая фигура. Помолвленная с полубогом Ахиллесом и, как иногда считается, причастная к его гибели, она, по легенде, была принесена в жертву на его могиле.

Брисеида, подобно большинству женщин в классической литературе, не столько самостоятельный персонаж, сколько та, которая побуждает мужчин к действию. Прославилась она не столько своими поступками, сколько своей участью: после того как греческие войска разграбили город Лирнесс, где жила Брисеида, Ахиллес у нее на глазах перебил всех ее родных, а саму Брисеиду взял в рабство как свою наложницу.

Потом его принудили уступить Брисеиду предводителю греческого войска царю Агамемнону, и Ахиллес так разгневался (читай, разобиделся), что покинул поле боя, из-за чего греки потерпели поражение и понесли огромные потери.

Гибель Поликсены

Миниатюра из французского перевода книги Боккаччо

«О знаменитых женщинах». 1440 г

После этой длинной преамбулы я должна с сожалением признать, что Поликсена и Брисеида, как их описал Дарет в «Повести о разрушении Трои», весьма похожи: у обеих белая кожа и светлые волосы. Кроме того, обеим нравилось подводить брови, чтобы они сходились на переносице в сплошную линию — монобровь. Различались они, похоже, только ростом: если о Поликсене сказано, что она высокого роста, то о Брисеиде — что «невысокого»⁴⁶.

Можно предположить, что Дарет уделит больше внимания внешности женщины, силой своей красоты спустившей

на воду армаду из тысячи греческих кораблей, — Елене Троянской. В конце концов, Елена не кто-нибудь, а героиня эллинской мифологии и рождена в результате одной из самых знаменитых любовных побед Зевса, который в облике лебедя соблазнил ее мать Леду. И особенно Елена важна для нас тем, что ее родители наделили ее несравненной красотой. Она состояла в браке с царем Спарты Менелаем. Между тем волей обстоятельств Елену без ее ведома пообещали в жены другому мужчине, юному троянцу Парису. Началось с того, что Зевс повелел Парису разрешить спор между олимпийскими богинями, кто из них прекраснейшая, и вручить победительнице золотое яблоко. На титул прекраснейшей притязали Гера, Афина и Афродита. Хотя Париса выбрали арбитром в силу его предполагаемой честности, рассудил он небеспристрастно. Каждая из трех богинь, желая склонить чашу весов в свою пользу, посулила Парису награду. Царица Олимпа Гера пообещала сделать его царем над Европой и Малой Азией; богиня мудрости Афина — сделать его наимудрейшим человеком во всем мире; а богиня любви Афродита посулила Парису руку самой прекрасной женщины мира. Парис выбрал Афродиту.

На самом деле Афродита никого конкретно не имела в виду, Парис сам назвал Елену. Но Афродита была богиней своего слова. Так случилось, что Елена не питала особой приязни к супругу Менелаю, который часто и подолгу отсутствовал. И когда ей явилась Афродита с предложением перенести ее вместе с юным красавцем Парисом в Трою, Елена согласилась. Разъяренный Менелай собрал войско, кинул клич другим греческим царям и обратил военную мощь греков против ненавистной Трои.

По идее, гипотетический очевидец событий, воочию видевший поразительную красоту Елены, скорее всего, посчитал бы своей обязанностью во всех деталях и красках рассказать о ее облике, однако Дарет и здесь разочаровывает нас. Вот

как он описывает Елену: «красивая, прямодушная, приветливая, с красивыми голеньями и с родинкой между бровями, крохотным ртом»⁴⁷. Вот, собственно, и все.

Будем справедливы к Дарету, ведь даже если у него было собственное представление о том, как выглядела Елена, он поневоле следовал тем же классическим условностям, что и другие авторы его времени. Гомер — и тот ни в «Илиаде», ни в «Одиссее» не дает подробного портрета Елены, а просто называет ее прекрасной, прелестной или упоминает ее белые руки и пристрастие к белым покрывалам. Дошедшие до нас лишь в отрывках древнегреческие поэмы, скажем «Труды и дни» Гесиода, упоминают чудесные волосы Елены. Сапфо (ок. 630–570 до н. э.) проявила себя немногим лучше своих товарищей по поэтическому цеху и просто назвала Елену «...той, что с золотыми волосами»⁴⁸. В понимании античных авторов конкретика была неуместна в поэтических описаниях. Свою задачу они видели в том, чтобы просто понять и передать общее расплывчатое впечатление привлекательности, которую чаще всего связывали с белой кожей и белокурыми волосами. Остальное могло дорисовать себе воображение читателя.

К сожалению, эти скудные описания, равно как и наставления современников вроде Гроссетеста и других, почти не утоляли интереса средневековых умов. Поиски античных источников с более развернутыми портретами продолжались, пока латинский элегический поэт VI века Максимиан не написал гораздо более подробное описание прекрасной женщины. Хотя мы вправе отнести VI век к эпохе Средневековья, сам Максимиан всячески подчеркивал свою принадлежность к древней традиции, утверждая, что его род восходит к этрускам и что он был дружен с римским сенатором и консулом Боэцием (ок. 477–524)⁴⁹. Для людей Средневековья это достаточно подтверждало авторитетность Максимиана, особенно в сочетании с тем фактом, что его перу принадлежал один

из первых детально и ярко прописанных портретов красивой женщины:

Власы золотые потоком по шее молочной струятся,
 Черты бесподобные лика ее, что смолю бровей выделяют
 Чела чистоту и кожи сияние множа,
 Воспламеняют мой разум смятенный всечасно.
 Люблю я тот огненный пламень
 И пухлые крохотны губки,
 Что сладостью дивной дыша и ликуя,
 Глотки поцелуев щедро вливают⁵⁰.

Эта идеализированная безымянная красавица примечательна тем, что, хотя у нее нет мифологических корней, как у Поликсены или Брисейды, столь детально выписанный облик был первым на то время письменно закрепленным портретом красавицы. Будущие каталогизаторы женской красоты видели в нем одно из самых полезных руководств, хотя бы потому, что он содержал больше сведений, чем все прочие.

В Средние века Максимиан пользовался чрезвычайной известностью. Разумеется, слово *популярность* если и подходит здесь, то разве что в своем этимологически буквальном смысле (от лат. *populares*, народный): Максимиана почитали столь значимым автором, что в XI и XII веках на его поэзии строилась школьная программа по преподаванию латыни. Таким образом, детям внушали, в чем состоит женская красота, еще когда они только-только осваивали навыки письма⁵¹. Так дети усваивали, что у идеальной красавицы должна быть белая гладкая кожа, темные брови, контрастирующие с золотистым сиянием волос, и пухлые губы.

Тут впору удивиться, что у средневековых европейцев было так мало подробных древних литературных портретов женщин, но, в сущности, подробных описаний физической

женской красоты мы не находим и в высоком Средневековье (1000–1250). Если античные классики предоставляли самому читателю додумывать детали прекрасного образа, то тем же путем шли и раннесредневековые авторы — они больше копировали классические тексты, чем пытались развить и дополнить их деталями. Даже в период высокого Средневековья и Ренессанса XII века, когда поэты и мыслители уже вовсю читали Максимиана, они все равно удручающе скупо описывали красоту современных им женщин. Вместо этого и в средневековом воображении, и в народной литературе Максимианово описание красоты лишь дополняло классический идеал, который мог лучше всего передать легендарную красоту именно Елены Троянской.

Прекраснейшая из женщин

Миниатюра из «Героид» Овидия

В том, что идеалом женской красоты избрали Елену, был глубокий смысл. Во-первых, ее красота воспевалась во множестве классических литературных источников, но без подробностей, что давало средневековым авторам шанс доказать свою способность дополнять классиков. Во-вторых, когда речь идет о наивысших качествах физической женственности, трудно поспорить с тем, что их воплощением достойна быть женщина, которая славилась своей красотой и даже спровоцировала мужчин на войну. В-третьих, само то, что понятия красоты исходят от античной героини, удостоверяло их авторитетность в глазах средневековых читателей, невзирая на недостаток античных литературных портретов, на которые можно было бы опереться. С XII века нам предлагают уже гораздо больше соображений о том, как должна выглядеть классическая женская красота, причем с особым акцентом именно на ее *классичности*.

Французский ученый, преподаватель и автор XII века Матвей Вандомский (Матье де Вандом) составил описание внешности Елены. Во многих отношениях он идеальный автор для изучения «средневекового» представления о красоте. Он посвящал свое творчество мифологическим героиням и следовал образцам произведений классических авторов Овидия (43 до н. э. — 17 н. э.), Горация (65–8 до н. э.) и Цицерона (106–43 до н. э.), однако сознательно придавал своим сочинениям новый стиль. Описания внешности Елены Троянской сначала появляются в его труде «Наука стихотворческая» (*Ars Versificatoria*), написанном в 1175 году. На то время это было сочинение совершенно нового типа: учебное руководство по стихосложению и написанию прозы на латыни. Матвей объяснял, что стихи следует писать так, чтобы они были проникнуты смыслом, и давал советы, как читать поэзию, чтобы по крупицам собирать заложенные в ней мысли и образы. Для этого читателю следовало обдумать четыре существенные,

но неравнозначные составляющие поэтического произведения: внутренний смысл; изысканность манеры, с которой выражаются мысли; стилистические фигуры, тропы и риторические украшения; подача материала. Описания Елены появляются в разделах текста, излагающих суть первых трех категорий.

Если учесть, что Матвей Вандомский рассуждал о тропах и намеренно опирался на сочинения авторитетных предшественников, неудивительно, что он в точности повторяет идеал красоты, как его описывал Максимиан; в конце концов, античные авторы не удосужились предоставить сколько-нибудь конкретный литературный портрет Елены. В итоге у Елены в описании Матвея тоже золотистые волосы и тонкие черные брови, которые выделились на бумажной белизне ее чела. Однако в отличие от предыдущих описаний, где есть указание на монобровь, Матвей делает особый акцент на «белом и чистом» промежутке между бровями Елены и отмечает, что «разъятые полукружья бровей не позволяли буйства волоскам». Ее лицо, говорит Матвей, источает сиянье, как «светозарная звезда», и столь же ярко сияют ее глаза. Ее кожа бела, а щеки красны, что похоже на «игру румянца с белизной снегов». Далее Матвей любезно описывает нос Елены как не слишком большой и не слишком маленький. В отличие от Максимиана, он уделяет больше внимания улыбке Елены — маленький рот и зубы точно из слоновой кости. А ее губы, и на сей раз названные пухлыми, еще и медовы, а ее дыхание благоухает ароматом роз, «в томленьи страстном по поцелуям». В целом Матвей предлагает нам для создания образа красоты несколько тропов: звезды, светозарность, снег, розы и мед⁵².

Далее в том же произведении, как бы желая подчеркнуть, как именно создается троп, Матвей еще раз пытается описать Елену. На сей раз он обращается к двум характеристикам

образа Елены из текста Максимиана, которые прежде не упоминал. Описывая чело Елены, он теперь сравнивает белизну ее кожи не с бумагой, как в вышеприведенной цитате, а с молоком, однако повторяет вслед за Максимианом, что оно «чистое» (*libera*). Почти все прочие детали Матвей оставляет без изменений. Он впадает в восторженный тон, когда рассуждает о значении красоты Елены, о присущих ей «сокровищах телесных и совершенности сложения», и далее — о трагической роли этой несравненной красоты в разрушении Трои и «повержении во прах царевичей»⁵³. Представляется, что дополнительное описание, скорее, призвано продемонстрировать образность языка и показать, что автор изучал труды древних авторов, а не только прекрасных женщин.

Составленное Матвеем описание Елены Троянской убедительно, потому что он очень недвусмысленно дает понять, что учит свою аудиторию составлять описания прекрасных женщин. Он велит читателям использовать эти приметы красоты в их собственных работах. Надеясь распространить свои тропы, Матвей объясняет читателю, что такого рода описание обладает «риторической красочностью», к которой им следует стремиться в их сочинениях. Он не только обращается в прошлое, к творчеству всеми восхваляемого автора, но и для убедительности задействует прославленную в мифах героиню полубожественного происхождения. Этим он также расширяет свое классическое знание — и встает на плечи гигантов. Сочинение Матвея оказало невероятное влияние на его коллег, теоретиков стихосложения, и впоследствии вдохновило авторов по всей Европе на создание подобных трактатов, и в каждом содержался тот же прописанный Матвеем образ идеальной женской красоты.

Пожалуй, наиболее влиятельным среди трудов, подхвативших выведенные Матвеем «идеальные» приметы женской красоты, можно считать сочинение прославленного

поэта Гальфреда Винсальвского (годы творчества 1200-е). Как и Матвей до него, Гальфред своим примером показывает, как распространялись средневековые идеи. До нас дошли очень скудные сведения о его жизни, известно, что одно время он работал в Оксфорде, но в конечном итоге переселился в Рим, где и написал свой монументальный труд «Новая поэтика» (*Poetria nova*), предназначив его в дар папе Иннокентию III (1160/61–1216). Однако традиционно его биографии приписывают еще ряд подробностей, и вот мы узнаем, что Гальфред родился в Нормандии, получил образование в Оксфорде, в августинском приорате Святой Фридесвиды, затем продолжил образование в Парижском университете и различных итальянских учебных заведениях. О нем говорили, что он интеллектual, но при этом скандалист и что из-за своего буйного нрава ему пришлось пересечь Ла-Манш, чтобы вымолить прощение у архиепископа Кентерберийского за слишком бурные споры со своими друзьями⁵⁴.

Сочинения Гальфреда пользовались большим успехом, и его можно назвать средневековой версией автора бестселлеров. Хотя «Новая поэтика» была написана им для папы, ученая публика того времени по достоинству оценила ее, и вплоть до XV века книга оставалась влиятельным источником в Англии и Франции и даже дошла до наших дней более чем в двух сотнях рукописных копий, за что ее можно смело назвать одним из самых почитаемых сочинений Средневековья. К тому же «Новая поэтика» считалась достаточно авторитетным источником, чтобы Джеффри Чосер по ряду поводов цитировал ее, притом *verbatim*, дословно⁵⁵. В «Новой поэтике» Гальфред преследовал ту же цель, что до него Матвей, — вывести принципы хорошего стихосложения для современных поэтов. Само название книги спорило со старыми принципами классической поэзии, а также с латинским поэтом Горацием, чей трактат на ту же тему, исходно названный «Наука

поэзии», тоже был распространен в средневековый период, но под названием «Поэтика».

Забавно, что хотя самим названием своей книги Гальфред обещает новые идеи стихосложения, ничего принципиально нового по части идеала красоты мы у него не находим. «Так, если нужно тебе описать красавицы облик, — наставляет он читателей, — Пусть горят волоса [ее] золотым сияньем... пусть млечному кругу подобно выгнутся брови дугой... Пусть губы у рта слегка выдаются, но ненамного... Пусть чередою построятся зубы, все как один, белоснежные... Пусть голове и лицу... будет опорой столп драгоценнейший млечного цвета, нежная шея». Как и в описании Елены у Матвея, здесь мы уясняем себе, что у идеальной красавицы тонкие продолговатые пальцы цвета Млечного Пути и маленькие ступни («чем меньше стопа, тем красивей...») — несколько разочаровывающее описание, в особенности сразу после метафоры Млечного Пути⁵⁶.

Впрочем, Гальфред кое-где отходит от метафор Матвея и предлагает собственные. Так, он уподобляет черты красавицы лилиям («белеет цветом лилии лоб»), заре («Цвет лица, как цвет Авроры») и кристаллам (шея, «кристальным блестящая блеском»), а вместо медового аромата «...выдыхают губы ее аромат фимиама». Он тоже питает выраженный интерес к женским бровям и воспевает их в целых шести стихотворных строках, называя темными, правильными, надменными, полукружными и блистающими подобно гиацинту*. Если не брать описание бровей и разницу в сравнениях, у Гальфреда получается точно такой же портрет, что и у Матвея. У идеальной красавицы белая кожа, волосы цвета золота, две темные дужки бровей, капризно надутые губки, белые

---

* Гальфред имел в виду не цветок, а минерал гиацинт, драгоценный камень красновато-коричневого цвета с сильным алмазным блеском. *Прим. пер.*

зубы и благоуханное дыхание. Разрозненные объекты, которым уподобляются черты идеальной красавицы, показывают, что она и сама — объект, состоящий из трудновообразимых и разрозненных идеалов, а также литературный троп *par excellence* — лучшая в своем роде.

Дидона

Миниатюра из «Героид» Овидия

Красота, которую описывают Матвей Вандомский и Гальфред Винсальвский, представляет собой незыблемый «отлитый в граните» идеал. В этом есть смысл, поскольку этот идеал предназначался служить единообразной и неизменной поэтической моделью. А подлинный смысл в том, что подавляющее большинство женщин никак не смогли бы соответствовать этому образу, даже если бы очень пожелали, — особенно если были бедны. Что самое очевидное, женщина никогда бы не добилась сияющей белизны лица, если она всю жизнь трудилась

под открытым небом. С белизной зубов дела обстояли лучше, потому что средневековые простолюдины не объедались конфетами, а поддерживать такое состояние зубов можно было их чисткой — конечно, если у женщины хватало времени на заботу о гигиене зубов. Простолюдинкам могло выпасть счастье от рождения получить какие-либо черты женской красоты, скажем белокурые волосы, пухлые губы или черные брови, но одно только обладание этими чертами еще не давало права претендовать на истинную классическую красоту. Богатство в связи с красотой нигде в открытую не упоминается, однако все эти тропы придуманы авторами, которые не знали нужды в деньгах и писали для круга столь же состоятельных читателей. Таким образом, собственные предубеждения авторов с самого начала встраивались в их произведения, пусть они сами не всегда отдавали себе в том отчет.

Итак, Матвей Вандомский и Гальфред Винсальвский вознамерились установить стандарт женской красоты и распространить его. Оба строили свои идеалы красоты, опираясь на сочинение Максимиана, и расширяли заложенные им основы, предлагая новые сравнения, сохранив при этом все основные черты облика красавицы, описанные у предшественника. Сама по себе эта согласованность их мнений убеждала читателя в авторитетности выведенных ими примет женской красоты, как и то, что они отсылали к Елене Троянской, древней и, стало быть, заслуживающей доверия литературной героине. И разве стали бы переживать эти уважаемые авторы из-за того, что их большой литературный успех оставил за бортом всех бедных женщин мира?

В XIII веке эталон красоты утвердился настолько, что средневековые авторы стали использовать его очень буквально, описывая Красоту (точнее сказать, персонифицируя ее). Французский поэт и ученый Гильом де Лоррис (ок. 1200–1240) населил свой «Роман о Розе» (*Le Roman de la*

Rose) — аллегорическую поэму о посланном ему таинственном видении — живыми воплощениями различных чувств и качеств человеческой природы. Красота тоже выступает одним из таких персонажей — «и облик весь ее сиял и круг как будто освещал: сравнима разве что с луной, ведь рядом с ней звезда свечой покажется», дивная кожа «бела и тонка, словно шелк, или словно лилии цветок», румянец расцветал розами, «а пряди светлые волос касались пят»⁵⁷. Других женских персонажей автор тоже наделяет вполне ожидаемыми атрибутами красоты, однако у них «глаза серые, как оперенье сокола» или маленький ротик⁵⁸. Эти незамысловатые описания красоты ничуть не ослабляли читательских восторгов по поводу «Романа о Розе». Изложенная просторечным языком история, которая по сути служит затянутой метафорой секса, никого никогда не отталкивала некоторой заурядностью описаний женской красоты. Ее огромная популярность и доступность в Европе под конец Средневековья убеждает нас, что вместе с ней распространялось и соответствующее представление о женской красоте, в том числе и среди далеких от учености людей, которым просто очень хотелось почитать книжку, где говорится о сексе.

Идеал златовласой чернобровой красавицы с молочно-белой кожей в конце концов переключался из области умозрительных построений в поэтические произведения. Самые ранние примеры мы находим в творчестве одного монаха XII века, чье имя не сохранилось; известно только, что он трудился в знаменитом каталонском монастыре Санта-Мария-де-Риполь. К тому времени, когда безымянному монаху наскучило переписывать чужие труды и он взялся писать собственную любовную лирику на пустых страницах манускрипта, монастырь в Риполе уже более века как пользовался славой благодаря своим библиотеке и скриптории.

Бог любви ведет танец

Миниатюра из «Романа о Розе»

Женщины в его сочинениях во многом напоминают предложенные Матвеем и Гальфредом образцы красоты. Так, у Юдифи, которую он выводит в поэме «Когда впервые я узрел любовь мою» (*Ubi primum vidi amicum*), «сияющие глаза, зубы как снег... белизны чистейшей лоб», а гладкая кожа «светилась как луна, не нарушаема морщинкой ни единой, ни складочкой»⁵⁹. Позже он снова воспользуется этими же тропами, но уже описывая красоту графини Фландрии. «Ярче солнца» она блистала, «сверкали белейшие зубы, искрились глаза... ноги снега белее... [и] маленькие точеные ступни». Если коротко, в описании монаха графиня прекрасна, как богини «Венера или Диана»⁶⁰.

Эти описания обращают на себя внимание тем, что безымянный монах пользуется взятыми у Матвея и Гальфреда сравнениями, чтобы описать красоту реально существовавших женщин. И поскольку в распоряжении авторов был только один образец описания женской красоты, то и у женщин

был только один идеал внешности, соответствуя которому они бы могли *быть* красавицами. В тексте у монаха-стихотворца есть ожидаемые тропы (белая кожа, гладкий ясный лоб, яркие глаза, белые зубы), однако некоторые другие, также введенные в канон красоты Матвеем и Гальфредом черты облика (белокурые волосы, черные брови, пухлые губы), монах у своих красавиц не воспекает.

Судя по всему, здесь мы сталкиваемся с чем-то напоподобие литературной ретуши (приукрашивания). Монах хочет убедить свою аудиторию, что обе дамы прекрасны собой, и поэтому превозносит в них только то, что отвечает поэтическому стандарту женской красоты, на который он ориентируется. Однако обе дамы реально существуют, поэтому он не может лгать, описывая их внешность. И предпочитает нарисовать отвлеченный образ прекрасной дамы.

Ко временам творчества Чосера, а это уже XIV век, идеал красоты как устоявшийся троп настолько глубоко укоренился в литературе, что его уже начинали пародировать. Так, в «Рассказе мельника», второго среди «Кентерберийских рассказов», выведена Алисон, женщина простого происхождения, то есть она не из дворян и не из семьи богатых купцов, состоящих в какой-либо гильдии. Рассказ о том, как она обманывает своего престарелого мужа-плотника, изменяет ему. Так вот, несмотря на ее простонародное происхождение, Чосер описывает Алисон в таких же возвышенных выражениях, в каких было принято описывать идеал женской красоты: «ее дыхание было сладко, как эль, иль мед, иль медовуха / или как яблоки, что с осени под сеном про запас хранятся, или под вереском»⁶¹. Нотки сатиры этому описанию придает то, что автор сравнивает дыхание красотки с таким обыденным напитком, как эль, и с чуть гнилой сладостью приправленных яблок, причем эти образы соседствуют с традиционными в возвышенном описании красоты образами меда

или медового напитка. Более того, смехотворность подобных комплиментов еще и в том, что все они традиционно предназначались красавицам-полубогиням, а здесь адресованы женщине, которая только и хочет, что заняться сексом со своим ухажером в бадье и наставить муженьку рога.

Притом что вышеописанный идеал красоты прижился на всей территории средневековой Европы, от Англии и Франции до Испании и Рима, за пределами западного христианского мира некоторые его черты распространения не получили. Так, живший в Константинополе византийский поэт и комментатор античных авторов Иоанн Цец (ок. 1110–1180) написал поэму «Догомерика» (*Antehomerica*), где описал предшествовавшие Троянской войне события. Вот какой портрет дает Цец красавице-царевне Брисеиде: «Высокая и белокожая, с власами черными и кудрявыми; прекрасны ее грудь, и щеки, и нос; и нрава она благовоспитанного; лучезарная улыбка, густые брови»⁶². Очевидно, что в средневековом воображении той поры на пьедестале красоты еще оставалось место и для густобровых брюнеток. Вероятно, Иоанн Цец слегка подправил идеал затем, чтобы под него подходили и анатолийские женщины, в большинстве своем темноволосые.

Притом что даже такое небольшое отступление от предписанного стандарта красоты уже радует душу, дальше Цец все же возвращается в ожидаемое русло, живописуя Елену Троянскую: «кожа белая и сияющая, словно свежий снег... длинные вьющиеся светлые волосы; ...затмевает красотой всех других женщин, как свет луны на небосводе затмевает звезды»⁶³. Иными словами, если вариации в пределах канона красоты еще допускались, то иерархия сохранялась незыблемой и блондинки прочно занимали позиции на самой вершине. Брюнеткам не отказывали в праве обладать красотой, способной поменять ход сражения, однако только блондинки были теми, из-за кого мужчины вели войны. Но была ли

красавица брюнеткой или блондинкой, Восточная Римская империя однозначно благоволила кудрявым женщинам.

В то же время мы не видим, чтобы интерес к белокурым волосам ярко проявил себя в других культурах, скажем на территории Пиренейского полуострова. Поэты тех мест с любовью воспевали разные женские волосы, хоть белокурые, хоть черные, хоть прямые, хоть кудрявые, но при этом всегда хвалили волосы за их шелковистость. Однако в целом многие арабские тексты — в том числе арабская сказка, переведенная в XIII веке на испанский язык под названием «История девицы Теодоры» (*Historia de la doncella Teodor*), и даже трактат XV века, описывающий искусство плотской любви, «Зеркало для коитуса» (*Speculum al foderi*), — воспевают черные волосы⁶⁴. Любопытно, что те обитатели полуострова, которые все же предпочитали белокурых красавиц, судя по всему, входили в более состоятельные круги иберийского общества⁶⁵.

Очевидно, что большинство авторов средневековой Европы усвоили единую манеру описания женской красоты, даже несмотря на ряд исключений. Впрочем, подобные исключения скорее подтверждали общее правило, чем свидетельствовали о сколько-нибудь широком отторжении идеала белокурой и белокожей красавицы. Однако важно отметить, что при всем при этом — и особенно в сообществах за пределами западного христианства — сохранялось пространство для вариаций на тему канона женской красоты.

Телесные формы

Стоит ли удивляться, что литература, воспевавшая идеал женской красоты, не пожелала ограничиваться восхвалением одних только черт лица и волос. Пытливый мужской взгляд не возражал прогуляться по всему женскому телу. И опять же неудивительно, что идеалы красоты женского тела оказались

такими же строгими, как и те, что определяли красоту женской головки.

По меткому замечанию французского медиевиста Эдмона Фаралья, канонические описания телесной красоты женщины неукоснительно шли в нисходящем порядке, будто следуя списку:

1. Волосы	11. Шея и затылок
2. Лоб	12. Плечи
3. Брови и межбровье	13. Руки
4. Глаза	14. Кисти рук
5. Щеки и их цвет	15. Груды
6. Нос	16. Талия
7. Рот	17. Живот
8. Зубы	18. Ноги
9. Подбородок	19. Ступни ⁶⁶
10. Горло	

В этом есть определенный смысл, если вспомнить, что средневековые авторы вообще любили всякие руководства и что данная опись соответствует общему нисходящему порядку, в котором нам привычно рассматривать другого человека. Кроме тех джентльменов, которые порой нуждаются в напоминании, что женское лицо расположено выше, большинство из нас изучают внешность других людей, начиная с головы, учитывая ее близость к нашей собственной, а затем переводят взгляд ниже, если хотят узнать больше о человеке, который нас интересует.

Давайте и мы изучим женское тело в предложенном порядке. Сначала взглянем на шею, которую обычно описывают в весьма туманных понятиях. Матвей Вандомский говорил о красоте женской шеи, подчеркивая ее белоснежность⁶⁷. Гальфред Винсальвский черпал аналогии в архитектуре, и потоку женская шея виделась ему как «столп драгоценнейший

млечного цвета»⁶⁸. Прочие описания более или менее сходятся в том, что женской шее полагается напоминать колонну, длинную и белую⁶⁹. К позднему Средневековью некоторые поэты расширили репертуар метафор тем, что наделили красавиц «лебединой шеей»⁷⁰. Иной традиции придерживались авторы Иберийского полуострова, предпочитавшие уподоблять шею красавицы шее цапли или даже антилопы, но при этом непременно подчеркивали ее длину и белизну⁷¹.

Плечи красавицы особого нашего внимания не заслуживают, так как практически все авторы опять-таки восхваляли их белизну и гладкость. Так что можем переходить к рукам. Но не верьте никому, кто утверждает, что средневековая литература скупилась на разнообразие форм женского тела. Французский поэт Гильом де Машо (ок. 1300–1377) выступал за «руки длинные и ровные», тогда как Чосер в противовес ему славил руки «маленькие», «изящные» и «округлые»⁷². Руки, надо полагать, не были на вершине средневекового списка сексуально привлекательных частей тела. Самым важным для красивых женских рук, судя по всему, считались та же их белизна и нежность, как и у остального тела красавицы.

Большее разнообразие в описании рук достигалось за счет того внимания, которое уделялось кистям и пальцам. О кистях рук единодушно говорили, что им полагается быть белыми, а также, как часто добавляли, нежными и продолговатыми. Этот акцент на белизну и нежность рук дает нам еще одну подсказку относительно того, какие женщины могли соответствовать литературному идеалу красоты. Такие руки, безусловно, были уделом женщин из богатых слоев общества, поскольку жизнь не заставляла их работать на поле в любую погоду, стирать белье, стряпать, мыть посуду и ходить за домашней скотиной. Вместе с тем многих авторов кисти женских рук волновали не настолько, чтобы задерживаться на них. Гальфред Винсальвский, например, не заостряет внимания на кистях

рук и тратит куда больше сил на описание того, как запястья его красавицы плавно переходят в кисть и пальцы⁷³. С другой стороны, тот же Матвей Вандомский, изображая Елену Троянскую, ограничивается упоминанием, что ее руки «не тряслись от дряблости плоти»⁷⁴. В целом считалось, что кисти рук и пальцы заслуживают внимания, но так как им полагалось быть белыми, нежными и удлиненными, то свобода действий оставалась лишь в том, как об этом можно было написать.

Портрет дамы

Рогир ван дер Вейден. Ок. 1460 г.

Относительно скудное обсуждение рук красавицы привело средневековых авторов к той части женского тела, которая и в наше время привлекает повышенное внимание общества (включая легионы эволюционных психологов) — а именно к грудям. Если вы, как современный читатель, с волнением ожидаете рассказов о пышных грудях, выпирающих из декольте платьев, боюсь, я вынуждена вас разочаровать. Средневековые мужчины единодушно восхищались исключительно небольшими женскими грудями, также обязательно

белоснежными. Матвей Вандомский превозносил «изящные» полушария Елены Троянской, что устроились «скромно у нее на груди»⁷⁵. Между тем у Гальфреда Винсальвского груди идеальной красавицы подобны драгоценным камням и «горсть их легко вмещает»⁷⁶. Гильом де Машо, добавив больше прилагательных в описание груди молодой женщины, тем не менее не преминул подчеркнуть, что хотя они «белы, тверды, сидят высоко, заострены и округлы», они также «достаточно малы», вероятно, указывая этим на то, что в идеале им полагалось бы выдаваться чутьчку поменьше⁷⁷.

Интерес к маленькой груди показателен, ведь этому идеалу также было проще соответствовать женщинам из богатых слоев общества, которые могли отказаться от грудного вскармливания. Большинство матерей Средневековья, несомненно, сами кормили своих детей грудью, а состоятельные женщины могли нанять кормилиц. Дамы из богатых и знатных родов, в том числе королевских, просто бинтовали свои набухшие молоком груди, чтобы они поскорее опали и ужались до прежних размеров, а кормить грудью своих кричащих младенцев поручали женщинам из числа простолюдинок. Приглашение кормилицы было предпочтительным средством для того, чтобы сохранить малый размер груди у матери, это подтверждалось медицинским руководством XII века «Тротула»* (Trotula) в разделе «Об условиях жизни женщин», где отдельная глава посвящалась тонкостям выбора кормилицы. И что забавно, у хорошей кормилицы должны были быть те же приметы женской красоты, какие были предпочтительны для знатных женщин: скажем, «слияние в цвете лица румянца и белизны... недопустимость телесных изъянов, равно как и груди дряблых или слишком крупных...

---

* «Тротула» — наименование ряда медицинских текстов, авторство которых приписывается врачу Тротуле Салернской (1050–1097). *Прим. пер.*

небольшая полнота»⁷⁸. Таким образом, у состоятельных женщин была возможность сохранить изящную форму груди, которая была столь предпочтительна, и вдобавок обеспечить себе спокойный ночной сон.

Пусть современная культура не всегда разделяет интерес средневековых авторов к маленькой женской груди, мы определенно склонны соглашаться с ними в вопросе размеров талии. В Средневековье предпочитали талии потоньше, хотя авторы того времени не балуют нас подробными описаниями этой части тела. Матвей Вандомский уверял своих читателей, что Елена Троянская «была узка в талии»⁷⁹. А позже Гильом де Машо обрисовывал фигуру красавицы в следующих выражениях: «пропорционально сложена... пышна телом, высока, осанкою пряма и усладительна для взора, стан гибкий, грациозна и в талии стройна»⁸⁰.

Если пожелания видеть красавицу одновременно и «полноватой телом», и «стройной в талии» кажутся нам немного противоречащими друг другу, то противоречие это легко разрешится, когда взгляды автора и читателя продолжают обзор воображаемой женской фигуры. Миновав талию, они опустятся, согласно Матвею, на «соблазнительный животик»⁸¹. Современному читателю недолго впасть в заблуждение, что речь идет о плоском животе под стать тонкой талии. Ничуть не бывало! Матвей и другие авторы говорят об удовольствии созерцать округлый, несколько «выдающийся вперед» живот, что отсылает нас к строке Машо о «пышнотелой» красавице. В других текстах предпочтение отдавали животику мягкому или пухлому. В произведениях, где поэты отдельно не упоминали живот, они обычно описывали удлинённые станы возникавших в их воображении красавиц. Как бы там ни было, средневековые авторы однозначно заявляли, что решительно не благоволят дамам, пропускающим обед ради стройного стана.

Опять же, интерес к выступающим животам указывал на предпочтительность облика, свойственного богатым женщинам. Большинство средневековых женщин были крестьянками и всю жизнь физически трудились и вскармливали грудью своих детей. Потому им предоставлялась масса возможностей сжигать все потребляемые калории. Зато утонченная жизнь при дворе или в богатом купеческом доме предполагала преимущественно сидячий образ жизни. Нет, конечно, жизнь богатых женщин тоже была наполнена занятиями, однако они больше касались бесед, ведения учетных книг или шитья, и все это можно было делать сидя, а значит, физически не напрягаясь. Более того, стол богатых женщин изобиловал теми яствами, что особенно благоприятствуют появлению живота. Сладости, белый хлеб и жирное мясо раздобыть куда проще, если у тебя тугой кошелек. Так что состоятельные женщины занимали выгодное положение в погоне за таким атрибутом красоты, как выпирающий животик.

Далее по списку следовало описать ноги красавиц, и здесь авторы предпочитали рассматривать их поделенными на две составляющие. Первая из них — бедра, которым, по всеобщему мнению, надлежало быть «объемными», «четко очерченными, хорошего сложения»⁸². Любопытно, что иногда предпочтительность полных бедер воспринимается как завуалированный намек на гениталии. Матвей, например, упоминает «сладкие венерины чертоги... сокрытые» «торжественным соприлежаньем сфер», то есть сокрытые бедрами⁸³. Такое описание пришлось бы весьма к месту в эротическом дамском романе, а заодно напоминает нам, что, хотя в теории подобные описания красоты женского тела несколько академичны, они все же несут в себе сексуальный заряд. Как тогда, так и сейчас, если авторы пытаются объяснить, что такое красота, то они хотят, чтобы их читатели *поверили* в предлагаемое описание и признали, что эти авторы несомненно знают толк в женских

прелестях. Другое дело Гальфред: надо полагать, он предвидел, как в предвкушении описания этой волнительной части тела распалится воображение читателей, и потому нарочно пропустил описание бедер, как и того, что помещается между ними: «О том, что ниже, — ни слова: / Если бы это я мог описать, я познал бы блаженство, / Но хоть и рвется душа говорить, а язык мой немеет»⁸⁴. При этом оба автора, упоминаемые здесь, прекрасно осознавали, что создаваемые ими образы однозначно *сексуальны*. Единственная разница в том, что если Матвей пожелал дать этим образам конкретное описание, то Гальфред предоставил читателям самим дорисовать картину, пусть даже рискуя навлечь на себя подозрения, что он сам знает об этом лишь понаслышке.

Суд Париса (фрагмент)

Лукас Кранх Старший. 1528 г.

Описание ног ниже бедер уже не содержало сексуальный подтекст. Авторы прославляли ноги длинные, полные и прямые. В этом пункте Гальфред отбрасывает прежнюю сдержанность и открыто говорит о длинных голених красавицы⁸⁵. Машо также упоминает о них, но ловко уходит от конкретики, назвав голени «точеными» и позволив читателям самим додумывать все остальное.

После возбуждения, которое вызвало описание бедер, описание ступней прямо-таки разочаровывает, так как авторы говорят о них одно и то же, считая идеальными маленькие женские ступни. Различие было лишь в деталях: одни называли их изящными, другие восхваляли продолговатые ровные пальцы ног. Однако как только вам покажется, что ступни не вызывают у авторов такого же поэтического возбуждения, что бедра и голени, Машо быстро развеет ваши подозрения, так описав идеальные ступни своей красавицы: «высокие, как арки, своды стоп, пухлы и формой изящны, и ловко как влитые обуты в туфельки изысканной красы»⁸⁶. И кстати, восхваление ступней у него более продолжительно, чем описание боков, бедер и голеней, вместе взятых.

Возраст

Притом что идеальной женщине Средневековья полагалось обладать вполне конкретным набором черт, которые даже могут быть представлены в виде перечня, один, еще не названный здесь фактор порой тоже упоминался: возраст. Мы, безусловно, определили бы желаемый возраст обобщенно как «молодой», однако в понятии средневекового человека число прожитых лет не сообщало ту информацию, которую полагалось знать.

Мужчины, которые размышляли об идеальной красоте, считали, что истинная красавица должна быть не только молодой, но и не искушенной в сексе. Проще говоря, ей

надлежало соответствовать такому средневековому понятию, как «дева».

Во времена Средневековья понятие «дева» подразумевало ту жизненную стадию, которая приблизительно соответствует современному понятию «подросток». Девы, как и подростки, — это те, кто уже вышел из детского возраста, но еще не достиг полной взрослости. Словом, это тот самый этап жизни, который мы называем переходным возрастом. Однако под девичеством подразумевали также сексуальную зрелость, но еще не реализованную, что создавало «совершенный» тип женственности.

Портрет дамы

Неруччо де Ланди. Ок. 1485 г.

Это состояние «совершенства», в свою очередь, было привязано к совсем иному, чем у нас, восприятию человеческого возраста. Вопреки некоторым особо живучим мифам о Средневековье, «девицы» были довольно юны вовсе не потому, что продолжительность жизни средневекового человека была короткой. Люди Средневековья жили примерно

столько же, сколько и мы сейчас, если им удавалось выжить в детстве и (в случае женщин) пережить роды. Констатация того, что «в Средневековье средняя продолжительность жизни составляла тридцать два года» искажает смысл понятия *средний*. Примерно пятьдесят процентов средневекового населения умирало, не дожив до года, и это невероятно удручающая статистика, стойко державшаяся до изобретения вакцин и современных методов лечения. Так вот, если половина населения умирала до достижения одного года, значит, чтобы средняя продолжительность жизни по всему населению составляла тридцать с чем-то лет, выжившим пятидесяти процентам следовало доживать до семидесяти лет (призовите на память школьную арифметику). Собственно, так оно и было! С учетом такой немалой продолжительности жизни большинство людей вступали в браки в двадцать с небольшим лет, как и мы сейчас⁸⁷. И потому было бы некорректно считать девой восьмилетнюю девочку, так как она еще ребенок. Девица была молодой и девственной, но при этом ее возраст хотя бы теоретически должен был позволять вступить в брак.

Согласно ученому и энциклопедисту конца XIII века Вартоломею Англичанину (1203–1272), девица «называется пуэлла [девушкой] чистой и непорочной, как незамутненный хрусталик глаз... ибо среди всего, что любимо в девушке, целомудрие и чистота ее любимее всего ... Пуэлла — это целомудрие без порока, а также доброе имя [честь] ... девица зовется *virgo* [девой чистой], в силу чистоты и непорочности, кои присущи *virago* [воительницам], ибо не знает она женских страстей»⁸⁸. Таким образом, у девиц было больше шансов подойти под определение красавиц, что работало и в обратном направлении, поскольку они, как отмечает Ким М. Филлипс, «обладали всеми привлекательными качествами женственности, но при этом [были] свободны от недостатков»⁸⁹.

Девы были прекрасны, добросердечны, спокойны, целомудренны, чисты, нежны, благонравны и скромны. К тому же, и это считалось абсолютно принципиальным, они были сексуально притягательны, но сами не проявляли интереса к *сексу*. Очень примечательный момент, поскольку трудно представить себе образ расцветающей женственности, до такой степени противоречащий нашим представлениям о юной девушке. Более того, этот образ блестяще показывает, что само понятие девичества (как и перечень черт женской красоты) родилось исключительно в головах мужчин. Девы представлялись такими, какими *могли бы быть* женщины, не будь они реальными людьми со своими нуждами, взглядами и недовольствами.

Это представление о девичестве не само по себе засело в умах сластолюбивых мужчин, сочиняющих образ невозможных женщин. Скорее, оно исходило от авторитетных философов того времени. Девичество рассматривалось как «идеальный возраст» для женщины, не только потому, что она уже была достаточно умна и женственна, но и потому, что сочетание гуморов в ней в этот период походило на сочетание гуморов в мужском теле. Согласно гуморальной теории, в детстве человек горячее и суше, чем в более старшем возрасте. Зрелому возрасту, как и самой смерти, приписывалась влажность. По этой логике, девочки по своим гуморам считались более близкими к мужчинам, чем женщины старшего возраста, ведь девочки еще не успели стать гуморально холодными и влажными. В итоге свойственные детству жар и сухость помогали девочкам легко сжигать излишние гуморы. А менархе служило знаком, что девочка становится холодной и влажной, а теплота и сухость покидают ее, ввиду чего ее тело вынуждено исторгать из себя избыточную кровь, вместо того чтобы, как в детстве, сжигать ее. Девушкам потом и приписывали совершенство, что они уже в достаточной мере обрели женственность, чтобы отличаться от мужчин,

но при этом не успели стать холодными и влажными в полной мере⁹⁰.

Идея девичества как оптимального возраста для женщины находила отражение и в богословских трудах. Вот пример: когда мертвые перед концом света восстанут из могил, чтобы предстать перед Страшным судом, они воплотятся в свои тела, какими те были именно в идеальном возрасте. Данное представление проистекает из Послания к Ефесянам, 4:13: «до тех пор, пока мы все не достигнем единства в вере и в познании Сына Божьего, пока не достигнем духовной зрелости и пока не будем подобны Христу, в Котором полнота совершенства». Этот идеальный возраст, по богословской мысли, должен соответствовать возрасту Христа на момент смерти, то есть приближаться к тридцати трем годам⁹¹. Но то для мужчин, а для женщин идеальным считался возраст девичества. Это убеждение подчеркивается и в сюжете эпической поэмы «Жемчужина»*: отец, потерявший двухлетнюю дочь, видит сон, в котором воссоединяется с нею. Однако в своем сне он видит дочь не малышкой, а прекрасной девушкой, наделенной всеми атрибутами совершенства, от золотых волос до серых глаз и лица, в котором слиты белизна и розовый румянец. И поскольку она в силу своей невинности попала на небеса, ей дано наслаждаться прекрасными обликом и телом, которых она не получила в земной жизни⁹². И снова мы видим, что идеальное, чисто умозрительное представление об облике девушки дается автором поэмы без каких-либо привязок к реальным чертам оплакиваемой двухлетней малышки. Она в смерти обрела совершенство, и для передачи этого факта существовал лишь один вариант литературного описания.

---

* «Жемчужина» входит в аллитерационную поэму неизвестного автора XIV века «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», рыцарский роман о приключениях сэра Гавейна, третьего по доблести рыцаря Круглого стола. *Прим. пер.*

В то же время невинность, требовавшаяся от девицы, была связана с религиозными воззрениями на секс в целом. Как мы подробнее разберем в главе 3, идеальными считались женщины, избегавшие соблазнов и хранившие безгрешную чистоту. Заниматься сексом означало капитулировать перед развращенностью брэнного мира. Девственность, напротив, служила доказательством моральной чистоты и духовной способности сосредоточить помыслы на следующей (после земной) жизни.

Девушка-жемчужина из поэмы попала на небеса благодаря своей девственности и по этой же причине обрела возможность наслаждаться своим незапятнанным грехами прекрасным телом — и уже не детским, а девическим. Очевидно, что никто и не ожидал, чтобы у двухлетней малышки был сексуальный опыт, но автор «Жемчужины» хотел показать нам, что единственное благо от потери совсем маленькой дочери в том

Иисус Христос встречается Святых дев у Райских врат

Миниатюра Симона Мармиона. 1467–1470 гг.

и состоит, что ее не успела коснуться скверна реального мира и потому после смерти она смогла попасть напрямик в Рай.

И все же одно дело — рассуждать об идеале, что проще простого, и совсем другое — соответствовать ему в жизни, и потому средневековые девушки жили со всем этим грузом ожиданий на своих плечах. Мало того что от них требовалось воплощать в себе все наилучшее и положительное, что только есть в женщинах, так еще и пора девичества быстро и неумолимо истекала. Как только они становились женами и матерями, оправдав возлагавшиеся на девичество ожидания, или, что намного хуже, *приобщались к сексу*, но вне замужества, они безвозвратно теряли статус, который в первую очередь и делал их привлекательными. Даже если женщина избежит каждой из этих участв и сохранит свою невинность, ничего хорошего из этого все равно не выйдет. Суровый ход времени позаботился бы о том, чтобы ее телом постепенно овладевали холодные и влажные гуморы, составлявшие саму суть ее женской природы, неуклонно подталкивая ее к дряхлости и в конечном итоге к смерти. Тем не менее с эсхатологической точки зрения все обстояло не так печально: при конце света всякая целомудренная женщина будет вознаграждена обретением своего тела, каким оно было в его идеальную пору, и будет вечно смотреть на окружающих ее идеальных мужчин, которым на вид около тридцати лет.

Несмотря на идеализацию невинных девушек, женщина могла рассчитывать на звание красавицы, даже миновав девическую пору. Елена Троянская, архетип женской красоты, состояла в браке с Менелаем, следовательно, девицей уже не была. Королева Гвиневра, а также Алисон и Мая (прекрасные юные жены из «Рассказа мельника» и «Рассказа купца» Чосера) тоже состояли в браке, иными словами, явно уже *не были* девушками. И главное, их драмы как раз и разворачивались на почве их семейного статуса. Все перечисленные

дамы были замужними и при этом вызывающе, умопомрачительно и даже опасно прекрасными.

Замужнее положение несколько не умаляло красоты этих женщин, причем практически у всех мужья были заметно старше. Елену, как известно, не спрашивали, когда посулили в жены Парису после всей этой истории с золотым яблоком, однако в некоторых источниках говорится, что позже она действительно влюбилась в пригожего юношу. Сам факт, что Парис был не воином, а любовником, противопоставлял его оскорбленному Менелаю, который был искусен в сражениях, но не очень-то умел внушить любовь своей супруге. В свою очередь, королева Гвиневра, согласно большинству сказаний, была моложе своего супруга короля Артура, и тот, конечно же, не шел ни в какое сравнение с молодым и красивым галантным Ланселотом. Что до Алисон и Май, то обе обладали броской красотой и у обоих мужья также были намного старше их.

Женская персонификация старости

Миниатюра из «Романа о Розе»

Как ни превозносили красоту всех этих женщин, сам их замужний статус метил их как *не* идеальных. И то правда, они были ближе к *femmes fatales*, роковым женщинам, чья

красота навлекала беды и несла разрушение. На минуточку: любовь Елены к Парису привела к войне; заигрывания Гвиневры с Ланселотом — к падению Камелота; а Алисон и Мая, хотя из-за их проделок никакое королевство не рухнуло, коварно и безжалостно унизили своих пожилых мужей, любви в них не чаявших. В общем, примеры этих красоток подчеркивали тот факт, что в браке прекрасная собой женщина определенно и непременно становится *опасной*. Она сохраняет свою обольстительность, но поскольку уже связана брачными узами, любые попытки другого мужчины завести с ней роман, как и ее собственные попытки соблазнить другого мужчину, непременно приведут к последствиям. Девушки не создавали каких-либо непосредственных препятствий своим ухажерам. Мужчина по крайней мере мог попросить у отца своей возлюбленной ее руки, даже если тот ответит отказом. В этом смысле замужние красавицы в принципе не могли быть идеальными, поскольку уже принадлежали конкретному мужчине.

Искусство

Живописное искусство облекало в зримые формы те самые тропы, которые поэты с такой старательностью создавали в своих литературных портретах. Идеальная женская красота с похвальной регулярностью появлялась в средневековой живописи, причем нагляднее всего в изображениях одной конкретной женщины — Евы.

Ева была удобна в качестве прародительницы всех красавиц отчасти в силу ее ключевой роли в христианском учении. Многие дошедшие до наших дней произведения отличаются изысканностью и завершенностью, и это указывает на то, что они предназначались богатым, причем многие из них принадлежали к Церкви. Вас вряд ли удивит, что, если Церковь заказывала произведения искусства, то подразумевалось, что

они будут на религиозные сюжеты. В результате дошедшие до наших дней изображения красавиц — это в основном героини библейских историй, а также особо почитаемые мученицы поздней Античности или Средневековья.

По правде говоря, любая из представленных в церковном искусстве женщин по определению должна была быть красавицей, поскольку Средневековье ставило знак равенства между красотой и добродетелью. Христианские, иудейские и мусульманские мыслители сходились во мнении, что всякое живое существо заключает в себе потенциал красоты и во всей полноте раскрывает его, когда достигает гармонии с природой. А поскольку природу наделяли божественным началом, считалось, что те, кто обладал наибольшей святостью и в силу этого близостью к Богу, находятся в гармонии с природой. Таким образом, они непременно были прекрасны. В итоге изображения Евы до грехопадения были портретами прекраснейшей женщины, какую только можно было вообразить.

С точки зрения популярности в искусстве Ева далеко превосходит других прекрасных благочестивых женщин еще по одной причине: приличия позволяли изображать ее нагой. Хотя средневековые европейцы часто пренебрегали религиозными запретами, если видели в том удобство для себя, нарушение установленных церковью правил, по всей вероятности, не простиралось так далеко, чтобы затронуть создание произведений искусства для религиозной аудитории. Будь вы юным полным надежд художником, желающим попробовать себя в изображении обнаженной натуры, для вас был бы только один путь — в сады Эдема. Таким образом, как идеал женской красоты Ева заняла в изобразительном искусстве то же место, какое Елена Троянская занимала в литературе. Ева была прекраснейшей, эталоном, которым измерялась красота всех прочих женщин. И притом она была нагой.

Ева

Картина Джулиано Буджардини. Ок. 1520 г.

Живописные произведения снова и снова изображали Еву, словно списанную с литературного портрета Елены. Еву можно было увидеть подле спящего супруга, или погруженной в беседу со Змеем-искусителем, или с позором изгоняемой из Рая, везде она изображалась несомненной красавицей. Ева взирает на нас с мозаичных полов V века златокудрая, с маленькими высокими грудями. В Библии IX века изображение ее округлого чрева предпослано Книге Бытия. Ее нежная кожа сияет белизной со страниц часословов и сводов кафедральных соборов, везде, где верующие нуждаются в напоминании, что если бы не тот факт, что женщины оказались недостойны доверия, то любой из них все еще мог бы быть прекрасным и нагим, как это было в Раю.

Что важно для наших рассуждений, женщины могли бы быть прекрасными и обнаженными только в одном каноническом облике. Хотя на протяжении Средневековья происходила смена художественных стилей, само изображение образа Евы претерпело мало изменений. Она предстает перед нами вечно златовласой, с неизменными бровями-полумесяцами, высоким лбом, белой кожей, розовыми щеками, алыми губами, белыми зубами, длинной шеей, маленькими грудями,

округлым животом и полными бедрами. С течением времени эти черты становились более выраженными, и к XV веку кожа Евы приобретает не просто метафорическую, а буквальную белоснежность. Она сияет белизной нетронутых снегов, о сравнении с которыми мечтали все средневековые дамы. Ни одна женщина не могла быть настолько прекрасной, ни физически, ни нравственно.

Те же самые тропы определяли изображения внешности других красавиц. Великолепна была Дева Мария, единственная из женщин, сумевшая избежать проклятия за грех Евы: белокожая, златовласая, иконически прекрасная.

Ева

Картина Лукаса Кранаха Старшего.

До 1542 г.

В религиозном искусстве, начиная с церковных фресок и заканчивая страницами Библий, изображались также святые девственницы, которые часто удостоивались всеобщего почитания за благочестивую готовность во имя своей веры отвергать поклонников. Кого-то из них уместно было изображать обнаженными, например раннехристианскую мученицу святую Агату, которая чудесным образом вновь вырастила себе груди после того, как их отсекли ее мучители римские язычники. Это позволяло живописцам изображать ее в образе привязанной к столбу прекрасной молодой женщины с обнаженными грудями и иногда с наложенными на них орудиями пыток. Если нагота была уместна, ее с удовольствием изображали.

Святая Агата

Миниатюра Сано ди Пьетро. До 1473 г.

На некоторых картинах, например на тех, что составляють Гентский алтарь, толпы прекрасных мучениц под конец мира стекаются для поклонения мистическому агнцу. Их лики почти одинаковы, и отличить одну от другой позволяют разве что символические иконографические атрибуты.

Так, св. Варвару мы узнаем по небольшой башне в ее руках, а св. Агнессу — по ягненку. Остальные белокожие и светловолосые прекрасные девы идут вперед, неся пальмовые ветви, символы своего мученичества, в то время как Ева взирает на них с панели в верхнем ряду. Красота мучениц не только равноценна, но и с художественной точки зрения неоспорима.

Эти образы служили объектами религиозного культа и почитания; верующие молились на них, устремляли к ним помыслы; глядя на них, вспоминали, чего лишился род людской после грехопадения. Притом что святых мучениц *полагалось* изображать прекрасными по религиозным соображениям — чтобы красота подтверждала их святость, — верующим они представлялись еще и сексуально привлекательными.

Об этом мы знаем со слов враждебно настроенных к ним очевидцев, а именно от протестантов. В период раннего Нового времени, когда часть христиан порвали с Католической церковью, они среди великого множества претензий указывали на образы святых и мучеников в стенах церквей. В 1520 году один протестант из Страсбурга жаловался: «Когда я смотрел на изображения женщин-святых в алтарях, меня часто посещали низменные мысли. Ибо ни одна куртизанка не осмелилась бы облачиться или украсить роскошнее и бесстыднее, чем они в наши дни обряжают Богоматерь, святую Варвару, Екатерину и других святых»⁹³.

Тот факт, что фигуры святых в церкви до такой степени распалили в этом безымянном мужчине греховные мысли, не только свидетельствует о присущем человеку эротическом воображении, но и вызывает улыбку и о многом говорит. Как мы уже убедились, средневековый образ красавицы выковывался с великим усердием и до тошноты неотступно повторялся из века в век, ввиду чего нам было бы затруднительно выяснить, насколько он приходился по вкусу средне-статистическому человеку времен Средневековья. Неужели

Святая Екатерина и святая Варвара

Мастер Святой Крови. 1520 г.

большинство людей того времени считали красавицами женщин с маленькими грудями, полными бедрами и выпирающим животом? Или этот образ всего лишь представлял собой причудливое измышление литературного и изобразительного искусства? Прочитанная выше религиозная жалоба безвестного протестанта не только доказывает, что отдельные мужчины разделяли художественный идеал красоты, но и подтверждает, что этот идеал рождал в них сексуальное возбуждение.

Будем, однако, честными и вспомним, что вышеприведенная реминисценция исходила из враждебного лагеря. Тот господин пытался высказать свой взгляд на Католическую церковь и пороки, к которым она толкает своими излишествами. Заветной мечтой протестантов было побелить стены церквей и повыкидывать вон все статуи. Само по себе признание, что изображения и статуи святых без конца отвлекают во время

мессы и даже вводят в греховные мысли, послужило бы убедительным аргументом в пользу всеобщей побелки церковных стен. Однако заяви он о чувственности церковных фресок в обществе, которое с ним не согласно, его бы тут же застыдили за такое открытое признание в странном фетишизме. Так что давайте поверим ему на слово и допустим, что церковное искусство действительно наводило на сексуальные мысли.

Слишком чувственные образы можно было найти не только в религиозном искусстве. Искусство более позднего Средневековья, которое хорошо сохранилось, дает нам примеры столь же сексуальных дам в светских контекстах. Интересно, что образы знойных красоток иногда приспособляли в качестве иллюстраций более давних источников. Так, датированные XV веком издания «Романа о Розе», сохранявшего популярность и спустя 200 лет после своего создания, нередко были наполнены изображениями прелестных обнаженных дам, сопровождающих классические сюжеты романа. Так, Пигмалион показан рядышком со своей ожившей

Пигмалион и Галатей

Миниатюра из «Романа о Розе»

обнаженной статуей, а древнегреческий живописец Зевксис (творивший в V веке до н. э.) изображался за мольбертом и в окружении стайки обнаженных натурщиц. Помимо романов художественные вольности иногда позволялись и в часословах, например зодиакальный знак Водолей изображался в образе собирающей воду обнаженной женщины, хотя по логике этот знак должен олицетворять мужчина. В некоторых изданиях «Книги о Граде женском» Кристины Пизанской тоже появлялось немало иллюстраций с нагими женщинами классической красоты. Например, когда изображали момент знакомства Кристины с Музами, их рисовали купающимися — прекрасная возможность изобразить нескольких женщин полностью обнаженными.

Зевксис за работой

Миниатюра из «Романа о Розе»

Мало того, с какого-то времени почти везде женщин, которых желали выставить язычницами или носительницами сомнительных моральных качеств, вдруг тоже стали изображать в образе красавиц, хотя было ясно, что они уж точно

лишены Божьей благодати. В датируемом XV веком экземпляре книги Блаженного Августина «О граде Божьем» миниатюрист показал глупость и излишества языческих обществ через изображение обнаженных мужчин и женщин, иступленно отплясывающих вокруг читающего заклинания мага. Вот и на картине XV века неизвестного рейнского живописца прекрасная ведьма, произносящая любовные заклинания, изображена нагой, если не считать дивной красоты туфель с длинными мысками в форме кинжалов.

Во всех этих случаях живописцам открывались новые возможности для изображения прекрасных (и главное — обнаженных) женщин. Так, красавицы часто встречались на иллюстрациях к роскошным изданиям эпической любовной лирики. Богач, пожелавший издать свою книгу, вполне мог нанять кого-то для создания красивых и сексуальных образов героинь, описанных словом. Что еще важнее, частное искусство открывало больше простора для *эротичности*, но при этом не привлекало ненужного внимания к создававшему его мастеру. Одно дело — страшиться наказания за изображение привлекательной святой женщины в церкви. И совсем другое — писать без надзора бдительного ока священника, ведь в этом случае гораздо больше свободы творчества. Даже когда изображения обнаженных женщин появлялись в религиозных текстах, например в «Книге о граде Божьем», они были позволительны, поскольку преследовали исключительно назидательные цели. Живописец исходил из того, что резвящиеся на воле нагие женщины выглядели глупо, что и делало их изображение приемлемым.

Притом что светское эротическое искусство Средневековья в большей сохранности дошло до наших дней и позволяет нам составить некоторое представление о том, как оно изображало красавиц, их образы мало отличаются от тех, что содержались в предшествующих им произведениях религиозного

характера. Везде мы видим один и тот же стандарт женской красоты. Неважно, ведьма это, муза, язычница или безымянная натурщица, все они наделены положенными атрибутами красоты, от отливающих золотом волос до изящных ступней. Неважно, кто изображаемая красавица, и даже то, каковы реальные обстоятельства ее жизни, — в ее облике все равно присутствуют бледность лица, светлые волосы, несколько грушевидный (из-за выступающего живота) стан и застенчивая улыбка. Меняются лишь имена изображенных красавиц. А их женская красота остается все такой же.

Ухищрения ради красоты

Притом что каноническая красота для большинства женщин была недостижимой, у них все-таки были способы кое-что подправить в своей внешности. Прежде всего они по крайней мере могли содержать себя в чистоте. Этот факт мог бы удивить нас, так как существует миф о том, что в Средневековье у людей не было привычки мыться.

На самом деле они всей душой соглашались с пословицей «чистота превыше благочестия». Гигиена, как физическая красота, почиталась за отражение духовной чистоты. Если тело нечисто, значит, оно уже по определению непривлекательно и лишено гармонии, считали в Средние века. И если у тела были какие-либо несовершенства, лучшим выходом считалось ухаживать за ним посредством мытья⁹⁴.

Среднестатистическая средневековая женщина считала чистоту одной из самых высоких добродетелей, правда, средства для ее поддержания отличались у женщин разных сословий. Вероятно, самую настоящую нужду в омовениях испытывали женщины из низших слоев общества, учитывая тяжелые физические условия их повседневного труда. По самому вероятному сценарию, простолюдинки мылись ежедневно, для чего набирали воду в кувшин, подогревали,

а затем выливали в большую лохань, которую и использовали для омовений.

Такое ежедневное мытье могло дополняться полноценным купанием в деревянной кадке. Но это случалось реже, учитывая, что средневековом мире не было водопровода. Вода тяжелая, и натаскать ее, нагреть, а потом перелить из котла в таком количестве, чтобы заполнить глубокую кадку, было непросто. Мало того, у деревянной кадки не было тепловой изоляции, и она теряла тепло куда быстрее, чем современные ванны, и потому приходилось держать ее близко к очагу, чтобы вода не остывала. И потом, чтобы хорошенько искупаться, нужно было не только натаскать много ведер воды, требовалось еще и место, где расположиться, а в большинстве жилищ того времени свободное место было в большом дефиците.

Купание

Миниатюра из «Манесского кодекса». Ок. 1300 г.

К счастью, существовало несколько способов искупаться вне дома. В теплое время года это можно было сделать в ближайшей водоеме. Нужно только найти пруд или озеро — и можно купаться. Однако в январе такой способ был проблематичен, тогда на помощь приходили бани. В них не ленились выполнять трудоемкую и сложную работу по заготовке и нагреву воды, так как посетители оплачивали все усилия. Почти каждый город мог похвастаться по крайней мере одной устроенной по всем правилам баней, а крупные города — даже несколькими конкурирующими заведениями. В Париже у держателей бань была своя гильдия (о ней мы поговорим позже), которая установила обязательные для всех ее членов правила. Подобно современным спа-салонам, парижские бани предлагали клиенту более дешевую «парильню [за] два денье; а буде он желал выкупаться, [то] должен заплатить четыре денье»⁹⁵. В желании выделиться на фоне многочисленных конкурирующих заведений парижские бани нанимали зазывал, чтобы привлекать женщин, желающих покрасоваться своими прелестями⁹⁶.

Знатные и богатые женщины имели огромное преимущество перед простолюдинками, поскольку они могли позволить себе поручить другим людям тяжелую работу по приготовлению ванны. Натаскать и нагреть воду для купания отряжали прислугу, а в роскошных домах нередко отводили отдельное помещение под купальню, что снимало необходимость посещения общественных бань. Впрочем, богатая знать иногда совершала поездки в знаменитые банные заведения. Особенной славой пользовались бани в городке Поццуоли близ Неаполя — место столь известное, что восхвалениям его достоинств посвящались целые поэмы.

Акцент христианского мира на телесной чистоте переключался с традициями мусульманских сообществ на Сицилии и на Иберийском полуострове, а также иудейских сообществ,

**Купание Вирсавии — популярный
мифологический сюжет в живописи**

Картина Ханса Мемлинга, ок. 1425 г.

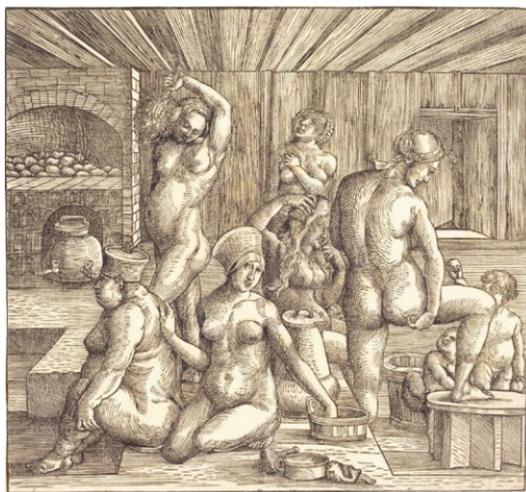
рассыпанных по всей средневековой Европе. Иудеям купание предписывалось как неотъемлемая часть религиозного обряда и считалось обязательным накануне шаббата. Женщины могли искупаться в общественной бане, непременно с паром и горячей водой, или в холодных водах *миквы*, которая предназначалась для ритуального очищения. Религиозное предписание *миквы*, как не совсем приятное омовение холодной водой, подразумевало, что подобные купальни обычно использовались только иудейками и располагались рядом с синагогами⁹⁷. Что касается мусульманок, то об их интересе

к *хаммам* свидетельствуют как множество сохранившихся до наших дней турецких бань, так и ряд полемических трактатов, в которых мужчины-мусульмане интересовались, чем именно занимаются женщины в клубах влажного пара вдали от любопытных мужских взглядов⁹⁸.

Такой интерес к чистоте также привел к развитию средств гигиены и, в частности, к великому средневековому изобретению — мылу. У нас нет достоверных сведений о том, с какого времени мыло начали изготавливать в домашних условиях, однако большинство людей Средневековья его определенно варили. Самое раннее дошедшее до наших времен описание мыла как средства гигиены в Европе датируется IV веком — его дает практиковавший в Константинополе врач Феодор Присциан, упоминая некое французское изделие, которое применялось для мытья тела и особенно головы⁹⁹. В италийских странах было организовано профессиональное производство мыла в достаточно больших количествах, так что объединения мыловаров оформились уже по крайней мере к VII веку. В VIII веке мыло также стало производиться во Франции и Испании. В IX веке упоминания о мыловарах появляются в документах, относящихся ко времени правления династии Каролингов, а в X веке мыло уже распространилось повсеместно и им пользовались даже на самых дальних окраинах христианского мира, включая и такой медвежий угол, как Англия. В XII веке налаживается экспорт «твердого» мыла с Ближнего Востока в Европу. Определение «твердое» указывало на то, что в изготовлении мыла применялась более качественная зола, это позволяло получить более светлые куски мыла по сравнению с темным «мягким» мылом, на которое шли древесная зола и щелочи, что было обычной практикой в раннем Средневековье. Более изысканное привозное мыло побудило европейцев тоже повысить качество своей продукции, и вскоре Марсель и Кастилия становятся

крупными центрами производства мыла, каковыми остаются и по сей день. Итальянские города-государства Генуя, Венеция и Бари тоже приобщились к искусству мыловарения, поскольку там в широкой доступности было оливковое масло и особое растение (*barilla*), из которого получалась отличная содовая щелочь.

К несчастью для простолюдинок, и особенно живущих вдали от Средиземноморья, качественное мыло оставалось роскошью, которой иным из них не суждено было познать до конца их дней. Чтобы восполнить этот пробел, женщины делали очищающие средства сами, и даже нескольких видов. Рецепты изготовления мыла были распространены, и их помещали в так называемых книгах секретов — руководствах для женщин по приготовлению различных косметических, а также медицинских средств. Хотя большинство женщин просто находили хороший рецепт мыла и постоянно использовали его, существовали и специализированные средства гигиены.

Женская баня

Гравюра Альбрехта Дюрера

Хильдегарда Бингенская, например, придумала свой рецепт ячменной воды для умывания лица, которую рекомендовала для «кожи, огрубевшей от ветра». Она уверяла заинтересованных дам, что после такого умывания «кожа приобретает мягкость, гладкость и прелестный цвет»¹⁰⁰. Предприимчивым дамам также рекомендовали добавлять в ванну травы и даже составлять специальные сборы, которые мы позже назовем дезодорирующими, из иссопа и лаврового листа. По всей видимости, подобного рода маленькие роскошества широко применялись, учитывая, что ароматизированная травами вода, как и самодельное мыло, не были дефицитом для сельских жителей.

Притом что всякому человеку были доступны средства гигиены, дамам из богатых сословий *чистоплотность* в повседневной жизни давалась легче. В самом деле, это ведь крестьянки изо дня в день физически трудились в полях. Они ухаживали за коровами, козами и другими животными. Они вязали в тюки сено и пропалывали всходы. Конечно, они потели и пачкались. Им бы смыть с себя всю эту грязь сразу по возвращении с поля или фермы, но дома их ждала не менее грязная и тяжелая работа. Таким образом, женщины из купеческих и аристократических семейств всегда находились в более выгодном положении. Согласимся, что вести учетные книги семейной компании тоже было занятием не из легких и требовало большого напряжения ума, однако не вынуждало столько возиться в грязи, сколько приходилось крестьянкам. Когда женщины, занятые физическим трудом, стремились к идеалу чистоты, они пытались подражать женщинам более высокого сословия, которые вели сидячий образ жизни.

Следовавшие после купания косметические процедуры уже более четко разделялись по классовому признаку. Руководство по медицине и красоте «Тротула» настоятельно рекомендовало

дамам после купания «носить в волосах мускус, гвоздику или и то и другое, но позаботиться, чтобы этого никто не видел»¹⁰¹. Однако следом читательниц предостерегали, что роскошь надушенных волос позволена одним только «благородным дамам»¹⁰². Несмотря на предупреждение не пытаться подражать тем, кто стоит выше их, некоторые женщины, во всяком случае из верхов торгового сословия, не видели ничего плохого в том, чтобы позволить себе слегка надушиться.

Миниатюра из Часослова Карла V

После купания средневековые женщины могли более тщательно очистить уши, используя для этого миниатюрные ушные лопаточки, формой напоминающие ложечки, которыми сейчас делают шарики из мороженого. Такие лопаточки — в отличие от наших одноразовых ватных палочек — использовались многократно. Их нередко находят при археологических раскопках по всей Европе, и это свидетельствует о том, что в своих заботах о чистоте тела средневековые женщины не пренебрегали ни одним, даже самым крохотным его закоулочком. Такого рода гигиенические принадлежности, скорее

всего, были почти у каждой женщины Средневековья. Крестьянки, видимо, использовали деревянные лопаточки для чистки ушей, тогда как у богатых и знатных дам в ходу были костяные или даже серебряные лопаточки.

Во всяком случае даже женщины очень скромного достатка могли добиться соответствия хотя бы одному критерию идеальной красоты, и они определенно уделяли этому особое внимание. Пусть не в их силах было поменять свой цвет глаз на серый, а волос — на белокурый или обратить вспять процесс старения. Зато они могли хорошенько отмывать лицо и руки, и даже работающие женщины были вправе баловать себя еженедельным купанием, зная, что их старания будут по достоинству оценены.

Преграды на пути к красоте

В идеале женщине надлежало быть прекрасной, но при этом абсолютно своей красотой не интересоваться. Такое равнодушие к собственной внешности юным девицам старались прививать намеренно. В 1371–1372 годах Жоффруа, четвертый кавалер де Ла Тур Ландри, взял на себя обязанность написать наставление для своих дочерей и, недолго думая, так его и назвал: «Книга рыцаря де Ла Тур Ландри для воспитания дочерей его» (*Le Livre du Chevalier de La Tour Landry pour l'enseignement de ses filles*)¹⁰³. На страницах наставления он без конца предостерегает своих дочек от греха тщеславия во всех его формах. По убеждению Жоффруа, учтивость и хорошие манеры гораздо важнее физической красоты, и всякой истинно благородной даме пристало куда больше забот уделять этим соображениям, нежели собственной внешности.

Это противоречие красной нитью проходит через весь период Средневековья: женщинам велели быть красавицами, но при этом решительно запрещали даже пальцем пошевелить, чтобы подчеркнуть свою красоту. И в Библии,

и в проповедях, и в наставлениях вроде того, что составил вышеупомянутый кавалер, женщинам без конца внушали, чтобы они не смели прибегать ни к каким ухищрениям, способным приукрасить их внешность и приблизить их к строгим критериям красоты, которые насаждались в литературе и изобразительном искусстве, но не были даны женщинам *от природы*. В особенности сурово женщин предостерегали от косметических притираний и депиляции, которые позволили бы им приобрести дугообразные брови и розовый румянец, поскольку всем этим женщине полагается обладать чуть ли не с рождения.

Люди Средневековья видели в своем воображении косметические процедуры как нечто подозрительное, что объяснялось причинами, почерпнутыми из Библии. Прежде всего они были *неестественными*, а естественность считалась главным признаком всякой истинной красоты. Если женщина применяла косметические средства, ее подозревали в попытке приукрасить сотворенное самим Богом. А это, в свою очередь,

Вавилонская блудница, изображенная в виде женщины с зеркалом, которое символизирует тщеславие

Миниатюра из «Апокалипсиса», ок. 1255–1260 гг.

**Сирена с зеркалом и кентавр, символизирующие
грехи тщеславия и лицемерия**

Миниатюра из Бестиария XIII в.

рождало подозрение, уж не занимается ли она черной магией, когда наводит не естественную для себя красоту? Оба подозрения соединялись в библейской притче про Иезавель, и эту притчу частенько напоминали женщинам в предостережение, чтобы они не вздумали попробовать новый рецепт притираний.

Иезавель, жена израильского царя Ахава, и правда была преотвратительной особой. Помимо того что она была чужестранкой (а это, как мы должны понимать, автоматически делало ее плохой), Иезавель спровоцировала убийство. Случилось так, что Ахав позарился на цветущий виноградник, который располагался рядом с его дворцом и принадлежал некоему Навуфею. Но Навуфей отказался отдать или продать царю виноградник, и тогда Иезавель посредством козней подвела Навуфея под ложное обвинение в богохульстве. Он был казнен, а его земля перешла во владение Иезавели и ее супруга (Первая

Книга Царей* 21:1–14). Впоследствии справедливость восторжествовала, и сама Иезавель была осуждена за то, что «нарумянила лице свое и украсила голову свою, и глядела в окно». Потом она была выброшена из этого окна, и ее кровь брызнула во все стороны. А тело ее съели собаки (Вторая Книга Царей** 9:30).

Многие из нас сказали бы, что Иезавель ужасна тем, что она убийца, однако средневековые экзегеты (толкователи Библии) держались другого мнения. Их больше возмущали подведенные глаза злодейки и ее прическа. Не потому ли Иезавель снова появляется в Новом Завете, точнее в Апокалипсисе 2:20–23. Том самом, который, скорее всего, известен вам под менее пафосным названием «Книга Откровения», его автор Иоанн Богослов (ок. 6–100 н. э.) страшно ярится на Иезавель. Как написано у Иоанна, Господь говорит, обращаясь к каждому служителю церкви: «ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложертвенное. Я дал ей время покаяться в любодейнии ее, но она не покалась. Вот, Я повергаю ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих. И детей ее поражу смертью...». Экзегеты настаивали на прямой связи между «любодейнием», «любодействующими» и подведенными глазами Иезавели, поскольку понимали, что само по себе убийство, безусловно, меньше впечатлит рядового мирянина. Чешский проповедник XIV века Ян Милич из Кромержижа (ум. 1374), например, объявлял, что перед концом света Иезавель восстанет из мертвых и поведет «всех, кто раскрашивал себе лицо», на Страшный суд, а потом в Ад¹⁰⁴. Таким образом, то, что Иезавель использовала подводку для глаз, таило в себе

---

* Именуемая «Первой Книгой Царей» в иудаизме, католицизме и протестантизме, в православии она называется Третьей Книгой Царств. *Прим. пер.*

** В православной традиции именуется Четвертой Книгой Царств. *Прим. пер.*

нечто более предосудительное, чем всего лишь тщеславное желание блеснуть красотой. Это преподносилось как поступок с откровенно сексуальным подтекстом, который мог быть связан с массовым, не чуждым магии соращением и играл четко определенную роль в Апокалипсисе. Проще говоря, это было плохо.

Иезавель и Ахав

Гравюра Лукаса ван Лейдена. Ок. 1925 г.

Между тем опасения иудейских и христианских общин из-за женщин, которые в целях соблазнения мужчин прибегали к косметическим средствам и тем приближали конец света, находили подтверждение и в Книге Бытия. В комментариях к ней ряд библиистов предостерегали против дочерей Божьих,

которые применяли косметику, дабы изменить свой облик и совратить ангелов, «сынов Божьих». Эти женщины откровенно пытались улучшить сотворенное Богом, чем посягали встать вровень с Ним. Невзирая на опасения христианских мистиков, этим женщинам так и не удалось вызвать Апокалипсис. Зато на них возложили вину за Великий потоп — их порочная натура принадлежала к числу несовершенств, которые Бог, как утверждалось, желал смыть с лица земли. Пусть в данном случае косметика не смогла до основания разрушить мир, но была близка к этому. И потому женщинам лучше всего не использовать косметических средств, чтобы не придавать себе черт пагубной обольстительности¹⁰⁵.

На случай, если вдруг истории Иезавели и ужасов Великого потопа будет недостаточно, чтобы отвести женщин от косметики, средневековые авторы решили подчеркнуть, как связано ее использование с дьявольскими происками. Здесь снова на сцену выходит кавалер де Ла Тур Ландри, на сей раз он предлагает дочкам историю о прекрасной принцессе, чья красота принесла ей славу, воздыхателей и богатства. Но вместо того, чтобы оставаться чистойшей эманацией воли Божьей, принцесса старалась улучшить и без того прелестный облик косметикой. С годами ее красота начала меркнуть, и чем дальше, тем больше притираний употребляла принцесса, чтобы сохранять прекрасные черты, но ее лицо все равно начало увядать. В этом месте кавалер уверяет дочерей, что «Слышал я от многих, что, когда она умерла, лицо ее так страшно изменилось, что никто не мог взять в толк, что оно такое или какая порча поразила его; ибо оно ничем не походило на лицо той женщины, равно как и никто не узнавал в этом лицо человека, столь отвратительным оно было и столь жутко было взирать на него. И я склоняю свой ум к тому, что причиной этому явлению послужили не иначе как многие слои притираний, коими она обременяла свои черты»¹⁰⁶.

Кокетка и демон тщеславия

Гравюра Дюрера к немецкому переводу книги де Ла Тура Ландри

Некоторые богословы считали уместным рассуждать о *настоящих* жертвах косметики: о мужчинах. Так, в XII веке по меньшей мере двое теологов, француз Петр Кантор (ум. 1197) и, предположительно, его ученик, англичанин Фома Чобхэмский (ок. 1160–1236), решали трудный вопрос о том, как поступать мужчинам, если они добросовестно воспользовались услугами жрицы продажной любви, а потом вдруг выясняли, что она была накрашена. Оба просвещенных ума пришли к согласию, что в этом случае клиент, нанявший для любовных утех подобную женщину, в сущности был обманут. Любая женщина, избалованная в использовании косметики для завлечения клиентов, торговала поддельным товаром и была обязана вернуть уплаченные ей за секс деньги¹⁰⁷.

В мусульманском мире соблазнительная сила косметики вызывала похожие опасения, и в особенности это касалось духов. Законоведы взялись разрешить вопрос, какими веществами женщинам дозволительно умащать себя, и пришли к заключению, что им не возбраняется с помощью красок

прихорашивать лица, однако эти вещества не должны быть сильно парфюмированными. Легкие духи, аромат которых мог почувствовать только тот, кто находится в непосредственной близости от женщины (то есть ее муж), считались приемлемыми. А что объявлялось неприемлемым, так это парфюм, оставляющий шлейф и потому рождающий соблазн. Если женщина пренебрегала указанными правилами, ей грозили серьезные последствия, поскольку по закону «надушенная женщина, проходящая мимо группы мужчин, чтобы привлечь их внимание к своему аромату, повинна в прелюбодеянии»¹⁰⁸.

На женщин, которые все же поддались соблазну и прибегнули к косметике, со всех сторон обрушивались порицания. Если женщина решалась улучшить свою внешность сторонними средствами, она сталкивалась с последствиями своего проступка, определяемыми теологическими и правовыми нормами. Причем эти последствия касались не столько женщин, сколько мужчин, которых они могли обмануть и со-вратить благодаря своим уловкам. Более того, накрашенные женщины могли спровоцировать настоящий полновесный

Женский портрет

Неизвестный художник, Богемия, XV в.

Апокалипсис, на худой конец — довольно крупное наводнение. В любом случае всем было ясно, что ради сохранения общественного порядка надлежало сурово грозить женщинам неотвратимыми правовыми последствиями.

Однако как ни пугали средневековых женщин законом, они, надо полагать, всё же проявляли живой интерес к косметике. Руководства по нанесению макияжа и окрашиванию волос дошли до наших дней в огромных количествах. «Тротула» представляла особенную ценность для женщин, заботящихся о красоте и пытающихся подражать идеалу. Таких женщин «Тротула» наставляла осветлять волосы до белокурого оттенка, для чего предлагала не менее семи разных способов, из которых читательница могла выбирать подходящий, в зависимости от доступности ингредиентов¹⁰⁹. Также книга предлагала семь различных способов выбелить лицо, а еще рецепт защиты от солнечного загара. Чтобы добиться необходимой красноты щек, женщина могла воспользоваться румянами, составленными из бразильского дерева, розовой воды и квасцов¹¹⁰. Желаете алых благоухающих губ, как в мужских мечтах? Пожалуйста: смешайте мед с огурцом и розовой водой, поставьте на огонь и кипятите, пока не упарится¹¹¹. Может, мужчины этого и не одобряли, но женщины теми или иными путями стремились соответствовать стандартам женской красоты, которые мужчины сами же для них установили.

В косметических ухищрениях тоже четко просматривается классовый элемент. Наслаждаться естественной белизной кожи могли лишь женщины, которые большую часть времени проводили в помещениях. Крестьянки трудились на открытом воздухе круглый год, в любую погоду и безо всяких средств с SPF. О какой белоснежности лица могла идти речь, если большинство женщин Средневековья всю жизнь доили коров, откармливали домашнюю птицу и собирали урожаи в полях? Именно поэтому попытки осветлить кожу

осуждались не только для того, чтобы противодействовать гипотетическому моральному падению женщин, но и для того, чтобы ставить на место бедных простолюдинок, если они забывались.

Миниатюра из Часослова 1460 г.

Притом что волнения по поводу моральной пагубности косметики кажутся чрезмерно паническими, сильнее всего мужчин тревожило другое ухищрение женщин, менявшее их внешность. Депиляция, о ее моральной опасности яростно писали десятки мужчин. Но их беспокоили не столько женские ноги и подмышки, сколько женские лица. Уж очень желанными представлялись мужскому воображению дугообразно приподнятые брови и чистый высокий женский лоб, и потому мужчин страшила мысль о том, что всего этого можно было добиться с помощью уловок.

Вот и у рыцаря де Ла Тур Ландри, что неудивительно, нашлись истории, призванные рассказать его дочкам об опасностях, которые они рискуют навлечь на себя, если будут выщипывать лишние волоски на своих лицах. Он вспоминает

историю некоего рыцаря, вдовца, горько оплакивавшего свою почившую супругу. Желая пообщаться с ней и убедиться, что ее душа упокоилась с миром, он нанял молиться за ее душу одного отшельника. Честный отшельник столь истово молился об усопшей, что ангел даровал ему видение, показавшее, как протекает ее загробная жизнь, — к его удивлению, несчастную пытали демоны:

Он узрел, как демон вцепился ей в волосы и в косы одним из своих когтей, точно терзающий добычу лев... а потом всадил кинжалы и раскаленные иглы в ее брови и в виски и в ее лоб прямо до самого мозга, и несчастная страждущая пронзительно вскрикивала от боли всякий раз, как в нее вонзалось раскаленное железо... А когда она истрадалась, претерпевая эти мучения, длившиеся весьма изрядное время, к ней явился другой демон, еще омерзительнее прежнего, с огромными торчащими наружу безобразными клыками, и ими он впился ей в лицо и начал глотать и жевать его, а после приволок огромные горячие головешки и жег ее и тыкал ей в лицо так безжалостно и болезненно, что бедный отшельник сам сотрясаясь от страха и омерзения¹¹².

По какой же причине несчастная подвергалась пыткам? Оказывается, она выдергивала волоски во всех местах, куда теперь ее так беспощадно разил кинжалом демон, и ангел определил это наказание как «вполне заслуженное». Неудивительно, что встревоженный кавалер настойчиво предостерегает своих дочерей от безрассудных попыток подделать свою красоту в угоду ожиданиям общества.

Даже люди, безразличные к тем последствиям неосмотрительного выщипывания бровей, которыми устрашала религия, и те считали уместным высмеивать эту женскую уловку. Чосер отдельно упоминает это пристрастие красотки Алисон из «Рассказа мельника»: «Чтоб брови глаз дугою огибали, / Она

выщипывала волоски, / И вот, как ниточки, они узки / И кру-
ты стали [и точно терн черны]»¹¹³. Этим Чосер дает понять,
что Алисон явно простого происхождения, причем из низов,
поскольку если бы она родилась красавицей от природы, ей
не пришлось бы выщипывать брови, а будь она из семейства
более благородного, ее воспитали бы в сознании, что подобное
производить над собой не следует. Современным эквивалентом
этого может быть слишком сильный искусственный загар
или чрезмерно выщипанные брови. Алисон видится скорее
легкомысленной героиней любовной интрижки, чем класси-
ческой красавицей, какой она стремилась стать.

Миниатюра из Часослова герцогини Урбинской

Пристрастие выщипывать волоски вызывало крупное бес-
покойство и у клириков. В руководстве XV века по принятию
исповеди его автор, архиепископ Флоренции Антонин, на-
ставляет священников на исповеди спрашивать у женщин,
«выщипывали ли они когда-либо себе волоски на шее, бровях
или подбородке, ибо это есть смертный грех»¹¹⁴. Католическая
церковь подтверждала вслед за рыцарем де Ла Тур Ландри,

что удаление волос — это порочное действие, которое может обречь на адские муки.

Если святые отцы предостерегали против удаления волос, то медики предполагали, что чрезмерная волосатость женщины может указывать на ее нездоровье. Рост волос представлялся им одним из следствий нечистоты гуморов, вырабатываемых печенью. Организм мужчины справляется с ними за счет обильной волосатости тела, тогда как женский организм, как считалось, должен исторгать их через менструации, из-за чего женское тело менее волосисто, чем мужское. Всякая женщина с неподобающей по меркам того времени растительностью на лице рисковала быть заподозренной в том, что ее лоно ядовито. Как отметил историк Джон Блок Фридман, женщины, послушно следовавшие запрету удалять волоски, навлекали на себя опасность, что их признают «дурной партией для брака по причине вероятного бесплодия и склонности к доминирующему поведению»¹¹⁵.

Так что вопреки протестам священнослужителей женщины всю выщипывали лишние волоски, и это считалось обычным делом, хотя подчас создавало реальную угрозу здоровью. Желающим выше поднять линию волос и добиться бровей желанной дугообразной формы та же «Тротула» предлагала рецепты с такими составляющими, как негашеная известь. Там же приводилась оговорка, что если подобные смеси надолго оставить на лице, то это может вызвать сильное жжение и ожог кожи. На случай, если такое произойдет, женщинам рекомендовалось обрабатывать ранки розовым или фиалковым маслом или соком живучки, она же семпервивум¹¹⁶. Тот факт, что составы для удаления волос причиняли женщинам травмы, подтверждает и средневековый врач Арнольд из Виллановы (1240–1311), рекомендовавший на случай, «если от сильного действия депилятора лицо дамы шелушится, обожжено, раздражилось, огрубело или

покрылось волдырями, ей показаны умывания смесью из крови петуха, меда и камфары»¹⁷. Если косметические средства могли вызывать химические ожоги, то не стоит удивляться, что заботливый кавалер де Ла Тур Ландри предупреждал дочек, что от косметики женское лицо со временем может быть испорчено.

Помимо косметики сшитые по моде времени туалеты тоже давали женщинам шанс придать больше привлекательности своему облику и фигуре. В моде разобраться еще труднее, поскольку по своей природе она изменчива. Если мы можем точно сказать, в чем состоял средневековый эталон красоты лица, то определить, какие фасоны одежды целый континент считал модными на протяжении чуть ли не тысячелетия, будет гораздо труднее. Как показатель вкуса и положения в обществе, средневековая мода менялась столь же непредсказуемо, как современная. И тот факт, что средневековая экономика Венеции, Гента, Флоренции и Лондона была построена на производстве тканей, указывает, что люди той поры чутко прислушивались к новым направлениям моды.

С учетом вышесказанного мы можем проследить некоторые веяния средневековой моды по произведениям изобразительного искусства, литературным описаниям и, наконец, по позднесредневековым «альбомам моделей одежды», которые и покажут нам, какие фасоны пользовались популярностью в разных странах. Средневековая литература со временем уделяла все большее внимание описаниям одежды, которую носили люди вообще и персонажи в частности. Это позволит нам сделать кое-какие обобщения. До XII века мода по большей части предполагала самые простые фасоны, и потому публика того времени предпочитала одежду Т-образных покроев, которую можно было быстро сшить, а потом дополнять различными деталями. Со временем крой все больше усложнялся, и в XII веке одежда стала более обтягивающей

в груди, что позволяло подчеркнуть фигуру наряду с вошедшими в моду длинными свободно свисающими рукавами. В XIII веке появились более узкие проймы, декоративные разрезы по подолу, расположенные через равные промежутки, также добавились безрукавные накидки, надевавшиеся поверх платья или блузы с длинным рукавом. К XIV веку рукава у большинства платьев укоротились, зато к ним добавились длинные «хвосты»¹¹⁸.

Придворные на прогулке

Миниатюра из манускрипта «История о двух возлюбленных».

Ок. 1460–1470 г.

Хотя со временем женская мода многократно менялась, некоторые общие черты сохранялись. Женщины неизменно предпочитали одежду, которая подчеркивала идеальную грушевидную форму тела. Даже одежду Т-образной формы XI века было принято слегка стягивать под бюстом, чтобы подчеркнуть идеально тонкую талию и на контрасте — выдающийся ниже живот. В XIV веке появился интерес

к декоративным разрезам, вставкам и стяжкам, которые должны были привлекать внимание к широким бедрам. В конце XIV — начале XV веков в моду вошла одежда, обнажавшая плечи, что позволяло дамам демонстрировать молочную белизну кожи. Еще одна особенность, которая неизменно сопутствовала моде в описываемый период, состояла в том, что мужчин вечно злил повышенный интерес женщин к моде.

Женский портрет

Пьеро дель Поллайоло. Ок. 1480 г.

Озабоченность женщин тем, какую одежду они носят, таила в себе не меньшую экзистенциальную угрозу, чем косметика. Обратите внимание, как описана Вавилонская блудница, которая, подобно Иезавели, появляется на страницах Откровения как воплощенное предостережение против суетности и тщеславия. В Откровении 17:5 Иоанн определяет ее как «мать блудницам и мерзостям земным». Она объявляется в конце времен, восседая на семиглавом звере, опьяненная кровью святых и одетая с упомрачительной роскошью. Иоанн

Златоуст уточняет, что она облачена в порфиру и багряницу (на то время два самых дорогих красителя для одежды, которые было трудно производить) и что она украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, которые средневековые художники изображали каждый на свой лад.

Девушка с гвоздикой

Картина Ханса Мемлинга. Ок. 1485–90 гг.

Когда библейских предостережений оказывалось недостаточно, в дело вступали порицания в литературной форме. Большой популярностью в те времена пользовался такой литературный жанр, как книги пороков и добродетелей, где перечислялось все то, чего надлежало избегать и чему надлежало подражать доброму христианину. Читателя предупреждали, что многих аристократок, несмотря на их прожитую в добродетели и милосердии жизнь, после смерти ожидал неприятный сюрприз: они оказывались в Аду из-за того, что

предпочитали туалеты модных фасонов. Так как «вне сомнения, они грешат тяжко тем, что потворствуют погибели многих душ и служат ее причиной, и через них многие мужчины погибли и впали в великий грех... Ибо в телах их нет ни единого члена, не отмеченного глумливой ухмылкой дьявола, как речет Соломон, и потому в судный день они должны понести ответ за все души, через них погубленные»¹¹⁹.

Когда в XIV веке по Европе пошла гулять черная смерть, многие поспешили приписать причину чумного мора чрезмерной тяге к модным нарядам как мужчин, так и женщин, за что Господь и наказывал человеческий род. Монах Джон из Рединга (ум. 1368/69) написал в Вестминстерской хронике, что чума посетила землю потому, что «женщины потакали веяниям моды в том и сем с еще более рьяным усердием, обряжались в одежды столь тесные, что им пришлось нацеплять под юбками лисьи хвосты для сокрытия своих задниц. Грех гордыни, в этом себя изобличающий, непременно должен был навлечь неотвратимую кару в будущем»¹²⁰.

Даже более снисходительные тексты, например «Книга о Граде женском» Кристины Пизанской, и те предупреждали читателя, что, поддаваясь соблазнам моды, благонамеренные женщины ступают на опасный путь. В одном диалоге воплощенная Праведность говорит Кристине, что иные женщины, как и мужчины, от рождения предрасположены искать удовольствия в изысканных нарядах. И следовательно, не их вина, что им трудно устоять перед искушением одеваться по моде.

Тем не менее некоторые женщины были обязаны хорошо одеваться. Этого ожидали от придворных дам, а тех, чьи наряды не соответствовали требуемому уровню, не воспринимали всерьез и даже могли отлучить от двора. К несчастью для этих бедняжек, модные наряды, в которых не зазорно было появиться при дворе, особенно в позднем Средневековье, стоили

умопомрачительных денег и могли запросто разорить семейство²¹. Молодая английская леди по имени Энн Биссет, которую отправили жить в аристократическое семейство де Рью в Сомме (на севере Франции), умоляла свою матушку купить ей наряды попышнее: «Заклинаю вас, мадам, со всей искренностью, что если мне предстоит провести зиму во Франции и чтобы пережить ее, мне понадобится кое-какое новое платье, поскольку у меня закончились туалеты для каждодневных выходов. Мадам, ... ах, как много мелких изысканных безделушек потребны для здешней жизни, хотя у себя в Англии мы не испытываем в них никакой нужды»²².

Изображение чумы

в «Прекрасном часослове Герцога Беррийского»

Можно заподозрить в этих мольбах всего лишь наигранное отчаяние юной девицы, желавшей выпросить себе наряды пороскошнее, и все же письмо отражает реалии, с которыми женщины сталкивались при дворе и в свете. Женщин брали в аристократические дома не только помощницами в делах, но и для украшения. Им полагалось быть красивыми и красиво же одеваться, чтобы ими все любовались и чтобы своим видом они доказывали, что приютившее их семейство действительно очень хорошее. Хотя в подобных ситуациях полагалось утверждать, что женщинам не пристало заботиться о том, как они одеты, но в действительности их положение в свете определялось способностью поддерживать модный гардероб и преподносить себя так, как это подобает утонченным женщинам.

Аристократия же видела в следовании новейшим веяниям моды способ подчеркнуть свое высокое положение в обществе, и по большому счету это можно назвать проявлениями демонстративного потребления. Обвешиваться золотом и обряжаться в алый бархат, что способно было разорить даже богатое семейство, означало выставлять напоказ свой статус, тогда как носить нелепый наряд, явно препятствующий какой-либо физической работе, означало заверять присутствующих, что его обладатель избавлен от необходимости что-либо делать самому. Вот и туфлям на высоченном каблуке, за право носить которые боролись богатые женщины в итальянских городах-государствах, не было места на ферме или в поле. И причина не только в том, что грязь испортит красивую обувь, но и в том, что если человек весь день трудится на ногах, то ему необходима удобная обувь. Именно поэтому крестьянки носили тяжелые деревянные башмаки. Осознанно так получалось или нет, но одежда подчеркивала социальную иерархию. И в семье бедняков могла родиться девушка несравненной красоты, но едва ли она могла бы одеваться как подобает красавице.

Таким образом, извечный вопрос, что носить и во что одеваться, доставлял постоянную головную боль богатым женщинам, ставя их перед тяжелым нравственным и социальным выбором. Им следовало демонстрировать своими туалетами, к какому слою общества они принадлежат, но при этом не преступать грань, за которой их обвинят в порочности. Судя по всему, некоторые особенно изысканно одевавшиеся дамы просто не обращали внимания на призывы церкви к строгости. Именно этим неисправимым модницам были адресованы предостережения в книгах пороков и добродетелей и в «Книге о Граде женском». Женщины более благочестивого нрава, напротив, осознанно отказывались от избыточной роскоши нарядов и ярких цветов, а свой статус подчеркивали качеством материи, изяществом пошива, а также длинными рукавами и шлейфами платьев, которые подчеркивали невозможность тяжелого ручного труда. В редких случаях некоторые особо богатые женщины в надеждах обрести за гробом святость впадали в крайность, втайне поддевая под роскошные одежды грубые, раздражающие кожу власяницы. Так они внешне отвечали социальным ожиданиям и одновременно наказывали себя за то, что потакали им.

Если дамам из высоких сословий предписывалось роскошно одеваться, то большинству женщин такое не дозволялось. В период позднего Средневековья даже принимали так называемые сумптуарные законы, или законы о роскоши, призванные следить за тем, чтобы женщины одевались не богаче, чем позволяет их положение в обществе. Эти законы должны были порицать расточительство, если деньги, которые тратились на роскошь, можно было бы употребить на более благородные цели. Однако на деле сумптуарные законы нужны были для того, чтобы запрещать людям низших сословий одеваться как знатные особы и вести «благородный образ жизни» (*vivre noble*)¹²³. Чаще всего им запрещалось

носить одежду из бархата или шелка. Определенные цвета в одежде, например зеленый и пурпурный, также могли быть закреплены только за высшими классами. Точно так же благородные меха, например горноста́я, полагалось носить исключительно придворной знати. Некоторые из сuntuарных законов регламентировали вообще весь стиль одежды. Так, в Брюгге (территория современной Бельгии), где зажиточные горожане не упускали случая похвастаться своим богатством, законы запрещали неблагородным сословиям носить «камзолы, корнеты, мантии и прочее»¹²⁴.

Женщины не обязательно подчинялись подобным запретам. В Болонье, например, когда кардинал Виссарион в 1453 году издал закон, ограничивающий женскую моду, матрона Николоса Санути из семейства богатого торговца написала трактат*, в котором требовала от «папского легата в Болонье, чтобы женщинам вернули украшенную одежду»¹²⁵. Другие дамы писали, что новые веяния женской моды необходимы как замужним дамам, чтобы усладить взоры их супругов, которым нравилось любоваться красиво убранными супругами, так и незамужним девицам, чтобы украшать свой облик и склонять мужчин к браку¹²⁶.

Само принятие сuntuарных законов доказывает, что люди, наделенные властью, ревниво оберегали от низших слоев свое право на изысканную одежду. Даже протесты против правовых гонений на моду, и те исходили от женщин, принадлежавших к более состоятельным кругам. Женщины из купеческих семейств, достаточно образованные, чтобы письменно излагать доводы в пользу своего права самостоятельно выбирать себе одежду и располагавшие средствами

---

* Трактат Николосы Санути более всего примечателен тем, что считается первым в Италии публичным выступлением в защиту женщин, исходившим от женщины. *Прим. пер.*

на запретные туфельки на высоком каблуке и платья со шлейфом, если и не принадлежали к знати, то, несомненно, были из богатого сословия. Доказательством, что подобные петиции исходили от состоятельных женщин, служит тот факт, что их жалобы не оставались без ответа. Пускай сами законы отменены не были, однако правители позволяли женщинам покупать право на то, чтобы и дальше щеголять в роскошных туалетах¹²⁷. Что до простых женщин, то даже если у них и были деньги на красивые по меркам того времени наряды, купить право на то, чтобы носить их, они, скорее всего, не смогли бы себе позволить.

Могло бы показаться, что средневековое общество слишком усердствовало в своем осуждении женщин, которые осмеливались проявить интерес к своей внешности. В конце концов, речь шла всего лишь о моде. Однако интерес женщин к косметике, духам, депиляции и модным нарядам не только изобличал их непреходящий интерес к собственной внешности, но и намекал, что модницы сделались прибежищем смертных пороков. Смертные грехи считали наиболее тяжкими, поскольку они могли повлечь за собой другие проявления безнравственности. Эти грехи и называли «смертными», потому что они могли погубить душу, иными словами, обречь на вечные муки. Отличало смертные грехи и то, что на них человека толкал его нрав. И значит, не приходилось сомневаться, что в натуре всякого, кто предавался смертным грехам, будь то мужчина или женщина, изначально таилась некая червоточина.

Более всего с женским интересом к своей внешности и нарядам связывали такой грех, как *superbia*, что мы обычно переводим как «гордыня», но что также может означать «тщеславие». Это считалось грехом, поскольку означало, что женщина чрезмерно заботится о своей бренной телесной оболочке и внешнем виде, пренебрегая заботами о бессмертной

душе и религиозным долгом. Более того, тщеславие, толкавшее женщину вторгаться в свою естественную внешность, выщипывая или подбрасывая волоски, а также применяя притирания, расценивалось как посягательство на Божий замысел. Тщеславные женщины словно бы заявляли Господу Богу, что способны сделать Его работу лучше, чем Он, а это было абсолютно неприемлемо. Гордость своей внешностью считалась предосудительной еще по одной причине: поддавшись ей, женщина возжигала в сердцах окружающих еще один смертный порок, называемый *luxuria*, то есть вожделение. О женщинах, которые улучшали свою внешность притираниями и обряжались в роскошные туалеты, которые питали откровенный интерес к собственной внешности, в лучшем случае говорили, что они дают пищу для мужской похоти, а в худшем — что потакают собственной необузданной

Персонификация вожделения

На заднем плане: Давид подглядывает за купающейся Вирсавией

чувственности. И действительно, Чосер описывает своих красоток так, чтобы у читателя не оставалось сомнений в их готовности к сексу чуть ли не со всяким мужчиной, кроме законного супруга. Неприкрытое самолюбование толкало к откровенным сексуальным действиям, что, в свою очередь, поддерживало огонь вожделения в сердцах тех, кто из-за этого ступал на путь смертного греха. Получалось, что этот грех сам собой множился и все больше и больше невинных душ сворачивал с пути истинного, обрекая на проклятие и вечные муки.

В целом средневековое общество потратило много времени, чтобы сначала сформулировать идеал женской красоты, достижимый разве что для женщин из богатых сословий, а затем неистово оберегать его от посягательств простолюдинок, решивших подражать ему. Женщинам при каждой возможности внушали, что им надлежит быть красавицами и что именно красота сделает их желанными, любимыми и благочестивыми. Однако старания соответствовать строгому канону идеальной красоты, в особенности если женщина была бедна, провозглашались порочными, а в иные времена и противозаконными. Церковь ставила женщин в затруднительное положение: если женщинам не посчастливилось родиться с внешностью, соответствующей канонам красоты, должны ли они лишиться своего положения и, вероятно, остаться незамужними? Или им следовало призвать на помощь уловки, чтобы приблизиться к заветному идеалу, даже с риском обречь себя на вечные муки в аду?

Как любить

Сказать, что наше общество питает сложные чувства к взаимоотношению полов и сексу, было бы, как выражаемся мы, историки, колоссальным преуменьшением. Наша собственная натянутость и неловкость при обращении к понятиям полового влечения и любви показывают, что лишь с очень недавних пор сексуальность утвердилась как полноправная область исследований, будь то историческая, психологическая и даже биологическая сфера научного знания. К сожалению, нам еще только предстоит усвоить строго научный, свободный от смущенного подхихивания подход к предмету. Наша коллективная неготовность смотреть на сексуальность трезвым взглядом означает, что нас можно простить за то, что мы

думаем, будто секс был изобретен не далее как в 1960-е годы для приятного времяпрепровождения.

К удаче тех, кто все еще так думает, мы в этой главе сосредоточимся на средневековых представлениях о женщинах, сексуальности и любви. В противоположность нам, сегодняшним, с нашим внутренним отвращением к изучению и осмыслению сексуальности, средневековые мыслители не обременяли себя такого рода рефлексиями. Сексуальность в их эпоху выступала предметом живых заинтересованных дебатов среди богословов, философов, врачей и поэтов. Сексуальность породила собственные жанры, невероятно популярные в литературе, и служила основой суждений в брачных вопросах. Разумеется, сексуальность составляла сердцевину средневековых представлений о женщине, поскольку бытовало всеобщее мнение, что женщины движимы неизбывным, всеподавляющим ненасытным вожделением.

Если мы хотим понять, откуда появились эти представления, давайте начнем с самого понятия секса и обратимся к истокам христианского воображения на эту животрепещущую тему, а именно — заглянем в райские кущи Эдема.

Богословие о сексе

Как мы уже видели, средневековые богословы считали секс как таковой греховным, поскольку само его существование в их понимании неразрывно связывалось с доктриной первородного греха. Не стоит, однако, думать, будто в Эдемском саду секс начисто отсутствовал. В конце концов, сам Бог повелел Адаму и Еве «плодитесь и размножайтесь» и не предоставил другого способа для этого, кроме секса. Однако и до того, как Адам с Евой осознали собственную наготу, они, по общему мнению теологов, могли заниматься сексом. Главное различие состояло в том, что до грехопадения Адам и Ева, когда

хотели предаться сексу, занимались им, но не испытывали *сексуального возбуждения*.

Блаженный Августин специально размышлял на тему секса в Райском саду и пришел к твердому мнению, что «у них не бывало, чтобы их плоть смущалась бурной похотью... их детородные органы направлялись смиренной волей, с коей мы командуем другими частями тела». Иными словами, если Адам и Ева желали заняться сексом, для того чтобы произвести потомство, они просто приводили в действие свои гениталии — во многом так же, как мы, если намерены двинуть рукой или ногой. Притом что Адам с Евой и до грехопадения могли заниматься невинным сексом, «они были наказаны за свое преступление изгнанием из Рая прежде, чем смогли сознательно совершить соитие, не отягощенное страстью»¹²⁸. Августину вторит правовед Грациан (ок. 1101–1159), заявлявший в своем Декрете, что «Первый институт брака свершился

Изгнание Адама и Евы из Рая

Миниатюра из книги Боккаччо «О несчастьях знаменитых людей»

таким образом, что еще в Раю у них была “честна женитва, и ложе нескверно” (Евр. XIII, 4), что привело к зачатию без вожделения»¹²⁹. То есть до грехопадения Адам и Ева была столь невинны и смиренны, что ни разу не занимались даже этим благотворным сексом без похоти.

Вместо этого, как нам известно, они, вкусив от Древа познания, осознали свою наготу, и в тот момент все изменилось. Конечно, главная проблема этого осознания в том, что Адам и Ева устыдились своей наготы и поспешили прикрыть ее фíговыми листьями. По словам Августина, этот стыд был вызван не просто отсутствием одежды, а тем, что, увидев друг друга обнаженными, они испытали *возбуждение*. По его словам, «тотчас за преступлением заповеди они... остановили взоры на своих членах и почувствовали в них похоть, которой раньше не знали»¹³⁰. Они не могли не испытывать стыда и не могли не вожделеть. Адам и Ева больше не обладали полной властью над своими гениталиями, и их тела проявили такое же непослушание, какое сами они проявили к заповедям Господа. Как писал Августин:

*Человеческая природа стыдится этой похоти, и справедливо стыдится. Ее неповиновение вырвало детородные органы из-под власти воли, достаточно показывая этим, какое возмездие получило известное неповиновение человека. Возмездие это и должно было обнаружиться в первую очередь в тех частях, которые непосредственно связаны с рождением природы, изменившейся к худшему вследствие первого греха*¹³¹.

Секс уже по своей сути представлял собой греховное деяние и в умах богословов был тесно связан с женщиной. Поскольку именно Ева соблазнилась и съела плод с Древа познания, она и повинна в том, что люди познали, насколько их гениталии вызывают половое возбуждение. Искушение

Евы нередко обсуждалось в понятиях сексуального свойства. Например, во втором Послании к коринфянам Павел утверждает, что «змий хитростью своею прельстил Еву», и это же выражение позже употребил Блаженный Августин, чтобы на примере растолковать понятие извращенной любви, запятнанной «страстным желанием» и «вождедением»¹³². С этим соглашался епископ Милана, проповедник и богослов Амвросий Медиоланский, констатируя, что «если бы у Евы была заперта дверь, то Адам не был бы обольщен и она не отвечала бы на вопрос змея (Бытие 3:2). Смерть вошла чрез окно (Иерем. 9:21), то есть чрез дверь Евы»¹³³.

Женщины, даже пребывая в совершенном состоянии благодати в Раю, просто были более предрасположены к обольщению и склонны к сексуальной распущенности. Ева, как первая женщина, передала свой непристойный интерес к плотскому соитию всем женщинам, сделав их ответственными за порочную природу секса.

Женщин считали от природы похотливыми по причине непоследовательной природы самого греха. Женщины неспособны к рациональному логическому мышлению, в отличие от мужчин, и потому легче поддаются зову своих гениталий. Мужчины же обладали способностью обуздывать свои страсти и противостоять греховной натуре подобных позывов. Женщины были слабы и низменны, им не хватало способности к суровому укрощению собственной плоти. Напротив, они потакали своим страстям, и женский ум был в точности таким же непослушным, как и у их праматери Евы, и потому женщины по ее примеру тоже легко поддались бы на обольщение змея.

Но раз секс считался грехом, значит, идеальный человек — мужчина это или женщина — не должен был вообще им заниматься. Наилучшее в этом смысле, что мог сделать человек, — это посвятить себя Богу и религиозному созерцанию,

Черт соблазняет женщину

Гравюра Микаэля Грейффа. 1489 г.

воздерживаясь от любых похотливых помыслов. По этой причине клирики, как служители Господа на земле, должны были соблюдать обет безбрачия. Тем не менее целибат не всегда был неотъемлемым требованием христианства. Так, проходивший в начале IV века Эльвирский собор принял постановление, согласно которому «епископы, пресвитеры, дьяконы и другие лица, занимающие служение, должны полностью воздерживаться от половых сношений со своими женами и от рождения детей. Если кто-либо не подчиняется, он должен быть отстранен от духовной должности» (33-й канон)¹³⁴. Однако это постановление вызвало ожесточенные дебаты, а Восточная церковь нередко интерпретировала его в том смысле, что священнослужителю запрещено вступать в брак после рукоположения, а если он на момент принятия сана уже был женат, ничто не препятствовало ему стать частью духовенства. Даже на Западе многие священнослужители католической церкви

были женаты. Однако в 1123 году Первый Латеранский* собор провозгласил «абсолютный запрет священникам... вступать в связь с конкубинами** и женщинами или жить с женщинами» и «заводить сожительниц или заключать брак»³⁵. Второй Латеранский собор спустя 16 лет еще раз подтвердил это правило, и впоследствии верующих призывали не ходить к мессе, если ее служил женатый священник.

Такая реакция церкви на браки и половые связи с женщинами среди духовенства была связана с богословской концепцией целомудрия как высшего состояния человека. Целомудрие заслуживало всяческих похвал, ибо означало, что человек обуздал свою непокорную плоть и преодолел проклятие первородного греха. Оно также давало и некоторые косвенные выгоды, скажем, позволяло оборвать связи с миром. Священникам, монахам и монахиням полагалось давать обет целомудрия, однако путь полного воздержания от половой жизни избирали для себя и многие мирские ордены, а также последователи еретических учений. В особых случаях обет целомудрия позволял удостоиться венца святости за мученичество. Как мы видели в главе 2, самые почитаемые христианские великомученицы — Св. Агата, Св. Луция и Св. Варвара — предпочли целомудрие и мученическую смерть жизни в богатстве и плотских радостях. Их также считали самыми обольстительными красавицами, причем именно *потому*, что при всей своей женской красоте они сумели обуздать свою чувственность. Это их чувственные образы в церквях смущали дух мужчин-верующих и наводили их на греховные мысли, как свидетельствует пример упомянутого в главе 2

---

* Латеранский дворец в Риме с IV до начала XIV века (до так называемого авиньонского пленения пап) служил резиденцией римских пап. *Прим. пер.*

** Конкубины (или наложницы) — в Древнем Риме так назывались незамужние женщины низшего сословия, сожительствовавшие с мужчинами. *Прим. пер.*

возмущенного безымянного протестанта, и эта оболъстительность церковных образов великомучениц лишь усугубляла щекотливость ситуации.

Богословы настолько радели за сбережение теоретической чистоты celibата, что в их академических дебатах даже появилось отдельное направление, сосредоточенное на «ночных истечениях» или «ночных осквернениях», а проще говоря — на поллюциях из-за эротических снов. Сама этимология слова «поллюция» (от позднелатинского *pollutio* — мараение, пачканье) показывает, насколько греховным считался секс, если даже самопроизвольная и без постороннего участия эякуляция всерьез тревожила богословские умы. В XV веке богослов, проповедник и гуманист Жан Жерсон (1363–1429) даже вдохновился на написание трактата «О поллюции», в котором утверждал, что священники, испытывавшие ночные семяизвержения, не впали в состояние греха и могут с чистой совестью служить мессы¹³⁶. Позиция Жерсона согласовалась со взглядами Фомы Аквинского, посвятившего отдельный раздел в своем труде «Сумма теологии» вопросу «Является ли ночное осквернение смертным грехом?» и пришел к выводу, что во время сна разум мужчины не обладает свободным суждением и поэтому он не может предотвратить семяизвержение¹³⁷.

К огорчению всех горячо обсуждавших деликатные нюансы полового греха, они не могли не признать, что секс необходим. В конце концов, если Адам и Ева были изгнаны из Рая за то, что они испытали половое возбуждение, то они уже не могли не выполнить наказ Бога «плодитесь и размножайтесь». Человеку было поручено продолжать свой род, чтобы заселять землю и умножать ряды христиан для поклонения Богу. Секс, безусловно, рассматривался как грех, но для продолжения человеческого рода он должен был стать *приемлемым*. Так возникло таинство брака.

В объяснение приемлемости секса в рамках брака средневековые европейцы приводили слова из Первого послания к Коринфянам (7:9): «Но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться». Слово «разжигаться» в данном контексте можно истолковать как указание на адский пламень. Если секс греховен, но вы совершенно не можете жить без него, тогда вступайте в брак — и ваши половые сношения будут чисты от греха. С другой стороны, в слове «разжигаться» можно усмотреть и такой смысл, как чрезмерная похоть. Если человек слаб и не в силах устоять перед одолевающими его греховными помыслами о сексе, ему лучше вступить в брак, чем разжигаться и смущаться похотью. Брак даст законный выход плотским страстям и позволит сосредоточиться на разумном и духовном. В этом смысле брак виделся чем-то вроде клапана для стравливания сексуального давления, брак давал человеку необходимый выход для его вожделения, и он мог вести более продуктивную и целенаправленную жизнь.

С богословской точки зрения секс в рамках брака одобрялся, поскольку был прежде всего таинством. По мнению средневековых философов, Бог повелел браку быть. Однако даже если супружеский секс считался приемлемым, на него все равно накладывались определенные ограничения. Женитьба с единственной целью удовлетворять похоть сама по себе считалась грехом. Еще в IV веке один из Отцов Церкви библиист Иероним Стридонский (ок. 342–420) предостерегал христиан, что «мужчина, питающий слишком страстную любовь к своей жене, является прелюбодеем»¹³⁸. В XIV веке канонист Уильям из Пагулы (ум. 1332) смягчил эту позицию, заявив, что для мужчины нормально страстно обожать свою супругу, если желание соития с ней не послужило *первейшей* причиной того, что он женился на ней¹³⁹. На чрезмерное половое вожделение всегда смотрели неодобрительно, и Бог все равно

проведает, если человек принес священный обет только ради плотских наслаждений.

Даже самому стойкому, не испытывающему особого влечения к супруге христианину дозволялось заниматься сексом, только если он хотел завести детей. В противном случае это расценивалось как попытка хитростью обойти факт греховности секса. Богослов и епископ Парижа Петр Ломбардский (ок. 1096–1160) особо подчеркивал этот момент, констатируя, что «в отсутствие этих благ, а именно супружеской верности и потомства, ничто, как представляется, не убережет соитие от признания его преступлением»¹⁴⁰. Заниматься сексом для того, чтобы зачать ребенка, не было грехом. Однако было необходимо, чтобы в ходе этого процесса супружеская пара получала как можно меньше плотских удовольствий. Будучи неизбежным злом на пути рождения потомства, секс рассматривался исключительно как формальное механическое взаимодействие. Вот как высказал эту мысль Блаженный Августин: «Кто из любителей мудрости и святых радостей, проводящий жизнь свою в супружестве... не согласился бы, чтобы деторождение не сопровождалось подобной похотью...», как это могло бы получаться у Адама с Евой до грехопадения¹⁴¹.

Получать слишком много удовольствия от секса считалось неправильным, поскольку супруги рисковали отвлечься от своей священной миссии по зачатию детей и пасть жертвой похоти. Если смысл супружеского секса заключался в том, чтобы направлять половые чувства супругов в единственно одобряемое русло, то не стоило заниматься им просто ради удовольствия, потому что это могло лишить зачатие детей чистоты. Иными словами, супругам надлежало избегать всего, что могло усилить сексуальное наслаждение. К такому, по мнению Фомы Аквинского, относились «сладоэротические» поцелуи и ласки, которые не были теми действиями,

что необходимы для зачатия детей, «поэтому когда целью этих поцелуев и ласк является удовольствие, они суть смертные грехи, и только в таком случае их можно назвать похотливыми»¹⁴². Далее Августин утверждает, что половой акт можно подразделить на градации от «разумного», сообразованного с его прямой целью, до «чувственного», и последнее делает его греховным.

Другая проблема, связанная с тем, что супруги получают слишком много удовольствия во время секса, заключалась в том, что это поддерживало огонь похоти, который супружеский секс должен был погашать, приводя к деторождению. Иероним Стридонский предупреждал, что избыток секса, доставляющего наслаждение, «мужской дух делает женственным и, кроме страсти, которою страдает, не дает ни о чем думать»¹⁴³. Получается, что слишком большое удовольствие во время секса вызывает эффект, прямо противоположный тому, о котором ратовали в своих трудах богословы. И поэтому настоятельнее всего от супружеских пар требовали, чтобы они старались сдерживать во время секса любовный жар, чтобы после удовлетворения он снова не разгорался.

Практическая сторона секса

Богословы предупреждали верующих, что в грех похоти можно впасть разными путями. Один такой путь состоял в занятиях сексом в любых позах кроме той, которую мы сейчас называем миссионерской. Что любопытно, средневековые мыслители разрабатывали эту тему с гораздо бóльшим усердием, чем их античные предшественники. В многократных настояниях Иеронима Стридонского, что «нет ничего гнуснее — любить жену как прелюбодейку» историки усматривают предостережение от опасностей, которые таят в себе любые не миссионерские позы в сексе¹⁴⁴.

Согласно средневековым богословам, миссионерская поза подчеркивала должное взаимоотношение между полами и то, что «естественно». Мужчины как высший пол своей позицией сверху утверждали свою руководящую и главенствующую роль и занимали активную позицию во время секса. От женщин, напротив, требовалась пассивность, и их низшее положение в обществе согласовалось с их местом в миссионерской позе под их мужьями. Эта мысль до отвращения часто повторялась и во всех средневековых трактатах на темы секса, и среди главных ее сторонников ярко отметился Фома Аквинский¹⁴⁵.

Сцена из «Декамерона» Боккаччо. 1425–1450 гг.

Средневековые богословы с большим удовольствием и в подробностях обсуждали виды половых актов, которыми люди не должны заниматься. Они выступали против *retro* секса — так они называли сношения сзади, сегодня называемые позой по-собачьи (*doggy style*) — и этот термин часто встречается у средневековых авторов. Епископ-канонист Бурхард Вормский (ок. 950–1025), главный специалист в составлении

покаянных книг, постановил, что если супружеские пары позволяли себе чрезмерно наслаждаться сексом в этой позе, то их следовало наказать десятью днями на хлебе и воде¹⁴⁶. В этом случае тревогу богословов вызывала «противоестественность», состоявшая в избыточном сексуальном наслаждении, которое Фома Аквинский определял как «скотство»¹⁴⁷.

На фоне почти полного единодушия богословов относительно правильной позы в сексе раздавались и отдельные голоса несогласных. Английский схоласт XII века Александр Гэльский (ок. 1185–1245), как и моралист XIV века Уильям из Пагулы, держались единого мнения, что неканонические позы, скажем секс в стоячем или в сидячем положении, могут быть приемлемыми, если обусловлены физическими причинами или нездоровьем. Например, чрезмерная тучность одного из супругов могла препятствовать паре заниматься сексом в позе, которую сейчас уже называют «стандартной». Однако оба тоже вводили определенные ограничения. Александр Гэльский подчеркивал, что ни в коем случае не допускается секс в собачьей позе — у него это называлось «животным манером» — и что его следует считать смертным или наказуемым преступлением¹⁴⁸. Более того, если супружеские пары прибегали к другим позам по любой причине, кроме абсолютной физической необходимости, считалось, что они повинны в грехе «невиданного любострастия» (*extraordinaries voluptatis*), как заявлялось в трактате безвестного автора XII века «Кембриджский фрагмент» (*Fragmentum Cantabrigiense*)¹⁴⁹.

Вдобавок к попыткам регулировать степень наслаждения во время супружеского секса средневековые богословы провозглашали неприемлемым супружеское соитие в особо благочестивые периоды года, например во время Великого или Рождественского поста. Некоторые утверждали, что ни о каком супружеском сексе нельзя помышлять по средам и пятницам, так как эти дни недели традиционно отводятся

на покаяние. Точно так же следовало избегать секса по субботам на случай, если вдруг супруги разохотятся и это помешает им собраться с благочестивыми мыслями на воскресной проповеди в церкви. И само собой, секс был под строгим запретом по воскресеньям, ибо воскресенье отводилось для благочестивых размышлений¹⁵⁰. И еще: поскольку соития предписывались супругам только в случаях, когда женщина могла забеременеть, секс не позволялся, когда у женщины была менструация или если она уже забеременела. В идеале секса следовало избегать и в период грудного вскармливания¹⁵¹.

Как будто всех этих ограничений было недостаточно, множество других правил, по всей вероятности, ограничивали зрительные стимулы во время соития. Осуществлять соитие было желательно не снимая одежды. По той же причине происходить все должно было ночью и в темноте. По большому счету, супругам следовало делать все возможное, чтобы как можно меньше видеть друг друга, а заодно позаботиться, чтобы их не застукали случайные зрители, что было далеко не пустой заботой во времена, когда большинство людей не могли позволить себе роскошь отдельной супружеской опочивальни.

Все эти ограничения на удовольствие во время супружеского секса были связаны с обузданием чрезмерной похоти. Слишком пылкое влечение к своей второй половине или повышенный интерес к сексу легко могли завлечь супругов на путь греха, особенно если они впадали в заблуждение, что им можно все, поскольку их союз освящен церковным таинством. Беспремерное любострастие и чувственное наслаждение заводили супругов на кривую дорожку секса ради самого секса.

Богословов также беспокоило, что если супружеские пары будут получать от детородного секса больше удовольствия, чем следует, то им грозит грех еще более страшный

**Вулкан застает жену за изменой
и связывает любовникам ноги**

Миниатюра из «Романа о Розе»

и ужасный — содомия. Сегодня этим термином мы обозначаем почти исключительно анальный секс, а если точнее, то секс между двумя мужчинами. Однако Средневековье относило к содомии любые формы половых сношений, которые не могли увенчаться деторождением. Таким образом, целый ряд сексуальных действий, даже большинство из них, расценивались как смертные грехи. Независимо от того, шла ли речь об обоюдной мастурбации, оральном сексе, интрафеморальном сексе или возбуждающем сексе без проникновения, все это считалось содомией. Конечно, анальный секс идеально подходил под это определение, как подходили и любые однополюые сношения.

Между тем ученые мыслители никак не желали удовольствоваться простой констатацией, что «раз содомия не может увенчаться деторождением, значит, это плохо». Вместо этого богословы многоречиво и цветисто расписывали в своих

трудах, чем именно плоха содомия. Грациан провозглашал, что акты содомии представляют собой «чрезмерные чувственные наслаждения», и сравнивал их с «объятиями блудниц»¹⁵². На взгляд Фомы Аквинского, содомия была попросту «противна логике». Ведь все знали, что секс предназначен для деторождения. Заниматься сексом в любой форме, которая не ведет к зачатию, означало сознательно совершать грех похоти. Существовал же абсолютно допустимый, одобряемый церковью супружеский секс. Так зачем людям вместо этого обречать на проклятие свои души? В XIII веке Иоанн Тевтонский (ум. 1245) провозгласил, что изъян содомии в ее «противоестественности»¹⁵³. А к естественному относилось все, что идет от Бога, и означало это заниматься сексом с как можно меньшим наслаждением, зачинать детей и жить дальше.

Половое влечение

Жесткие богословские ограничения, ставившие границы дозволенного в сексе, наводят на мысль, что большинство средневековых людей практиковали секс, далекий от предписанного. При этом действовавшие нормы и правила в особенно невыгодное положение ставили женщин. И что женщины нарушали эти важные богословские предписания, нет никаких сомнений. Женщины — а их прообразом считалась легко поддавшаяся на соблазн грешная Ева — рассматривались как создания более чувственные и озабоченные сексом. Как постановил богослов и архиепископ Исидор Севильский, любовственность женщин составляет часть их женской природы, поэтому они и получили свое название. По его словам, «в греческом языке [слово] “женщина” производно от [выражения] “огненная сила”, ибо женщина страстно желает: женщины более чувственны, чем мужчины»¹⁵⁴.

Приводились многочисленные доказательства, однако многие из них напрямую были связаны с тем, что считалось

«противоестественным» и иррациональным интересом женщин к сексу. Особо подчеркивалось желание женщин заниматься сексом во время менструации, когда они никак не могли бы забеременеть. По словам врача, философа и богослова Альберта Великого (ок. 1200–1280), «никогда женщина не желает секса так, как когда она беременна», то есть в состоянии, когда секс лишен всякого смысла, если исходить из того, что единственная причина заниматься сексом состоит в том, чтобы забеременеть¹⁵⁵.

Даже женщины, занимавшиеся сексом в «правильное» время, и те проявляли подозрительное сексуальное возбуждение. Женщина могла желать секса даже после того, как ее супруг надлежащим образом изверг семя в ее лоно, хотя в этот момент ей следовало бы осознавать, что цель секса уже достигнута, и тут же терять к нему интерес. Иероним Стридонский предупреждал, что женщины ненасытны в сексе, заявляя, что «женская любовь вообще обвиняется в том, что она всегда

Миниатюра из манускрипта, содержащего романы
«История Святого Грааля», «Поиски Святого Грааля»
и «Смерть Артура»

ненасытна, что по угашении ее она снова возгорается и после удовлетворения опять бывает голодна»¹⁵⁶. Женское вожделение представлялось чем-то вроде вечного двигателя — чем больше женщины занимались сексом, тем больше секса они желали.

В Средневековье женская похоть считалась ненасытной по ряду причин. Во-первых, медицина не раз высказывала мнение, что женщина получает от секса больше удовольствия, чем мужчина, и это мнение проистекало из натурфилософии. Удовольствие, которое мы называем оргазмом, в средневековом сознании неразрывно связывалось с выбросом репродуктивной субстанции, ведь это считалось «логичным» завершением всякого полового влечения. В Средние века существовали две конкурирующие теории, объясняющие то, как происходит сам выброс. Согласно теории Аристотеля «одного семени», женская матка действует во многом подобно инкубатору для активного мужского семени, которое само собой развивается в младенца при условии, что ему обеспечена питательная среда. Над этой теорией чуть больше преобладала другая «двух семян», которая постулировала, что во время секса происходит выброс как мужского, так и женского семени, и потомство производится в результате их слияния¹⁵⁷.

Константин Африканский поддерживал двухсеменную теорию. В своем трактате «О соитии» (*On Coitus*) он сообщал, что женщины больше заинтересованы в сексе, поскольку «женщины получают наслаждение двоякого рода от желания своей пылкой вульвы: как исторжением собственной спермы, так и получением мужской спермы»¹⁵⁸. Авиценна уточнял, что удовольствие, получаемое женщиной от собственной и от мужской эякуляции, есть результат «движения попавшего к ним внутрь семени», и в этом смысле сперму можно было рассматривать как нечто вроде маленьких внутренних вибраторов¹⁵⁹. Потому секс и доставлял женщинам куда больше

наслаждения, чем мужчинам, с которыми они им занимались. Приходится ли удивляться, что их мысли забиты сексом?

Вторая научная причина повышенного сладострастия женщин была основана на гуморальной теории. Анонимный трактат XIII века «Прозаические салернские вопросы» пытался ответить на вопрос: «Почему женщина, хотя она холоднее и влажнее, чем мужчина, испытывает более сильное половое влечение?»¹⁶⁰ Один из ответов сводился к тому, что, учитывая влажность и холодность женского организма, ему требуется больше времени, чтобы разогреться, но, разогревшись, женщины пылали куда более жарким огнем желаний, нежели мужчины. По этой аналогии женщин уподобляли охваченному пожаром влажному лесу, который труднее погасить, чем сухой лес, или — металлу большей плотности вроде железа, который нагревается дольше золота, но дольше и удерживает жар¹⁶¹.

Более того, сама холодность женского организма означала, что женщины жаждут тепла, которое вырабатывается во время секса, потому что им этого тепла просто не хватает. В этой точки зрения женщины рассматривались как холоднокровные создания, наподобие змей, о которых говорили, что их притягивает тепло, исходящее от человеческого тела¹⁶². К XIII веку это объяснение получило дальнейшее развитие, ввиду чего приобрело еще более откровенный женоненавистнический смысл. В медицинском трактате «Секреты женщин» утверждалось, что женское половое желание проистекает из того, что женщина «желает соития больше, чем мужчина, ибо нечто дурное всегда притягивается к хорошему»¹⁶³. Презренная природа женщин означала, что их от рождения влечет к мужчинам и они желают соприкосновения с мужчинами и их не «порченным», как подсказывала логика, семенем.

Выдвигалась и третья причина повышенной сексуальности женщин: они недалеки умом и бездеятельны. Здоровое недоверие к сексу и желание заниматься им только тогда, когда это

продиктовано логикой и приемлемо, было свойственно незапятнанным мужчинам. Женщины устроены примитивнее и похожи на детей, отчего и неспособны заниматься чем-либо как положено. Их неумение отличать хорошее от плохого, как и легкость, с какой они поддавались соvrращению и впадали в грех блудодейства, проявились во всей красе еще во времена Евы. В силу недалекости ума, по словам Альберта Великого, женщины не могли рационально относиться к испытываемому ими наслаждению. Если женщины во время секса испытывают большее удовольствие в *количественном* плане, то мужчины испытывают удовольствие более *качественное* в силу своей способности охватить его рассудком и уловить его суть, утверждал Альберт Великий¹⁶⁴. Оттого, что женщины испытывают больше удовольствия, но качеством ниже, они все время желают большего наслаждения, но не могут поступать так, чтобы получить его, и поэтому не могут насытиться. Приверженцы аристотелевой односеменной теории, и те могли соглашаться с этой мыслью, учитывая, что она объясняла непомерный женский интерес к сексу и их удовольствие от него, но при этом решительно утверждали, что женщины не вносят никакого вклада в акт деторождения.

Из всего этого следовало, что женщины по самой своей природе слишком озабочены сексом, чтобы нормально функционировать. Доминиканский монах, богослов и философ XIII века Винсент из Бове (ок. 1184–1264), убежденный, что женщины в самой основе своей — тупоумные и холодные сексуальные монстры, за подтверждением своей правоты обращался к римскому поэту-сатирику I века Ювеналу. Тот подтверждал, что женщина — создание, которое «всегда готово к соитию», однако после него «устаёт, но никогда не бывает удовлетворено»¹⁶⁵. А то, что женщины от соития теряют силы, но при этом желают еще секса, это, как уверяли мыслители, полностью их собственная проблема.

Миниатюра. До 1490 г.

Хотя мужчины вовсю рассуждали, почему женщины так одержимы сексом и так мало способны насладиться им, не все разделяли их надменные самонадеянные речи. Женщины, имена которых дошли до наших дней, не совсем разделяли идею о тупоумии, похотливости и пагубности своего пола. Та же Хильдегарда Бингенская выдвигает собственную трактовку женской сексуальности. Хотя она признаёт, что «женщина холоднее и влажнее [чем мужчина], однако именно эти свойства делают женщину способной к деторождению: она поместительнее, и ее страсти умереннее, и благодаря этим свойствам она способна зачинать, вынашивать и рожать детей... А поскольку ее желание не столь жаростно, женщина более способна сдерживать себя — ввиду влажности “там, где горит наслаждение”, равно как и из страха или стыда»¹⁶⁶.

Этот контраргумент показывает, что, хотя за женской натурой закреплялись свойства холодности и влажности, далеко не все сравнивали женщин с лесным пожаром, бездумным и сладострастным. Более того, Хильдегарда оборачивает в достоинство гуморальные особенности женщин, которые

мужчины так любили приводить в доказательство порочности и несносности женской природы. И что одним могло казаться менее разумной страстью, в представлениях других способствовало вынашиванию плода.

Хильдегарда пошла дальше и сделала вывод, что женская сексуальность мало того что не является чем-то порочным, но еще и противостоит пагубной сексуальной деятельности мужчин. По мнению Хильдегарды, «заклученная в мужском половом органе сила обращается во вредоносную пену, тогда как кровь женщины — в противоположное изливание»¹⁶⁷. Вероятно, нам следует отдать должное Хильдегарде за то, что она первой закрепила в письменном источнике понятие токсичности типично мужских качеств. Мускульная сила и прочие проявления мужских черт, которыми так хвастались мужчины, видя в них доказательство теоретического превосходства своего пола, оказывается, можно было с легкостью представить как вредоносные, для усмирения которых как раз и требовалось сексуальное вмешательство женщины.

Притом что Хильдегарда показывает нам, как по-иному интерпретировать сексуальность в тех же самых теоретических рамках, мнение о том, что женщины не губительные сексуально озабоченные гарпии, к сожалению, не получило широкого распространения. Если среди интеллектуальной элиты превалировала та точка зрения, что гуморальная природа женщин обуславливает их избыточный интерес к сексу, то с ней соглашались все слои населения.

Сексуальные запросы

В одном французском *фаблю* XII века (рифмованная сказка, рассчитанная на придворную аудиторию, обычно написанная анонимно) рассказывалось о молодом недавно женившемся рыбаке и его жене. Рыбак убежден, что интересуется свою женушку только в плане секса. Она же воспринимает это как

смертельное оскорбление и настаивает, что любит его, потому что он осыпает ее подарками. Как-то раз во время рыбалки он замечает труп священника, который спасался бегством от ревнивого супруга и утонул. Рыбака осеняет, что ему послан шанс вывести свою жену на чистую воду. Он отрезает у трупа пенис и возвращается с ним домой. Он показывает его супруге и говорит, что свора злобных жен напали на него и оскопили. Жена тут же заявляет ему: «Молюсь, чтоб Бог прибрал тебя скорей! / Теперь я к телу твоему питать могу / Одно лишь, тьфу ты, отвращенье». Тут муж показывает ей свой орган, целый и невредимый, и говорит, что Бог очень вовремя заступился за него и помог ему уберечь свой член от гибели. Жена на радостях восклицает: «Мой милый муженек, мой самый верный друг, / В какой испуг изволил ты меня повергнуть! / Со дня, как свет увидела я белый, / Во мне так сердце страшно не мертвело!»¹⁶⁸ Так изобличается ее порочная натура: ее интересует только секс с супругом, а никак не его достоинства как добытчика, который обеспечивает ее.

Можно предположить, что *фаблио* подобного рода складывались под влиянием интеллектуальных представлений о полах, тем более что они адресовались верхушке общества, которой было доступно образование. И всё же подобные темы до тошноты часто мусолились в произведениях средневекового периода.

Так, в рассказе Чосера о ткачихе из Бата все происходит так же, как и в *фаблио* о жене рыбака, но с учетом того, что за два с лишним века, разделяющие эти сочинения, было время, чтобы поразмышлять о женской природе. Героиня решает, что настало время покончить с притворством, что будто бы сама она и другие женщины ищут брака по каким угодно причинам, кроме той, чтобы свободно заниматься сексом. Стремясь исправить эту историческую несправедливость, она рассказывает спутникам о своих мужьях и среди прочего с жаром объясняет:

Хвала Христу, мне послана отрада
 Пяти мужьям женою верной быть.
 От каждого пыталась получить
 Я лучшее: мошну или сундук
 Опустошать старалась я не вдруг
 И всех сокровищ даром не растратить —
 Я не мотовка, нет, с какой же стати.
 ...
 Пяти мужей науку я прошла.
 Шестого я покуда не нашла.
 Гряди, жених полуночный, к невесте,
 И продолжать науку будем вместе.
 На что мне целомудрие хранить,
 Когда нам всем велел Господь любить...¹⁶⁹

Как и жена рыбака, она тоже упоминает, что ее интересует богатство мужчины. Однако весь пространный «Пролог Батской ткачихи» (а он, кстати, больше по объему следующего за ним «Рассказа Батской ткачихи») проникнут ее непреходящим интересом к удовольствиям, которые доставляет ей секс, ради чего она, собственно, и выходила столько раз замуж.

Продолжительность «Пролога» объясняется тем, что вымышленная жена не жалеет времени и сил на защиту своих пяти браков от нападков каких-либо богословов. В самом деле, ведь богословие осуждало тех, кто вступал в брак ради сексуального наслаждения. Как еще в 829 году постановил Франкский церковный собор, «брак предписан Богом и должен заключаться не сладострастия ради, а во имя получения потомства... Плотские сношения... обязаны происходить ради рождения потомства, а не ради наслаждения»¹⁷⁰.

Хотя способы половых сношений, которые Церковь признавала разрешенными в браке, были ограничены, секс все равно оставался неременной частью института брака,

известной как супружеский, или матримониальный, долг. В христианском контексте эта идея основана на Первом послании Павла к Коринфянам, 7:3–4: «Муж, оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена». В отношении супружеского долга это следовало понимать в том смысле, что любой состоящий в браке вправе требовать секса от своей второй половины при условии, что это требование «разумно». Вот как по этому поводу высказывался Фома Аквинский: «В браке существует взаимный договор, по которому каждый из супругов обязан уплачивать другому супружеский долг: по каковой причине, как и в других соглашениях, обязательство будет негодным, если взявший его на себя не может его исполнить, так и брачное соглашение будет негодным, если заключено тем, кто неспособен уплачивать супружеский долг»¹⁷¹.

«Разумность» требования зависела от некоторых факторов: вероятности для женщины забеременеть от полового сношения, правомерности выбранных для секса дня и времени. Например, не будет «разумным», если, например, супруг потребует секса воскресным утром во время Великого поста, да еще когда у его супруги менструация. Если оставить в стороне все богословские и физиологические препятствия к соитию, то один супруг имел полное право требовать от другого секса, который тот «должен» ему по брачному соглашению.

Неспособность женщины удовлетворить мужа в сексе и тем самым отдать супружеский долг вполне могла привести к разводу против ее воли. Слишком узкое или поврежденное влагалище, гермафродитные морфологические отклонения или травматическая болезненность секса могли затруднить или вообще сделать невозможной половую жизнь. Если муж желал получить развод по этой причине, для обследования жены могла созываться комиссия из опытных обладающих

медицинскими познаниями матрон, и в результате жена могла оказаться разведенной. Мужчин, по правде говоря, мало трогала эта горестная участь супруги.

Зато мужчин сильно беспокоила собственная неспособность заниматься сексом из-за того, что на современном медицинском языке называют эректильной дисфункцией, а также их беспокоило то, что женщины могли обвинить мужа в половой немощи. В Англии такого мужчину могли отослать к эксперту, который бы проверил потенцию его гениталий. В позднем Средневековье роль такого эксперта играл врач, как в случае с жившим в Париже XIV века незадачливым супругом Жаном Карре, чью «немощь» (*inhabilitas*) удостоверили магистры Жильбер де Серсето и Гильом Буше¹⁷². Если специалиста-медика по каким-либо причинам найти не удавалось, обращались к другим проверкам. В Англии могли созвать жюри из числа проституток, которые и проверяли, способен ли женатый мужчина в нужном случае возбуждаться. Затем они сообщали свое заключение суду.

Священнослужитель наблюдает за супружеским половым актом
 Миниатюра из манускрипта Джеймса ле Палмера «Всякое благо». До 1375 г.

Такая напряженная ситуация не очень-то располагала мужчину демонстрировать свою способность заниматься сексом с супругой, однако это не удавалось внимания. Ведь в конце концов каждое супружеское соитие происходило под угрозой развода. Точно так же весьма унижительным для мужчины было то, что после «экспертизы» проверявшие его потенцию проститутки в открытую бранили его за то, что «вздумал жениться на молоденькой, а сам обманул ее, если не мог ублажать ее получше, чем тут нам показал». Впрочем, то же самое мужчина мог услышать в свой адрес и от своей разочарованной супруги, желавшей удовлетворить свой сексуальный аппетит¹⁷³. Ведь женщины не только помешаны на сексе, но и к тому же вздорны и сварливы. Так что если супруг не удовлетворял свою вторую половину, он мог услышать много интересного о себе.

К тому же мужчина мог опасаться, что его жена получает удовольствие от его унижения и даже сама послужила его причиной. Константин Африканский в одной из глав своего труда, названной «О тех, кто не может соединиться узами брака», писал о таких злонамеренных женщинах, которые навели порчу тем, что калили над огнем бобы, а потом клали их в постель того, кому хотели навредить, или у двери в его опочивальню. Закаменевшие постельные бобы определенно вызвали импотенцию, которую «излечить под силу скорее Божьей помощи, чем человеку»¹⁷⁴.

Как считалось, заклятия на пенисы насылали те женщины, которых эти мужчины отвергли или оскорбили презрением. В XIII веке Фома Чобхэмский записал, что в Париже одна чародейка наслала проклятие половой немощи на мужчину, который бросил ее, чтобы жениться на другой, и тот действительно лишился мужской силы. Она прочитала заклятие над замком со вставленным в него ключом, а потом замок и ключ выбросила в разные колодцы. В итоге мужчина стал импотентом. Потом чародейку обнаружили и заставили признаться

в содеянном. Отыскали замок и ключ, и едва только ключ отомкнул замок, к мужчине вернулась потенция и он смог заняться сексом с женой¹⁷⁵. Так что сексуальные желания женщин, даже если отношения с ними были уже в прошлом, таили в себе нешуточную угрозу мужским репутациям и телам.

Неверность в браке

Даже мужчина, чей пенис «находился в хорошем рабочем состоянии», и тот не всегда мог удовлетворить сексуальное желание своей жены. И потому мужчины очень переживали, как бы их жены не стали искать полового удовлетворения на стороне. В конце концов, мы помним, что говорил Боккаччо: «...один петух может ублажить десять кур. Но даже десять мужчин не смогут ублажить похоть одной женщины»¹⁷⁶.

Предметом всеобщей озабоченности в Средние века была точка зрения, что в целом женщины всегда доступны для секса и всегда готовы обманывать законных супругов. Сексуальные хищницы, как считалось, где угодно отыщут себе любовников, только бы удовлетворить неумемный жар своего

Измена

Миниатюра из «Романа о Розе»

любожестрастия. В средневековых умах это легко связывалось с интересом женщин к своей наружности. Как мы уже говорили выше, интерес женщин к роскошным нарядам и украшениям объясняли их предполагаемой похотливостью. Стоило женщине нарядиться или красиво причесать волосы, ее тут же начинали подозревать в желании разжечь вожделение, притом не у супруга, а в посторонних мужчинах. Один отвергнутый муж в «Романе о Розе» жалуется на неоспоримую истину, что «кто в жены женщину возьмет, Тот глупость всю свою поймет»:

Так неужели для меня
 С того Вы хорошили дня?! —
 Все люди видят эту ложь,
 Теперь и правды не найдешь.
 Я отношусь с большим презреньем
 Ко всем нарядам, украшеньям,
 Что носите Вы лишь для тех,
 Кто поднимает Вас на смех.
 Развратников таких полно —
 Вы, видно, с ними заодно.
 Кому Вы говорите сказки?
 Вы врете людям без опаски.
 ...
 Мне Ваши бусы не по нраву,
 Вы носите их не по праву!
 Наряд сей может быть надет,
 Когда со мной Вы тет-а-тет.
 Зачем на танцы в нем ходить —
 Бесстыдников с ума сводить?¹⁷⁷

Так что неудивительно, что встревоженные отцы без устали заклинали своих дочерей не красить лица. И если они желали выставить свою дочурку выгодной партией для брака,

им надлежало в первую очередь показать чистоту ее помыслов и отсутствие интереса к сексу за пределами супружеской опочивальни. Именно поэтому они старались позаботиться о том, чтобы дочери не следовали последней моде и не лелеяли связанные с ней сластолюбивые замыслы.

Если мужчин так сильно тревожило, что вверенные их попечениям женщины непростительно много заботятся о своей внешности и тем обнажают свой интерес к неприемлемым или внебрачным любовным похождениям, ничто не мешало им обратиться к испытанному средству: проповедники рекомендовали прихожанам держать своих жен, сестер и дочерей в неприглядности, дабы они не решались покинуть дом и завести интрижку. Так, английский проповедник Одо Черитонский (ум. ок. 1247) давал следующую рекомендацию по содержанию привлекательных жен и дочерей: «всем отцам семейств надлежит связывать их волосы в узел и подпаливать их. А одевать их надлежит в рубища, нежели в драгоценные наряды. Ибо тогда они не осмелятся и носа из дому высунуть»¹⁷⁸. Вдобавок иной раз обойдитесь с ними поглубже, и тогда отобьете у ваших родственниц всякое желание искать секса, которого они так отчаянно хотят.

Страх за сексуальную невоздержанность женщин был достаточно силен и временами приводил к принятию соответствующих законов. Так, начиная с 1288 года в Болонье появились законы против прелюбодеяния. На мужчин накладывался штраф в зависимости от их положения в обществе и достатка — от 30 до 50 фунтов. Зато «повинная в прелюбодействе жена приговаривалась к штрафу в сотню фунтов, каковая сумма для уплаты могла быть взята из ее приданого»¹⁷⁹.

Женская неверность тревожила общество куда больше, чем неверность мужчин. Помимо того что в расчет не принимались никакие жизненные обстоятельства женщины, так

еще и штраф назначался вдвое больший, чем состоятельному мужчине. К тому же штраф взимался напрямую из приданого женщины, то есть из средств, которые она, выходя замуж, принесла в семью и которые обычно предназначались ей для свободного распоряжения.

Поскольку женщины считались более сексуально озабоченными, чем мужчины, им требовалось более суровое наказание, способное удержать их на стезе добродетели. Тем более что неверная жена могла зачать ребенка от другого мужчины, ее неверность представляла экзистенциальную угрозу самой сути брака. Наказания вроде высокого штрафа считались необходимыми, чтобы подчеркнуть серьезность последствий, к которым могла привести женская распущенность, и не только потому, что женщины от природы похотливы, но и потому, что среди действовавших в те времена институтов брак не должен был поощрять секс. Женщин из знатных и богатых сословий — а на данную категорию как раз и были рассчитаны денежные наказания за неверность (женщин из низших классов обычно не подвергали такому наказанию, поскольку у них если и было приданое, то очень скромное) — особенно подозревали в интересе к внебрачному сексу по тем же причинам, по каким они в первую очередь вступали в брак.

Для средневековых европейцев брак был семейным институтом и церковным таинством, как мы увидим в главе 4. И поскольку женитьба существовала в основном для того, чтобы производить на свет потомство, для некоторых семей брак стал средством для заключения разного рода сделок.

Выгоды от скрепления двух семейств посредством брачных уз в наибольшей степени иллюстрируются династическими браками, заключавшимися для укрепления политических союзов и рождения законных наследников, которым предстояло продолжить династические линии. Королевские дома и родовитая знать, чьи богатства и власть надлежало

сберегать и умножать для передачи следующим поколениям, ценили роль женщины в первую очередь как матери, а сам брак — как способ узаконить рожденных детей в качестве наследников. В средневековой Европе браки между представителями могущественных родов не были основаны на симпатии или любви между брачующимися. Такие браки представляли собой сделки, скрепленные церковным таинством.

Для скрепления брачного соглашения и для того, чтобы доказать, что в будущем возможно появление наследников, требовалась консумация брака посредством секса между супругами. Правда, перспектива такого обязательного секса не всегда вызывала радостное предвкушение у кого-либо из супругов. Вы бы тоже не особенно радовались, если бы родители решили, кто станет вашим единственным сексуальным партнером.

Не стоит думать, что будущим женихам и невестам не давали вообще никакого слова в выборе второй половины. Напротив, им обычно предоставлялось право отказа; де Ла Тур Ландри, как мы видели в главе 2, утверждал, что женихи отвергают девиц, если у тех косят глаза¹⁸⁰. И все же браки, особенно среди знатных особ, были нужны не для того, чтобы соединять любящие сердца. Напротив, по мнению людей Средневековья, романтическая любовь у богатых людей могла существовать исключительно за пределами брака. В такой любви семейные интересы никакой роли не играли, и возлюбленных выбирали только по сердечной склонности. В самом деле, именно истории внебрачной любви составляли основу одного из самых популярных и долговечных жанров средневековой литературы — куртуазного романа.

Куртуазная любовь как форма литературы повествовала о любовных похождениях в кругах придворной знати. Как

жанр куртуазный роман выступал зеркалом тех любовных отношений, которые существовали в утонченном светском обществе, и помогал устанавливать, закреплять и распространять такой тип отношений на всем пространстве средневековой Европы. Куртуазная любовь была прерогативой знатных особ, однако порожденная ею литература пользовалась большой популярностью среди всех слоев населения. Это легко понять, если вспомнить, что и в наше время персонажами романов нередко становятся представители аристократии прошлых времен, однако читать такие истории могут люди вовсе не знатного происхождения.

Сцена прелюбодейния из книги «Рыцарь башни»

Куртуазная литература стремилась отображать романтические и сексуальные отношения особ, которые находились при дворах знати. Богатые и в известной степени праздные, они проводили свои дни в роскоши, окруженные большой свитой. Двор всякой особы королевского или знатного рода включал в себя огромное количество молодых людей. Девушки были *domicellae*, то есть придворными дамами,

а юноши — пажами, оруженосцами или рыцарями. В обязанности приближенных дам входило носить за госпожой шлейф, когда она направлялась в часовню, а также помогать ей в занятиях вышиванием. Обязанности оруженосца или рыцаря предполагали участие в войнах или дипломатических миссиях. И мужчинам, и женщинам положение при дворе открывало возможности заработать доброе имя и, возможно, заключить выгодный брак. Утонченная и необычайно насыщенная условностями жизнь придворных отражала власть и богатство, которыми они обладали. И потом, когда изысканные дамы и кавалеры изо дня в день пребывали в одном и том же тесном кругу придворных, неудивительно, что между ними нередко вспыхивал взаимный интерес, который мог быть даже сильнее, чем тот, что они испытывали к своим законным супругам или нареченным.

Это привело к тому, что в большинстве случаев романтические отношения возникали между замужними дамами и неженатыми мужчинами из их окружения. Придворные создали для себя сложный этикет романтических отношений с тщательно продуманными правилами, основанными на ряде богословских и философических представлений о женском и мужском полах. Этим правилам обучали каждого из новоприбывших ко двору юношей и девушек, пока не искушенных в любовных делах. Однако нельзя было заводить какие угодно романы. Существовали неукоснительные предписания в отношении того, как надлежало себя держать, а также как и к кому питать любовные чувства. Наилучшие примеры мы находим в трактате «О любви» (*De amore*), написанном в XII веке Андреем Капелланом, как предполагается, для графини Марии Французской (1145–1198), дочери Алиеноры Аквитанской (1122–1204). Сочинение примечательно тем, что его можно воспринимать и как сатиру, и как серьезное рассуждение. Впрочем, если нас интересуют средневековые

сексуальные обычаи и нравы, истинные намерения автора нам неважны. Возможно, он описывал придворную жизнь, в которой обставленные множеством условностей любовные отношения преобладали настолько, что потребовалось даже практическое руководство для влюбленных; а может быть, он насмеялся над культурой, которая была настолько распространенной, что читатели легко понимали юмор, заложенный в тексте. Какими бы намерениями ни руководствовался Андрей Капеллан, из его трактата мы можем многое узнать о преобладавшей в те времена любовной культуре.

Вместе с тем на комический характер трактата намекает само имя автора. Если Андрей и правда был капелланом, то есть духовным лицом, он, пожалуй, был бы последним человеком, к кому влюбленный обратился бы за советом по части куртуазной любви. Однако самого Андрея это нисколько не смущало. Он заверяет своего друга Вальтера, которому, собственно, и адресует свое наставление (и который мог быть вымышленной фигурой), что, клирик он или нет, он «на собственном опыте изучил» предмет, называемый им «искусством любви»¹⁸¹. В конце концов, «...клирики житьем их продолжительным во праздности и в изобильной пище предо всеми прочими людьми естественно предрасположены к искушению телесному», и потому у Андрея, вероятно, была возможность постичь некоторые премудрости любви.

Трактат, чем-то напоминающий современные «руководства по съему» от опытных пикаперов, представлял собой свод правил, а также поучительных сценок и диалогов, с помощью которых автор объяснял мужчинам, как соблазнять женщин. Для начала Андрей наставляет своих читателей, что «любовь есть некоторая врожденная страсть, проистекающая из созерцания и неумеренного помышления о красоте чужого пола, под действием каковой страсти человек превыше всего ищет достичь объятий другого человека». Далее разъясняется,

какие типы любви возможны и между кем и кем она может быть: любовь возможна лишь между лицами разного пола, и в их отношениях «любовь всегда либо прибывает, либо убывает»; при этом уточняется, что любовь может быть между людьми состоятельными, поскольку «когда бедность подступает, то иссякают источники любви, ибо сказано: нет у бедности средств питать любовную похоть». Взамен простонародье должно совокупляться просто «как лошадь или мул». Вот так, ничего не скажешь¹⁸².

Верный своему духовному званию, Андрей установил для любовников возрастные пределы, после которых любовь недопустима: для мужчин — после шестидесяти лет, для женщин — после пятидесяти, потому что «в этом возрасте природный жар начинает терять свою силу, а природная влажность сильно возрастает». Дается также уточнение, что юноши «к любви не вхожи», пока не достигнут 14 лет,

Трубадур под окном дамы

Миниатюра из «Манесского кодекса». Между 1305 и 1315 гг.

а девушки — пока им не исполнится 12 лет, поскольку до этого возраста нельзя говорить о половой зрелости. Романтическая любовь, о которой повествует Андрей, доступна только физически полноценным мужчинам и женщинам, а для слепых исключена, поскольку они не могут видеть своих возлюбленных. Точно так же не следует любить монахинь, а вот священнослужителям это доступно. Кроме того, нельзя любить проституток, ибо «в женщине, про которую тебе известно, что она в обмен на свою любовь желает денег, должно видеть смертного врага»¹⁸³.

Однако Андрей не только устанавливает границы для любви, но и раскрывает читателю способы обольщения. Он придумывает различные диалоги между женщиной и дамой, чьей благосклонности он добивается, причем указывает, как лучше всего подольститься к женщинам разных классов в зависимости от того, к какому из них принадлежит сам мужчина: к среднему классу, к дворянству или к высшей знати. Во всех случаях положением владеют мужчины, а женщины, любви которых они добиваются, отвечают на ухаживания так, как предписано. Главная уловка мужчины — преподнести свои льстивые речи в правильной манере, исходя из разницы положений его самого и дамы его сердца, чтобы она подарила ему свою любовь и свои «объятия». Мужчине, достаточно непредусмотрительному, чтобы соблазниться красотой молодой крестьянки, Андрей (почти не считавший крестьян за людей) дает возмутительный совет не колеблясь брать то, чего возжелал, и принуждать к объятиям силой. То есть Андрей здесь дает свое разрешение на изнасилование¹⁸⁴.

Помимо руководства по соблазнению Андрей также создал описания окружающих любовь обстоятельств, для чего привел серию воображаемых «Судов любви», решения по которым выносили Алиенора Аквитанская и ее дочери. У нас нет достоверных свидетельств, что королева и члены королевской

семьи действительно судили по таким делам, зато нам известно, что к XIV веку сочинение Андрея уже использовалось как руководство Судом любви в Барселоне под эгидой короля Арагона Хуана I Охотника (1350–1396) и его супруги Иоланды де Бар (ок. 1365–1431). Поскольку трактат «О любви» Андрея Капеллана во множестве экземпляров дошел и до XV века, видимо, еще многие после арагонской королевской четы пользовались этим руководством, чтобы приятно проводить время за решением важных вопросов, кому и с кем должно заниматься сексом¹⁸⁵.

Суд любви

Миниатюра из сборника стихов герцога Орлеанского

Как на практике, так и в теории Суды любви могли решать некоторые возникающие в отношениях проблемы. Трактат «О любви» предлагал рекомендации на разные случаи, скажем, как поступить рыцарю, который вместо себя отправил к даме, которой он добивается, посланника, а та влюбилась не в рыцаря, а в того самого посланника (отлучить обоих провинившихся от вежливого внимания общества); может ли

продолжаться любовь, если рыцарь по неведению соединился любовью с родственницей (не может, даже если бы вовлеченная в них дама и желала этого); должна ли дама принять назад любовника, когда он из желания испытать постоянство ее любви солгал ей, что удаляется искать объятий другой дамы, но потом вернулся и во всем признался (ей надлежит впасть в отчаяние, когда он скажет, что уходит от нее, и приветствовать его, когда он вернется к ней и признается в своей уловке).

Особенный интерес для нас представляет случай 17-й, где рыцарь был влюблен в даму, которая была связана любовью с другим, и получил от нее надежду, что «если ей случится потерять любовь того возлюбленного, то, без сомнения, ущедрит она любовью своей названного рыцаря». Вскоре она вышла замуж за своего любовника, и рыцарь стал требовать от нее обещанной ему любви, потому что ей не положено любить своего мужа. Она же отвергла его и презрела его логику. Тут, как утверждают, вмешалась королева Алиенора и сказала: «не имеет любовь силы меж состоящими в супружестве. Посему и предлагаем, чтобы означенная дама предоставила рыцарю обещанную ею любовь»¹⁸⁶.

Пожалуй, трудно еще яснее продемонстрировать природу брака в высших сферах европейского средневекового общества. Даже если кому-то и выпадало счастье заключить брак по любви, сами его устои рисковали свести на нет эмоциональную привязанность, которая, собственно, и побудила влюбленных связать себя церковными и правовыми узами. Более того, женщину можно было приневолить к любви. Ее желания в расчет не принимались, поскольку ей нельзя было доверять в том, что она подарит свою любовь тому, кому следует. Женщину могли просто направить на связь с «правильным» мужчиной, а сама она проявляла достаточно покорности, чтобы довольствоваться объятиями указанного ей любовника. Если она была глупа и смела вообразить, будто ее

любовь должна и сможет продлиться после свадьбы, то, к счастью, Суд любви быстро помогал ей развеять эту иллюзию.

Действительно, практически все приведенные у Андрея Капеллана типичные случаи свидетельствуют о том, что женщинам редко позволялось самим выбирать предмет любви. Исключение составляет случай 11-й: у одной дамы искал любви некий добрый и разумный муж, а следом муж еще достойнее первого тоже стал настоятельно просить ее любви, и в этом случае Суд любви постановил, что «оставляется на усмотрение дамы, к кому она изберет склонить слух, к хорошему или к лучшему»¹⁸⁷. Во всех прочих делах Суд любви, не спрашивая мнения дамы, по своему усмотрению распоряжался ее любовью и сексуальными милостями, считая, что они *должны быть* отданы ею кому-то, кто не был ее супругом.

Через все придуманные Андреем диалоги, как и через «судебные» дела, красной нитью проходит мысль, что женщины не более чем пешки в любовных играх и не заслуживают высказывать свое мнение. Андрей все время подчеркивает, что дамы должны беспрепятственно даровать любовь своим поклонникам, и заверяет своего друга Вальтера, что дамы так и сделают: отдадут свою любовь (а следом и желанный секс) всякому мужчине, который подступится к ним с правильными речами и обхождением. Послушать Андрея, так придворные дамы не более чем алгоритмы — следуй правильному порядку действий, и результат гарантирован. Они так сексуально озабочены и так недалеки умом, что всякому мужчине, который должным образом польстит им, уступят легко, лишь бы увильнуть от скучных обязанностей перед своими супругами.

Даже написав целый трактат о соблазнении и его правилах, Андрей продолжает настаивать, что мужчины должны воздерживаться от куртуазной любви и внебрачного секса ради своего блага и блага соблазняемых ими женщин. Андрей напоминает своим читателям-мужчинам, что «любовь

Признание в любви

Миниатюра. До 1470 г.

не только заставляет мужчин терять свое небесное наследие, но и лишает их всей чести мира». Хотя мужчина может наслаждаться моментами любви, однако и он, и женщина, которую он избрал, рискуют лишиться каждый своего доброго имени, если обнаружится, что они «дарили кому-нибудь [свою] любовь». Мужчины должны держать себя в руках и не поддаваться искушению обольщать женщин, которые неспособны «сдерживать [свои] страсти, как то делают мужчины»¹⁸⁸. Мужчины в конечном итоге и есть стражи женской непорочности. Они либо сдерживают себя и отказываются предлагать хвалы и подарки, удерживая себя от секса, либо вступают с женщинами в романтические отношения, и тогда оба влюбленных обрекают себя на неизбежное падение.

В целом Андрей наставляет своих читателей-мужчин, что «всякая женщина на свете... развратна, ибо ни одна женщина, неважно, сколь титулована она или благородна, не откажет в своих объятиях мужчине, пускай даже самому

отвратительному и гнусному», который ухаживает за ней с умением¹⁸⁹. И все же он будет несчастен, поскольку она останется неудовлетворенной по причине самой своей женской природы и в конце концов променяет его на другого, поскольку она непостоянна. Те же идеи мы находим и на страницах других сочинений в куртуазном жанре, в том числе в легендах о короле Артуре и «Романе о Тристане и Изольде». В бретонском «Лэ о Гижмаре» (лэ — любовная повествовательная поэма), написанном Марией Французской (ок. 1160–1215), сюжет вращается вокруг любви героя, чье имя и дало название лэ, к замужней даме, которую супруг из ревности держал в заточении. Когда свершилась их прелюбодейная любовь, супруг еще больше ужесточил заточение дамы, но та смогла сбежать, из-за чего разразилась кровопролитная война, стоившая многих жертв с обеих сторон, а беглянка попала в руки к другому влюбленному в нее лорду. Даже у Чосера в эпической поэме «Троил и Крессида», где героиня не замужем, она все равно проявляет непостоянство.

Ревнивый муж бьет жену

Миниатюра из «Романа о Розе». Ок. 1490–1500 г.

Крессида предает Троила и отказывается бежать с ним после того, как их отношения приводят к акту любви, и предпочитает поддаться на ухаживания воина Диомеда.

В некоторых куртуазных произведениях все наоборот, и женщины не в пример мужчинам верны своей любви, как в лэ Марии Французской «Элидюк», где у главного героя есть преданная жена, а он по ту сторону Ла-Манша заводит себе любовницу. Впрочем, примеры женской верности так мало-численны, что служат скорее исключениями из правила, чем надежным доводом в пользу женского постоянства.

Было бы явным преуменьшением утверждать, что в куртуазной литературе неверны только женщины, выведенные в куртуазной литературе. Притом что такие произведения сочинялись, по всей видимости, для того, чтобы художественно отображать нравы и обычаи высших кругов общества, их читала не только знать. Сочинения куртуазного жанра были популярны среди всех слоев населения, правда, с некоторыми вариациями, поскольку разные переписчики по-разному копировали их; кроме того, публика с удовольствием слушала баллады или поэмы на сюжеты этих сочинений. В итоге те же самые представления о женщинах проявились и в менее изящной литературе. Так, возвышенные мысли, высказанные в эпической поэме «Троил и Крессида» и адресованные думающему образованному читателю, Чосер пересказывает более доходчиво в своих простонародных «Кентерберийских рассказах». Проделки неверных жен составляют основу сюжета в «Рассказе мельника», «Рассказе купца» и в «Рассказе шкипера» и упоминаются в «Рассказе повара» (неоконченном, где повествуется о похождениях жены содержателя притона, которая подрабатывает проституцией). Так что даже в сознании простонародья женщинам приписывались намерения выйти замуж не ради любви, а ради безопасности и, вероятно, ради невозбранного секса.

Дошедшая до наших дней средневековая литература стоит в одном ряду с научными и богословскими трудами, полными претензий к женской природе, и все это, вместе взятое, рисует нам более или менее целостный облик среднестатистической женщины того времени как создания, которое больше руководствуется собственными сексуальными желаниями, чем доводами рассудка или религиозными предписаниями. И потому мужчины, так как были умнее, караулили своих дочерей, а также жен. Сдержанные, рассудительные и верные, они считали своим долгом блюсти нравственную чистоту женщин. Сами женщины просто не внушали доверия, чтобы поручить им такое важное дело; дай им волю, и они вмиг скомпрометируют себя, подорвут надежды на достойную партию или свой освященный церковью брак, а там и погубят свои бессмертные души.

**Эмилия Терция, жена римского военачальника
Сципиона Африканского, застаёт его за изменой**

Миниатюра из книги Джованни Боккаччо

«О знаменитых женщинах». Ок. 1440 г.

Мужчины сторожили женщин не только ради них самих, но и ради сбережения собственной репутации. Отец зорко приглядывал за своей дочерью, чтобы повыгоднее выдать ее замуж, навязав ей брак, не отвечавший ни ее сексуальным потребностям, ни ее личным интересам. И столь же зорко муж приглядывал за своей женой, чтобы не позволить ей уронить его честь или замарать его доброе имя и чтобы быть уверенным, что рожденные ею дети от него. В конце концов, сексуальное поведение женщин напрямую касалось разных сторон жизни мужчин.

Сексуальное наслаждение

И все же женская сексуальность и деторождение давали слишком много поводов для беспокойства, чтобы они ограничивались только внебрачной сферой; брака они тоже касались. Женская сексуальность всегда была болезненной темой. Двухсеменная теория (см. раздел «Половое влечение») рождала одну проблему: если для зачатия требуются и женское, и мужское семя, значит, как и мужчина, женщина, чтобы излить семя, должна во время секса испытать оргазм. Впрочем, если смотреть с богословских позиций, проблема легко разрешалась. Паре следует совокупиться положенным способом, посредством проникновения пениса во влагалище, оба испытают оргазм, и вуаля — дитя готово. В управляемом божественным провидением мире, где секс существовал единственно ради исполнения Божьей заповеди «плодитесь и размножайтесь», требуемому для зачатия оргазму полагалось просто взять и появиться.

Однако как в Средневековье, так и в наши времена секс через проникновение пениса во влагалище совсем не гарантировал женского оргазма, как ни желал Фома Аквинский, чтобы так оно и было. Как отмечал Авиценна, «женское наслаждение» следует принимать во внимание как важный

Купание Вирсавии

Миниатюра из Часослова Людовика XII. 1498–1499 г.

репродуктивный фактор, потому что когда «женщина... не испускает семени... тогда не бывает ребенка»¹⁹⁰.

Сегодня мы сказали бы, что эта проблема легко и просто решается с помощью клиторальной стимуляции. Но в средневековом контексте ни о чем таком не могло идти и речи, поскольку клитору еще только предстояло дебютировать в качестве отдельного элемента наружных половых органов женщины. Отчасти этот недосмотр объясняется представлениями о женском теле как о вывернутом наизнанку теле мужчины (см. главу 2).

Говоря по справедливости, мужские и женские гениталии обладают поразительным подобием. Женские яичники более или менее аналогичны мужским яичкам. Однако сначала античные, а следом и средневековые анатомы в желании представить репродуктивные органы мужчины и женщины зеркальным

отражением друг друга, так увлеклись, что ошибочно приняли матку за «завернутый внутрь пенис», а влагалище за «внутреннюю полость, узкую и удлиненную, как пенис». В действительности аналогом пениса выступает клитор. И у пениса, и у клитора есть головка; и то и другое образовано губчатой тканью и твердеет, когда при половом возбуждении к нему приливает кровь; плюс ко всему и то и другое защищено от повреждений кожной тканью. Главное различие между пенисом и клитором в том, что внутри последнего нет уретры, равно как и в том, что пенисы в целом сильнее выдаются вперед, чем клиторы.

Аттис, пораженный безумием, оскопляет себя

Миниатюра, иллюстрирующая сцену из древнегреческой мифологии

Как отмечает британский специалист по сексуальному просвещению Джастин Хэнкок, «не существует частей тела, аналогичных у всех (и заменять одну идеологию другой мы не намерены), однако сходств куда больше, чем принято думать, а различия не всегда имеют отношение к гендеру или к бинарным представлениям о мужском и женском полах»¹⁹¹. Из-за желания отыскать точное зеркальное отражение мужского тела в женском путаница и недоразумения окружали самые чувствительные половые органы вплоть до Нового времени. Однако если учитывать сходство на уровне обобщений, причем наблюдаемое, средневековые заблуждения относительно функции клитора до некоторой степени объяснимы.

Неспособность средневековых врачей и анатомов установить, в чем состоит функция клитора, не слишком удивляет, учитывая дух их времени. Стоит вспомнить, что их учили всерьез воспринимать любое утверждение античных мыслителей, в том числе Галена. Они могли дополнить данное Галеном знание, но не смели усомниться в его авторитете. Более того, согласно христианскому вероучению, тело человека сотворено по Божьему замыслу и каждой его части предписана своя роль. Между тем сексуальное наслаждение открыто связывалось с грехом и грехопадением человека и потому сама мысль, что некая часть тела может существовать единственно для полового возбуждения, в принципе исключалась. Бог никогда бы не помыслил сотворить какую-либо часть тела специально для того, чтобы добавить сексу чуточку наслаждения. Анатомические описания того времени лишены наблюдений за тем, как в действительности функционируют человеческие тела.

И всё же наблюдатели не могли не замечать, что женщины и правда испытывают удовольствие, когда их массируют в том самом месте. В XIII–XIV веках итальянский врач и профессор медицины знаменитого в то время Падуанского университета

Пьетро д'Абано (ок. 1257–1315) отмечал в своем труде «Примиритель разногласий, существующих между философами и врачами» (*Conciliator*), что женщины приходят в сексуальное возбуждение, если «массировать верхнее отверстие возле лонного возвышения; таким путем несдержанные или любопытные (*curiosi*) приводят их к оргазму. Ибо наслаждение, которое можно исторгнуть из этой части тела, сравнимо с тем, которое можно извлечь из кончика пениса»¹⁹². Словом, когда медики-мыслители прибегали к такому методу познания, как наблюдение, ничто не мешало им выявить оргазмический потенциал клитора.

Впрочем, точное описание полезности клитора для некоторых женщин, которое сделал Пьетро д'Абано, ни в коем случае не переводило этот прием в плоскость рекомендуемой практики. Если на женщин, которым для достижения оргазма требовалась клиторальная стимуляция, навешивались ярлыки «несдержанных» или, может быть, «любопытных», это, скорее всего, означало, что подобная практика осуждалась. В идеальном мире женщинам полагалось достигать оргазма только от проникновения пениса. Любопытство к чему-то, что выходило за пределы детородной активности, считалось непристойным и даже связывалось с любопытством того сорта, поддавшись которому Ева поспособствовала грехопадению человека. Медицинские авторитеты того времени замечали, что клиторальная стимуляция (точнее говоря, стимуляция в области лобка) — действенный способ возбудить женщину, но обычно считали ее просто приемом для возбуждения, после чего следовало переходить к надлежащему совокуплению.

Авиценна выступал именно за такое применение и наставлял, как это следует делать: «мужчина осторожно касается грудей женщины, ласкает ей лобок и заключает ее в объятия, не сходясь по-настоящему...», а переходить к проникающему

сексу рекомендовал, «когда женщина распалится и оживится». По всей видимости, Авиценна понимал, что клиторальная стимуляция доставляет женщинам удовольствие, однако не меньше склонялся к тому, что «зачастую малая величина члена оказывается причиной отсутствия потомства, так как женщина не испытывает наслаждения и не испускает семени, ибо [член] не таков, какой ей подходит»¹⁹³. Безусловно, самые пытливые медицинские умы за несколько веков наверняка могли бы выяснить, в чем женщины находят наслаждение, но и они стремились поскорее вернуться к рассуждениям о том, как правильно заниматься направленным на зачатие сексом.

Средневековые рассуждения о клиторе в большинстве своем исходили от мужчин и в основном предназначались мужской же аудитории. Понятно, что в подобном контексте обсуждение женского оргазма и его проявлений всецело фокусировалось на желаемом мужчинами исходе — зачатии. Не о сексе ради удовольствия рассуждали они, а о том, как добиться от женского тела желаемого. Так что можно понять, отчего клитор не удостоивался рассмотрения в трудах по медицине, — единственное, что побуждало уделять внимание ощущениям женщины во время секса, так это необходимость устранить какое-либо медицинское препятствие к зачатию. Оргазм существовал постольку, поскольку помогал женщине забеременеть, и беспокоиться насчет него следовало, только если секс был, а детей не получалось. До тех пор, пока с этим не возникало трудностей, был ли вообще смысл задумываться, как женщины достигают оргазма?

В самой теории, что оргазм необходим для зачатия, проматриваются поистине удручающие и унижающие человеческое достоинство аспекты. Когда дело касалось женщин, зарабатывавших себе на жизнь проституцией (о них мы подробнее поговорим в главе 4), обычно считалось, что

забеременеть они не могут¹⁹⁴. Эта идея вдвойне вредила женщинам этой профессии. Во-первых, это поощряло мужчин не беспокоиться о своем потенциальном отцовстве, когда они занимались с нанятой для утех женщиной проникающим сексом во влагалище. Во-вторых, это отказывало проституткам в нормальных сексуальных привязанностях. Раз они неспособны получать удовольствие (то есть достигать оргазма, без которого невозможно забеременеть) и движимы одним лишь интересом к деньгам, значит, их можно смело списать со счетов, ведь ради наживы они пренебрегли даже присущей обычным женщинам всепоглощающей похотливостью.

Средневековые мыслители допускали, что в редких случаях проституткам все-таки выпадало счастье обрести настоящую любовь с мужчиной. В подобных случаях романтическая любовь, как говорилось, возрождала в женщине половое влечение и, соответственно, ее способность зачинать и рожать детей. Тем не менее такие женщины по существу были изгоями общества. В проститутках видели покорных созданий для сексуальных утех, ожидавших либо денег от своих клиентов, либо избавления от своей горькой участи в лице мужчины, который соизволит обладать ими и позволит вернуться в ряды «нормальных» женщин, а «нормальность» женщины определялась ее способностью иметь детей.

Представление о необходимости оргазма для зачатия не менее горестными последствиями оборачивалось и для жертв изнасилования. Изнасилование по большей части воспринималось как имущественный спор между мужчинами, причем стороной, потерпевшей ущерб, выступал мужчина, к чьей семье принадлежала поруганная женщина. Таким образом, пострадавшей стороной мог быть отец (или другой старший родственник) или муж. По этой имущественной

логике не представлялось сложным исправить дело: женщину просто следовало возвратить мужчине, попечениям которого она вверена, будь это ее отец или жених, и уплатить ему «цену за ее поруганную чистоту», проще говоря, насильник отделялся штрафом¹⁹⁵. Подобный взгляд на ситуацию превращал изнасилование в весьма растяжимое понятие. Фома Аквинский, например, не делал различия между незамужней женщиной, взятой из дома родителей и силой принужденной к сексу, и женщиной, взятой из родительского дома и решившейся на так называемый секс по обоюдному согласию, — и то и другое он называет «актом блудодейства». Более того, если женщина, похищенная из родительского дома, решала сочетаться браком со своим похитителем, но без согласия своих родителей, это тоже в Средневековье считалось изнасилованием¹⁹⁶. Таким образом, весь вопрос, было изнасилование или не было, упирался в согласие мужчины, на попечении которого находилась женщина.

В целом средневековые мыслители соглашались, что изнасилование — тяжкое преступление и что подвергшиеся ему женщины не могли получить удовольствия от полового акта. Тем не менее иногда случалось так, что изнасилованные женщины, явно претерпевшие ужасные страдания, беременели от насильников. Философ Гильом из Конша (ок. 1090–1155/70) придумал объяснение, почему в подобных случаях происходило зачатие: «пускай в самом начале акт соития вызывал у насилуемой женщины отвращение, под конец он пришелся ей по вкусу в силу ее плотской слабости»¹⁹⁷. Иными словами, если женщина в результате изнасилования беременела, это означало, что в конечном итоге она все-таки получила удовольствие.

Презрительное отношение к страданиям и ужасу изнасилованных женщин восходит к общему представлению о человеке как о порочном, подвижном низменными инстинктами

создании, что и составляет отличительную особенность христианства в целом. И кроме того, это отношение подтверждает, что женщин считали более подверженными таким слабостям, чем мужчин. Приписываемое женщине «удовольствие» от секса позволяло как обернуть его против нее, чтобы устыдить после травмирующего для нее события, так и использовать этот довод для того, чтобы побудить любящих мужчин во время занятия сексом учитывать потребности их партнерш.

Все эти рассуждения о женских оргазмах и способности получать их за пределами всего, что понималось Церковью и медицинским сообществом как «нормальное», провоцировали пристальный интерес к реальным сексуальным предпочтениям женщин. Средневековые медики уровня Авиценны считали вполне себе хорошим и правильным делом советовать мужчинам, какими способами вернее всего доводить женщину до оргазма. Правда, с богословских позиций интерес к таким вещам в лучшем случае выглядел сомнительным. В какой момент поцелуи супругов выступают прелюдией к дозволенному супружескому сексу и в какой завлекают их на запретную стезю «сладострастия»?

Половое здоровье

Разнузданные любовные страсти женщин впоследствии могли отозваться различными заболеваниями — как у женщин, так и у мужчин, их половых партнеров. Большое любопытство возбуждал у средневековой публики тот факт, что женщина способна испытывать половое влечение даже во время менструации. Это было доказательством похотливости женской природы, так как ни одно другое существо в животном мире не пытается заняться сексом, когда беременность невозможна. В свете содомии, о которой говорилось выше, и, значит, греховности сам по себе секс во время менструации в самом

Женщина приходит на гинекологический осмотр

Миниатюра из медицинского трактата XIV в.

лучшем случае мог быть сочтен «противным логике», как утверждал большой любитель раскладывать все по полочкам Фома Аквинский. Помимо того что это был грех, мужчине, по глупости решившемуся на секс с менструирующей женщиной, следовало понимать, что он подвергает себя опасности подцепить самую жуткую по меркам Средневековья болезнь — проказу.

Проказа, или лепра, — это бактериальное инфекционное заболевание, которое вызывается палочкой Хансена, на лат. *Mycobacterium leprae* или *Mycobacterium lepromatosis*. Проказа поддается лечению, однако без медицинского вмешательства может привести к обширным поражениям кожи, глаз, а также дыхательной и нервной систем. Первый случай заболевания проказой был зафиксирован в Александрии в III веке до нашей эры, и, как вы, наверное, замечали, она эпизодически появляется на страницах Библии. Проказа представляла собой эндемическое заболевание средневековой Европы, и учитывая отсутствие антибиотиков, она нередко протекала в очень

тяжелой форме. Из-за вызванных проказой кожных высыпаний больной становился легкой добычей для вторичных бактериальных и вирусных инфекций, что иногда заканчивалось потерей конечностей. Средневековые люди как огня боялись этой жуткой напасти и считали ее страшно заразной. Больных проказой обычно изгоняли из общества и принуждали жить в лепрозориях, которые финансировали богатые люди, считавшие это богоугодным делом и проявлением благочестия.

В средневековом обществе прокаженные вызывали одновременно и сострадание, и отвращение. Их явные мучения и увечья вызывали жалость у множества здоровых людей. Прокаженные выживали за счет благотворительных пожертвований и попрошайничества. С другой стороны, болезнь часто связывали с порочностью заболевшего. Генеральный магистр Доминиканского ордена Гумберт Романский (ок. 1194–1277) дает нам представление о том, как плохо относились

Женщина кормит больного проказой

Миниатюра из псалтыря конца XIII в.

к большим проказой: «Они богохульничают, как грешники в Аду... дерутся друг с дружкой... [и] сбросивши с себя всякую узду, в огне своего желания предаются блуду и всяким мерзостям»¹⁹⁸.

В том, что прокаженным приписывали особенную склонность к блуду, просматривается определенная связь с представлением, что проказа передается через сексуальный контакт с прокаженной женщиной и, мало того, даже с женщиной во время менструации. В обоих случаях мужчина мог заразиться проказой, а ребенок от такой связи был обречен на клеймо «плода от испорченного семени»¹⁹⁹.

Нельзя исключить, что авторы текстов вроде процитированного выше вполне могли обозначать термином *проказа* заболевания, которые, согласно современному определению, называют передающимися половым путем, такие как гонорея или герпес. Впрочем, по меркам того времени было логично ставить эти инфекции в один ряд — слишком уж прочно проказа связывалась с сексуальной распущенностью и слишком большое место занимала среди средневековых страхов.

А риск заразиться проказой при сексе с менструирующей женщиной был связан с представлениями о самой менструации. Согласно теории Галена, менструальная кровь обеспечивала питание зародыша. Персидский врач X века и последователь Галена Али ибн Аль-Аббас Аль-Маджуси (ум. ок. 982) утверждал, что менструальная кровь формирует «печень и другие части плоти, за исключением сердца», которое формируется артериальной кровью²⁰⁰. Однако если женщина не была беременна, менструальная кровь накапливалась как вредоносный гумор. А холодная и влажная гуморальная природа женщин заставляла их выталкивать его.

Ввиду этого менструацию рассматривали как естественное кровопускание, посредством которого женский организм

избавлялся от излишней крови, потому что в противном случае женщина от этой крови могла бы стать порченной. Именно в пагубной природе менструальной крови таилась угроза заразиться проказой через половое сношение. Более того, в менструальной крови также видели причину целого ряда разнообразных бед, в том числе выгорания посевов, помутнения зеркал, а при стечении крайних обстоятельств и смертоубийства либо через прикосновение с ней, либо просто под взглядом менструирующей женщины.

Сколь ни вредоносной считалась менструальная кровь, еще больше тревог и подозрений вызывали женщины, у которых менструация прекратилась. Женщин в менопаузе не считали преодолевшими гуморальный дисбаланс, который обуславливал необходимость менструации. Напротив, считалось, что теперь дурная кровь накапливается у них внутри, потому что они слишком холодны и влажны, чтобы сжигать ее избыток. В итоге они становились настолько отравленными ядом менструальной крови, что могли одним взглядом убить младенца в колыбели. Если мужчина был настолько развращен, что вступал в половые отношения с женщиной в постменопаузе, для которой беременность была невозможна, он рисковал подхватить болезнь или даже внезапно умереть, точно так же, как, совершая акт содомии, рисковал своей бессмертной душой.

Вышеупомянутый Гильом из Конша, один из самых читаемых медицинских авторитетов Средневековья, взял на себя труд разрешить один из самых наболевших вопросов о сексе и проказе: «Почему так происходит, что если прокаженный ложится с женщиной, она не заражается, однако следующий мужчина, кто ляжет с ней, становится прокаженным?». Разгадку он приписывает тому факту, что «самая теплая женщина холоднее самого холодного мужчины. Такое устройство

противостоит заражению... Тем не менее порченная субстанция, проистекшая от соития с прокаженным, остается в матке. Так что когда [второй] мужчина входит в нее, его мужской член... посредством своей притягательной силы привлекает к себе порчу и передает ее прилежащим частям тела»²⁰¹.

В этом рассуждении женская природа обсуждается на нескольких уровнях. Из-за холодной и влажной природы в матке накапливаются вредоносные вещества, которые могут во время секса заражать проказой. Женщина способна даже убивать взглядом, если вредоносные вещества в ней больше не находят выхода. Та же холодная и влажная природа дает женщине невосприимчивость к заразе. В самом деле: способны же они накапливать в себе порченную менструальную кровь, *сами* не заражаясь от нее проказой, разумно предположить, что женщины невосприимчивы и к проказе, если она передана им половым путем.

К счастью для мужчин, которым грозило подцепить проказу из-за сексуальных особенностей женщин, теоретически были кое-какие способы не заразиться. Вот что, например, рекомендовал Джон из Гаддесдена (ок. 1280–1361): «Если желаешь оберечь свой орган от всяческого вреда по причине подозрения, что твоя партнерша заражена, очистишь сразу по выходе из нее омовением холодной водой в смеси с уксусом или с уриной»²⁰². Большинство средневековых мыслителей держались того мнения, что наилучшим способом уберечься от заражения было бы совсем воздерживаться от секса, однако мужчины могли не найти в себе сил устоять перед сладкоголосыми призывами охотившихся за ними похотливых женщин.

Притом что мужчинам предлагались способы уберечься от заражения проказой, я не нашла каких-либо аналогичных медицинских рекомендаций, адресованных женщинам. Вместо этого для женщин предназначались рецепты снадобий на случай генитальных повреждений и гнойничков.

«Тротула» предлагает целых два рецепта таких лекарств, называемых иералогодиан и териак, которые нахваливает как способные «вернуть менструации» и облегчать «лепрозные язвы на коже»²⁰³. Такого рода рецепты намекают на связь между опасностями: задержавшейся в женском организме менструальной кровью и проказой, хотя оба лекарства преподносились также как излечивающие целый ряд заболеваний, в том числе меланхолию, мигрени, а в случае иералогодиана — и одержимость дьяволом.

Сам факт, что в «Тротуле» говорится о лечении симптомов проказы как о чем-то обыденном, скорее всего, указывает на то, что составители соответствующих разделов не сомневались в возможности, если не в неизбежности заражения женщин проказой. Поскольку процесс старения мог естественным путем вызывать эту болезнь, предполагалось, что женщинам нужны были советы, как лечить и облегчать соответствующие симптомы. К счастью, те же мази, которые лечили от мигреней, рекомендовалось применять и против проказы. Судя по всему, женщины все-таки прислушивались к предупреждениям медиков, что их женский организм носит в себе проказу, и в ответ решили делать все возможное, чтобы справиться с болезнью.

Если считалось, что половой контакт с женщиной связан с медицинскими рисками, то женщины, которые *не занимались* сексом, тоже рисковали получить из-за этого всевозможные недуги. Начиная с высокого Средневековья, медики предупреждали о такой напасти, как *suffocatio* или *prefocatio matricis* — «удушьё» матки. Согласно «Тротуле», на «удушьё» матки могли указывать такие симптомы, как потеря аппетита, обмороки, замедленность пульса, сильные судороги, буквально сгибавшие пополам, потеря зрения или голоса, скрежетание зубов и так далее²⁰⁴. Недуг *suffocatio*, сопровождавшийся болезненными симптомами, поражал разных

женщин, но в большей степени вдов, которые привыкли регулярно заниматься сексом, но потом лишились этого из-за кончины партнера, а также девственниц, достигших брачного возраста, но еще не вступивших в брак.

Константин Африканский отмечал, что вдовы и девственницы страдали этим недугом по той причине, что их матки испытывали удушье от «обилия семени или его гниения... [что] случается, когда женщины лишены соитий с мужчиной». Это избыточное женское семя со временем, разлагаясь, становится ядом, который, в свою очередь, превращается в дым и поднимается к диафрагме, удушая матку²⁰⁵. В качестве наилучшего лечения женщинам рекомендовалось найти допустимый по меркам морали выход своим сексуальным потребностям, или, как рекомендовал Джон из Гаддесдена, вступить в брак.

Идея «удушья» матки сама по себе примечательна, поскольку подразумевает, что сексуально неактивная женщина беззащитна перед собственным семенем. У привычных к сексу женщин в случае, когда у их половых чувств не было выхода, вредоносные свойства обращались внутрь на них самих. Обратите внимание, что в обоих случаях женщины по сути своей считались губительными созданиями.

Таким образом, потенциальными жертвами «удушья» матки считалась та часть женщин, которым был недоступен супружеский секс: юные девицы, женщины, принесшие религиозный обет целомудрия, а также вдовы, не желавшие повторно вступать в брак. Правда, им предлагались некоторые способы лечения. «Тротула», например, рекомендовала женщинам снаружи и изнутри растирать влагилице подогретыми ароматическими маслами или мазями, которые должны вызвать менструации. На случай, если желаемого эффекта не наступит, женщине предлагалось ставить в области лобка кровососные банки. В качестве другого варианта рекомендовалось внутренне использовать истолченный пенис лиса или

самца косули посредством пессария²⁰⁶. Джон из Гаддесдена поучал повитух, что они должны обмакнуть пальцы в масло лилии, лавра или спикенарда, затем ввести их во влагалище пациентки и энергично шевелить ими²⁰⁷.

Такого рода медицинские вмешательства подозрительно напоминают сексуальную технику, которую мы с вами назвали бы фингерингом (стимуляцией пальцами). И главное, мы не будем одиноки в этом подозрении, поскольку светоч средневековой медицины Альберт Великий счел нужным прояснить этот щекотливый вопрос в своих комментариях к «Сентенциям» Петра Ломбардского, где высказался так: «Рука, которая оскверняет и развращает, ведет к дряблости или к содомии, а рука лечащая — нет. ... Такая рука не оскверняет и не портит этих женщин, но излечивает их»²⁰⁸. Ввиду особенностей их тела женщинам иногда по медицинским показаниям требовалось, чтобы их «мастурбировали», и в данном случае было крайне важно четко разграничивать медицинское вмешательство и содомию. Ведь для женщины гораздо лучше претерпеть такую манипуляцию, чем искать выход в *настоящей* содомии друг с другом или в «уединенном пороке» мастурбации.

Сексуальное самоудовлетворение

Откровенно сексуальная женская природа, как и предполагаемые риски для здоровья на почве воздержания, порождали страхи, что женщины в любой момент могут заняться самоудовлетворением. Альберт Великий считал, что вожделениям такого рода особенно подвержены достигшие половой зрелости девушки; они склонны предаваться эротическим фантазиям о мужчинах и их гениталиях, а сами в это время «часто с силой теребят себя пальцами или какими-либо иными приспособлениями до тех пор, пока сосуды, будучи расслаблены от жара, вызванного трением и соитием, не приведут

к выделению семенного гумора... и тогда в паху у них все утихомиривается и они делаются более целомудренны»²⁰⁹. Отсюда можно предположить, что мастурбация, по крайней мере среди молодых девушек, расценивалась средневековыми докторами как реакция на медицинскую проблему и телесная потребность. Девушки поступали во многом так же, как медик-профессионал, когда ему требовалось избавить свою пациентку от неудобств избыточного семени. Как мы видим, к вопросу о «сольном сексе» Альберт Великий подходит в основном с клинических позиций и переводит в медицинскую плоскость расхожий афоризм «девочки есть девочки». Раз женщины вечно озабочены сексом и им даже по медицинским показаниям необходимо избавляться от своей спермы, значит, вполне объяснимо, если не сказать похвально, что при крайней нужде они прибегают к мастурбации.

Зато богословы не слишком торопились извинять такие половые непотребства. Многие утверждали, что необходимо пресекать две скверны, под которыми подразумевали то, что сегодня называется мастурбацией, и лесбийский секс. А все потому, что средневековое сознание, особенно в размышлениях о женской сексуальности, обычно связывало секс между двумя женщинами и самоудовлетворение. Так, в VII веке епископ Феодор Кентерберийский (602–690) записал в «Покаянной книге Феодора» следующее:

12. Если женщина совершает грех с женщиной, надлежит наложить на нее епитимью продолжительностью в три года.
13. Если она практикует уединенный грех, надлежит наложить на нее епитимью такой же продолжительности.
14. На вдову и на девицу накладывается одинаковая епитимья. Если блудодеяние совершила та, у коей есть муж, она заслуживает большего наказания²¹⁰.

Как мы видим, Феодор не делал различия между женщинами, совершавшими блуд друг с другом, и теми, кто сексуально самоудовлетворялся, однако определенно считал, что грех тяжелее, если женщина, имея надлежащий источник сексуального удовлетворения — мужа, предпочитает пренебречь им ради запретного деяния.

Точно так же Бурхард Вормсский в своем «Декрете» подталкивает священников на исповеди спрашивать женщин, пользовались ли они straponом для секса с другой женщиной и применялся ли он к ним. Как за это наказывали? «Покаянием в продолжение пяти лет по законным святым дням». А на женщину, признавшуюся, что она мастурбировала, накладывалось покаяние «в один год по законным святым дням»²¹¹. Для Бурхарда очевидно, что секс между двумя женщинами и секс женщины с самой собой представляют собой грехи одного порядка, однако секс между двумя женщинами, на его взгляд, заслуживал более сурового наказания как грех большей тяжести.

Отнесение лесбийского секса и мастурбации к одной категории, по всей видимости, строилось на представлении, что оба деяния проистекают от чрезмерной сексуальной озабоченности женщин вместе с отсутствием возможности удовлетворять сексуальные желания в браке. Однако лесбийский секс, как и женская мастурбация, в отличие от секса с мужчиной, просто не считались сексом как таковым. Во многих богословских аргументах лесбийский секс преподносился как вопрос злоупотребления сторонними предметами в погоне за сексуальным наслаждением. Архиепископа Реймского Хинкмара (806–882) настораживало введение внутрь объектов, призванных служить заменой пенису²¹². Даже если женщина в этот момент была с партнером, такой секс все равно трактовался как мастурбация и прегрешение против «собственного тела».

Как же тяжело давалось понимание «сольного», равно как и лесбийского секса в системе взглядов, которая определяла секс как соитие разнополой пары, происходящее в миссионерской позе. Альберт Великий, который в своих рассуждениях о женской мастурбации больше упоминал «натираание пальцами», нежели введение внутрь посторонних предметов, и тот настаивал, что во время этого акта девушки «воображают себе укромные части мужчин». Подразумевалось, что если у женщин есть такая возможность, то они всегда предпочтут секс с мужчиной, но в кризисной ситуации обойдутся как смогут. А подразумевало ли это самоудовлетворение или секс с другой женщиной, всякий мог толковать по-своему.

Любовная ворожба

Притом что чрезмерное любострастие женской природы таило угрозу либо для института брака, либо для здоровья мужчин, либо для здоровья самих женщин, если их похоть не находила выхода, были и те, кого тревожило, как бы повышенная сексуальная озабоченность не толкнула женщин на ворожбу. Бурхард наставлял священников вопрошать всякую женщину, не позволяла ли она себе, дабы сильнее разжечь в супруге любовную страсть, «брать живую рыбу, вкладывать себе во влагище и держать там, пока рыба не испустит дух, а потом варить или жарить оную рыбу и кормить ею супруга»? За такое прегрешение женщине причитались «два года покаяния в назначенные постные дни»²¹³.

По правде говоря, не очень-то верится, что средневековые женщины действительно засовывали себе во влагище живую рыбу и по ее издыханию приготавливали из нее кушанье для дорогого муженька. Совсем этого исключить нельзя, но в целом очень маловероятно, чтобы женщины проделывали такое, как бы ни были обделены сексуальной жизнью. Однако реальное положение вещей значило меньше, чем убежденность

Бурхарда, что женщины еще и не на такое способны, и его опасения по этому поводу были настолько серьезными, что он предписывал священникам учинять прихожанкам допрос по этому поводу. Пусть женщины настолько охочи до секса, что не преминут удушить рыбку в своих гениталиях, если это сулит им любовные утехы побольше и покачественнее, — с этим еще можно было как-то примириться. Но совсем другое дело, что ради этого они готовы обратиться к темной воле, рискуя погубить свою душу.

Попытки вмешательства в ход вещей явленной вселенной посредством колдовских заклинаний вызывали тревогу у богословов. В целом они полагали, что тот, кто осмелился вмешаться в божественный, то есть естественный порядок мира, не иначе как прибегнул к дьявольским средствам. Они принимали как должное множество природных чудес (например, электрических угрей или магниты), однако им надлежало рассудить, как действует магическое заклинание, и они не жалели чернил на пространные схоластические аргументы, доказывающие или опровергающие, что свершившееся могло быть достигнуто через ангельское заступничество. Крупным переменам по воле божественного провидения приписывали природу чудес, и они не могли свершаться под действием заклинаний. Однако если что-то в естественном ходе вещей менялось, чтобы поспособствовать сексу, сразу возникали подозрения, что это женщины призвали на помощь демонические силы. Сексуальность этих женщин несла угрозу не только их собственным душам, но и душам всех людей, кто состоял с ними в одной общине. В конце концов, силы ада, как во многом и женщины, редко когда удовлетворятся достигнутым.

Бурхарда тревожило, что о дьявольских заклинаниях могли прознать и остальные члены общины. Ведь женщины по самой своей природе склонны сплетничать и разносить слухи, а учитывая их непомерное вожделение и влияние сил

зла, стоящее за всяким любовным приворотом, не приходилось сомневаться, что женщины с кем-нибудь да поделаются запретным знанием. До женщин наверняка доходили слухи, что при помощи бобов можно извести мужскую силу или, например, усилить любовную страсть при помощи богомерзких рецептов с засунутой кое-куда рыбой.

Даже если оставить в стороне подозрения в ворожбе, бого-словы чувствовали, что женская сексуальность не чужда демонического свойства. И потому нередко обвиняли женщин в том, что те околдовывают или привораживают мужчин чарами своей чувственности. Францисканский святой по имени Джерардо Каньоли (ок. 1267–1342) прославился способностью творить чудеса, за которые впоследствии удостоился посмертной канонизации. Одно из чудес состояло в умении изгонять любовную страсть из одержимых мужчин, «которых приворожила какая-нибудь дурная женщина». Так, к нему пришла одна мать с рассказом, что ее двадцатидесятилетнего сына «приворожила и сманила из дому женщина, изменявшая своему мужу». Мать молила его вмешаться и поклялась, что босой совершит паломничество в Пизу, если Бог вызволит ее сыночка, как она выразилась, из «дьяволовых силков»²¹⁴. Если вкратце, то Джерардо не подвел и сын той женщины смог избавиться от любовного вожделения, наведенного приворожившей его женщиной.

Точно так же святую Бригитту Шведскую (ок. 1303–1373) однажды призвали, чтобы попросить у нее заступничества за священника, привороженного чарами одной колдуньи и «сгоравшего как в огне от плотских соблазнов, да так, что всяких иных помыслов лишился, кроме грязных плотских вожделений». Он умолял Бригитту дать ему силы противостоять соблазну той женщины. Бригитта принялась горячо молиться за священника, и история закончилась тем, что развратная колдунья «схватила нож и взрезала им свой пах, истощно вопя всем, кто ее слышал, “Приди, мой Дьявол, и ступай

за мной”. И с этим нечестивым призывом на устах испустила дух в окаянстве»²¹⁵.

Излечение женщины от любовной лихорадки

Гравюра 1586 г., иллюстрирующая трактат Галена

В обоих примерах колдовские чары, способные помрачить мужские умы, и в одном из них — способные увлечь добродетельного мужчину на путь греха, исходили от дьявола, однако их проводником выступала женская похоть. В этих двух историях обращает на себя внимание совершенное безразличие к самой женщине, которая теоретически сама могла пасть жертвой дьявольских происков. Напротив, и действия целителей, и все сочувствие окружающих направлялись исключительно на «жертв» — мужчин, восплавленных любовной страстью к приворожившим их чародейкам. Никого не заботило, смогли бы героини подобных историй как-нибудь исправить свою жизнь, а в примере с Бригиттой шведской ужасная смерть женщины-колдуньи только приветствовалась. Общий посыл не вызывает сомнений: женская сексуальность считалась демонической силой, и чтобы устоять против нее,

мужчинам приходилось прибегать к божественному заступничеству. Мужчины не несли ответственности за любовное наваждение и дьявольскую одержимость любовной страстью. Зато ее несли женщины. Они сами призывали на свои головы проклятие и навлекали его на взрослых мужчин, которые, очевидно, всё еще нуждались в материнской защите.

В конце XV века будоражившие общество тревоги по поводу интереса женщин к черной магии и их демонической сексуальности достигли кульминации. Страхи перед колдовством нашли отражение в трактате по демонологии и методам охоты на ведьм, которое называлось «Молот Ведьм» (*Malleus Maleficarum*). Принадлежавший авторству по крайней мере одного обеспокоенного распространением ведовства инквизитора Генриха Крамера (ок. 1430–1505), «Молот» должен был содержать аргументы в пользу существования колдовства и стать практическим руководством по его искоренению²¹⁶. На случай, если читателей «Молота ведьм» вдруг заинтересовал бы вопрос, зачем нужна такая книга, у автора был готовый ответ: женская сексуальность.

В «Молоте ведьм» есть глава с названием «О ведьмах, предающихся демонам. Почему женщины более склонны к колдовству?»²¹⁷. В ней приводится множество причин этой приверженности, являющих собой парад типичных средневековых убеждений о женщинах: они и легковерны, и «скорее подвержены воздействию со стороны духов», и «язык [их] болтлив. Всё, что они узнают с помощью чар, они передают подругам. Так как их силы невелики, то они жаждут отмщения за обиды с помощью колдовства» ... «они более рьяно ищут, выдумывают и выполняют свою месть с помощью чар или иными способами... Подведем итоги: всё совершается у них из ненасытности к плотским наслаждениям»²¹⁸. Сколько бы ни было у женщин недостатков, главный состоял в их похотливости, поскольку указывал на то, что они легко поддаются

соблазну дьяволом и потому служат проводниками демонической магии.

Согласно «Молоту», ведьмы приобретали колдовскую власть, заключая демонический договор с дьяволом, который скреплялся их плотским соитием. Затем ведьмы совершали колдовские обряды, чаще всего это были привороты, воспаляющие сильную любовь, отвороты от любовных отношений и секса или заговоры на неспособность к деторождению, последнее — в случае когда ведьмы зажигались ревностью из-за того, что желанный мужчина вступал в любовные отношения с другой женщиной. В «Молоте» обсуждались животрепещущие темы, например могут ли ведьмы предотвращать зачатие или препятствовать чьим-то занятиям сексом; правда ли, что ведьмы, подвизавшиеся повитухами, делают аборт или передают новорожденных младенцев дьяволу; способны ли ведьмы создавать иллюзию, что от мужских тел отделяются половые члены и исчезают неведомо куда.

Это последнее заклятие поражало только мужчину, на которого было направлено, и ему казалось, будто его член исчез. При этом все остальные люди могли видеть, что у этого мужчины пенис находится на положенном месте, зато сам он не мог ни видеть, ни использовать его. А тем временем якобы исчезнувший член мог появляться в других местах к удовольствию ведьм, «которые такие члены в большом количестве, до двадцати или тридцати членов зараз, скрывают в птичьем гнезде или ящике, где они движутся, как живые, и принимают пищу»²¹⁹. Заклинание срабатывало через наведенный ведьмой обман чувств, но настолько мощный, что смятенные мужчины, как говорила молва, обращались за советом к Церкви и без стеснения спускали штаны, чтобы показать, что их члена нет на положенном месте.

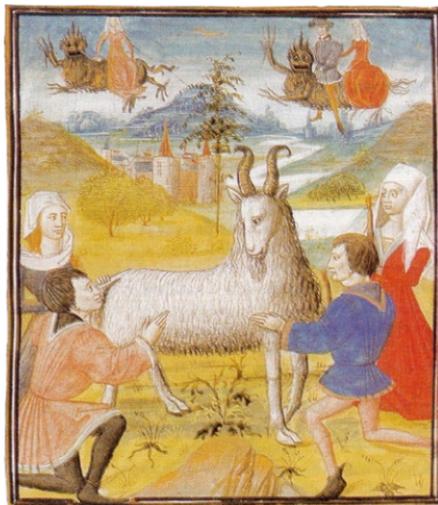
Далее в «Молоте» рассказывалось, как ведьмы препятствуют эрекции, и они могли это делать по той причине, что секс

ведет к греховности²²⁰. Приписываемые ведьмам способности намекают, что в Средние века и раннее Новое время люди с большой настороженностью воспринимали все, что касалось секса. Богословы держались общего мнения, что секс дозволителен, когда происходит в должном контексте, чтобы способствовать продолжению человеческого рода. Но даже при этом занятия сексом представлялись чем-то сомнительным. Идеальный христианин полностью должен был воздерживаться от секса, поэтому Бог время от времени все же допускал легкую сексуальную неудовлетворенность плоти, чтобы донести до людей суть своего замысла.

Но что еще ужаснее, чем украденные пенисы и исчезнувшие эрекции, предупреждал «Молот», так это то, что ведьмы, какого бы возраста они ни были, утоляли свою похоть друг с другом, а также с особами могущественными и влиятельными. Совратив законодателей и даже церковников, ведьмы приобретали способность повелевать ими, чтобы получить себе защиту или занять более высокое положение в обществе. От этих тайных, замешанных на сексе политических союзов рождалась «великая опасность», а именно «уничтожение веры»²²¹. Женская сексуальность была не просто чем-то избыточным и неприглядным. В ней заключалась сверхъестественная угроза самой ткани христианского мира и всякой надежде на справедливое правление.

Если все это кажется нам сегодня претенциозным бредом, то точно так же «Молот ведьм» восприняли и его первые читатели. Они в основном потешались над уверениями Крамера, что ведьмы существуют и что это католический догмат, а значит, просто необходимо было написать эту книгу²²². Не сказать, чтобы средневековые люди совсем не верили в занятия женщин чародейством, что следует из «Декрета» Бурхарда. Скорее, Крамер ловко и незаметно подменил тип творимого женщинами колдовства.

В X–XI веках Бурхард старался разубедить женщин в их суеверии, что будто бы ведьмы ночами летают по воздуху и участвуют в *шабашах* — полуночных сходках, на которых встречаются с демонами и друг с другом. Крамер, в отличие от Бурхарда, напрямую заявлял: «Итак, то, что ведьмы могут летать телесно, доказывается различными способами»²²³. И потому «Молот» призывал читателей принять то, что женщины действительно способны к такому чародейству, как перемещения по воздуху; и вообще, они не просто перенимают колдовские обряды где угодно и от кого угодно, подвываясь своей женской природе и страсти к темным слухам, нет, они по собственной воле вступают в плотские договоры с дьяволом. Иными словами, люди Средневековья верили, что женщины питают склонность к различной ворожбе и пользуются ею для удовлетворения своих похотливых желаний. Позиции Бурхарда и Крамера различались тем, как они оценивали масштабы бедствия и правдоподобность всего того, что рассказывали о заподозренных в ведовстве женщинах отдельные люди.

Шабаш

Миниатюра 1460 г.

Большинство современников Крамера считали, что он хватил через край своими утверждениями, что ведьмы кишат везде и повсеместно, и потому не желали верить ему. В 1484 году этот деятельный инквизитор развернул в Тироле судебное преследование ведьм, однако суды все как один проиграл. Раздосадованный нелепыми выходками Крамера, местный епископ попросил его покинуть Инсбрук, потому что в городе разгорался скандал. Крамеру грозили неприятности с законом и обвинения в том, что некую Хелену Шойберн, обвиненную им в ведовстве, он притащил в суд только из-за своего навязчивого интереса к ее половой жизни. Когда три года спустя он сочинил свой, так сказать, *magnum opus*, некоторые расценили это как апологию его провалившихся дел против ведьм и попытку сохранить лицо. При первой публикации большинство читателей сочли «Молот ведьм» смехотворным, а его утверждения недоказуемыми. Но Крамер продолжал отстаивать свою точку зрения, и его книга малопомалу начала приобретать популярность.

Ко второй половине XVI века на смену сомнениям по поводу «Молота ведьм», тревожившим современников Крамера, пришло принятие. Его книга уже представлялась основательным трудом, учитывая ее объемность и широкое хождение, а злоключения самого Крамера на поприще ведьмовства начисто забылись. Народившийся класс будущих охотников на ведьм усвоил идеи «Молота» и принял их за руководство к действию, что дало начало массовому преследованию ведьм и колдунов, которое позже назовут ведьмоманией XVII века. Притом что «Молот» представлял собой едва ли не самый исчерпывающий труд на темы пагубности женщин, колдовства и сексуальности, его основу составили воззрения на сексуальность вообще и на женскую сексуальность в частности, которые формировались на протяжении более чем тысячи лет. Представления о том, что женщины занимаются ворожбой,

к тому же со специфическим сексуальным оттенком, были в средневековом сознании общепризнанны. Новшество «Молота» состояло в том, что его автор придал причудливым средневековым фантазиям современный лоск. Книга сообщала читателям, что женская любовная магия носит *организованный* характер. Что ведьмы сознательно путались с демонами и вместе летали на *шабаши*, где совокупно предавались непотребствам. Что это целое сообщество, и положить конец его бесчинствам следовало не в личном порядке во время исповедей, а поднявшись на борьбу всей Церковью.

Еще одно новшество, введенное «Молотом» и позже подхваченное охотниками на ведьм, предлагало применять к ведьмам физическое насилие. Так, в качестве одного из методов излечения от ведовства «Молот» рекомендовал «накинуть [ей] на шею полотенце и душить», пока «лицо не распухнет и не посинеет»²²⁴. По всей видимости, подобное насилие действительно принуждало ведьм возвращать мужчинам их половые члены, иллюзию исчезновения которых они умели наводить. А теперь сравните это средство с предшествующими наказаниями заподозренных в колдовстве женщин с помощью увещаний, поста и покаяния. Схожим оставалось лишь то, что именно на мужчин возлагалась обязанность бороться с ведьмами, и желательно до того, как эти грешные женщины нанесут урон мужским телам, доброму имени их рода, их душам и обществу в целом. Однако со временем вместо того, чтобы в обществе крепла уверенность в невозможности и неправдоподобности самой мысли, что женщины способны сблизиться с нечистой силой, среди мужской его части во многих отношениях крепло более враждебное и более жестокое отношение к женщинам, которое даже получило организованную форму.

Как жить

По большому счету, понятие «женщина и работа» современным обществом воспринимается как новое явление. До начала XX века, говорят нам, женщины не принимали участия в экономической жизни своего домохозяйства, по крайней мере не приносили в дом денег. В прошлые времена жизнь женщин протекала в пределах их дома, в заботах о домочадцах, а работой вне дома они либо не интересовались, либо их к ней попросту не допускали. И лишь в наши дни женщины пытаются «ворваться» в профессиональный мир и, как принято выражаться, «пробить стеклянный потолок», ограничивающий их профессиональные перспективы.

Все это вздор. Будьте уверены, что растить детей и вести дом — это изнурительная и неблагодарная работа. Всякий, кто когда-либо приглядывал за несколькими детьми и при этом старался выполнять все свои домашние обязанности, подтвердит вам, что это не тот род занятий, чтобы предаваться ему для развлечения. Домашний труд как в прошлом, так и сейчас требует много усилий и довольно тяжел, не зря же все состоятельные люди нанимают прислугу и перекладывают на ее плечи все, какие только можно, обязанности по дому. Справедливости ради отмечу, что труд по дому — это было то главное, что средневековое европейское общество ожидало от женщин. Женщинам надлежало выйти замуж. Надлежало стать матерями. Надлежало заботиться о детях и заниматься домоводством. Однако представления о женщинах и работе не ограничивались пределами домашнего очага.

В широком смысле женщины всегда были частью мировой экономики. И женский труд в досовременном мире был явлением повсеместным. Средневековый человек поднял бы нас на смех, заяви мы ему, что женщины его времени существовали в изоляции домашнего пузыря, начисто отрезанные от реалий труда и работы. В Средневековье женщины всех классов трудились и, более того, от них этого ожидали.

Работа средневековых женщин определялась их сословной принадлежностью и местом рождения. В сельской местности они, вероятнее всего, занимались крестьянским трудом или подсобной работой, если происходили из низов, а дочери из благородных семейств отправлялись служить при дворе крупного сеньора фрейлинами или даже домоправительницами. Что касается городов, то здесь женщины находили себе применение во множестве профессий, начиная с тяжелого труда прачки и перемененно прибыльных занятий пивоварением или хлебопечением и заканчивая почтенными цеховыми ремеслами. Женщины из высших слоев общества тоже

работали на придворной службе у сиятельных особ, в том числе королевских, а иногда выполняли поручения по дипломатической части и участвовали в важных церемониях. Между тем другие женщины желали посвятить себя религии и постригались в монахини или вступали в религиозные светские общины наподобие бегинок*, где тоже не ограничивались одними только молитвами и трудились.

Женщины пекут хлеб

Миниатюра из календаря. Середина XIII в.

Эта глава призвана пролить свет на трудовую жизнь средневековых женщин, чтобы мы лучше понимали, как жило Средневековье и кто делал всю необходимую для общества работу. Она объяснит, как был устроен производительный труд во времена, предшествовавшие появлению крупномасштабных отраслей, а затем мы вместе порассуждаем о том, что

* Бегинки (лат. *beguine, beguinae*) — религиозное движение, возникшее в средневековой Европе в XII веке и просуществовавшее до Французской революции 1789 года. *Прим. пер.*

считать работой. Большинство структур общества, которые мы сегодня воспринимаем как данность, на самом деле появились недавно, чего никак не скажешь о нашей готовности не замечать женский труд как нечто маловажное только потому, что им занимаются женщины.

Материнство и брак

Одну из причин, почему нам так не хочется признавать в средневековых женщинах работниц, занятых производительным трудом, подсказывает нам сама средневековая эпоха, отводившая женщинам, строго говоря, две роли — жены и, самое главное, матери. Всякая девушка, какое бы место в обществе она ни занимала, большую часть времени только и делала, что готовилась к своей будущей роли жены и матери в семье мужа. Родители делали все возможное, чтобы достойно воспитать свою дочь и не позволить ей стать «горькой досадой для нареченного», как выразился один из Отцов Церкви богослов Иоанн Златоуст (347–407)²²⁵. Именно поэтому, если в родительском доме незамужняя девица, например, получала образование, это во многом считалось инвестицией в ее ценность как предполагаемой невесты. Из хорошо образованных молодых женщин получались хорошие матери, поскольку в дальнейшем они могли сами обучать своих детей, как мы увидим дальше. От них также ожидалось, что они будут вести собственное домохозяйство, и это предполагало, что среди их качеств необходима некоторая финансовая хватка, а если под их управлением будет крупное поместье, то им еще предстояло распорядиться многочисленным штатом прислуги и работников. Так что образование средневековым девушкам давали не из одного только альтруизма, чтобы развить ее ум ради ее собственного блага. Скорее, это была просчитанная маркетинговая стратегия и способ подчеркнуть ее достоинства как прекрасной будущей матери.

Особенное внимание к материнству и рождению потомства объясняется рядом причин. Как отмечалось в главе 3, для богатых сословий рождение законных наследников означало гарантию, что накопленное родовое богатство перейдет следующему поколению и послужит защите его интересов. Бедные семьи заводили детей не обязательно ради сбережения семейной собственности, а больше чтобы вырастить помощников по хозяйству. В аграрном обществе лишний работник в поле или на ферме всегда был необходим, и особенно если ему не надо было платить за труд. Впрочем, независимо от того, желали вы детей ради передачи наследства или ради помощи на ферме, вам предстояло преодолеть серьезную преграду — детскую смертность. Уровень детской смертности был чрезвычайно высок, причем не только в глухом Средневековье, но и фактически до начала XX века. По самым скромным оценкам, в возрасте до семи лет умирали от 20% до 30% детей, хотя некоторые источники называют цифру в 50%. И следовательно, чтобы произвести жизнеспособных наследников, семьям приходилось рожать детей в куда больших количествах, чем мы привыкли сегодня.

Производя на свет наследников, сколько их ни требовал супруг для продолжения рода, женщины подвергали свою жизнь реальной опасности, которая, впрочем, составляла неременный атрибут их положения и звания замужних женщин. В так называемом «Письме о святой девственности» (Hali Meidhad), написанном в одном из центральных графств Англии, признавались боль, опасности, тревоги и горести матерей: «вынашивание [ребенка] сопряжено с отяжелением и постоянным неудобством; рождение ребенка сопряжено с болью, самой жестокой из всех, а иногда и со смертью; воспитание его сопряжено со многими часами утомления... Бога ради, женщина, ... избегай этого превыше всех прочих вещей во имя чистоты своей плоти, во спасение своего тела и ради своего физического

здоровья»²²⁶. Таким образом, средневековые авторы не обходили вниманием опасности и боль — настоящий *труд** деторождения и выкармливания младенцев. Материнство было *работой*, которую должны были выполнять средневековые женщины, и эта работа выжимала из них силы.

Новобрачные

Картина неизвестного художника. Ок. 1470 г.

Помимо рождения и воспитания детей само по себе положение жены предполагало выполнение определенного рода работ. Согласно Иерониму Стридонскому, «мужчины вступают в брак для того, чтобы кто-то вел домашнее хозяйство, утешал в болезни и помогал избежать одиночества»²²⁷. То же говорится в «Письме о святой девственности», автор которого прямо оспаривает идею о том, что женщины приобретают благо, отдавая себя во власть брака и материнства. Когда

* В английском языке понятие «роды» обозначается тем же словом, что и понятие «труд» — *labour*. Прим. пер.

послушные будущие жены утверждают, что мужчина с его силой необходим как помощник в трудах и добытчик пропитания, а также что сам брак и несколько здоровых детишек способствуют богатству, «Письмо» возражает, что такое представление о замужестве намеренно вводит женщин в заблуждение и что за каждое преимущество, которое дает брак и материнство, женщине приходится платить слишком высокую цену. Для женщины замужество, настаивает «Письмо», означает не двоих в одной упряжке и не семейные радости, а «рабское услужение мужчине»²²⁸. Сколько ни приукрашивай брак, это никакой не любовный союз, а настоящий контракт, и заключая его, женщины подписываются на жизнь, полную изматывающего материнского труда, равно как и на работу наряду со своими мужьями, за которую не воздастся им и словечка благодарности в анналах истории.

Каждая средневековая женщина, запись о которой есть в исторических документах, упоминается там только как член какой-либо семьи или «жена такого-то мужа». При этом жене

Адам и Ева трудятся после изгнания из Рая

Миниатюра. Между 1485 и 1509 гг.

предстояло стать мужу помощницей во всех делах и разделять с ним труды. Даже когда женщины внимали призывам Церкви и отвращались от материнства, чтобы посвятить себя Богу, в конечном итоге они убеждались, что монашеская жизнь тоже полна трудов. Точно так же одиноким мирянкам приходилось трудиться, чтобы обеспечивать себя, и общество специально находило работу для таких женщин, которые по каким-либо причинам не состояли в семейном домохозяйстве. Все эти женщины заслуживают называться работающими.

Крестьянство

Говоря о труде в средневековом обществе, мы в первую очередь говорим о крестьянстве. Большую часть средневекового населения составляли крестьяне, иными словами фермеры, трудившиеся на небольшом участке земли, который они арендовали или которым обладали как собственностью. В Средние века до 85% населения Европы составляли именно крестьяне. Над большинством из них стояли землевладельцы, чаще всего местная знать или духовенство.

Подавляющее большинство крестьян — примерно 75% всего населения — находились в зависимости от своего господина. Они были закреплены за земельным владением и рассматривались как его неотделимая часть. Сервы обязаны были оставаться на земле, принадлежавшей их сеньору, — им запрещалось по собственной воле переселяться на другое место. В случае ряда жизненных событий, например когда они вступали в брак или наследовали землю, им полагалось вносить сеньору определенную плату. Многие сервы были обязаны использовать в своем труде только принадлежавшие сеньору средства производства, например мельницы.

В этой системе собственности женщины тоже иногда притязали на участок земли, закрепленный напрямую за ними,

но не так часто, как мужчины. В средневековый период по всей Европе действовало несколько систем наследования: майорат, или право старшего сына наследовать все имущество; минорат, или право младшего сына наследовать все, что традиционно принадлежало семье, включая земли, тогда как старший сын наследовал только то, что было приобретено его родителями. Иными словами, несколько правовых механизмов лишали женщин права наследовать землю, на которой они родились и выросли. Другое дело, когда в семье не было сыновей: тогда наследниками родителей становились дочери — если дочерей было несколько, наследственные земли поровну разделялись между ними, а единственная дочь, соответственно, наследовала все имущество родителей.

В некоторых случаях женщины могли владеть землей еще до замужества или получения наследства. Так, жительница английской деревни Бриджсток Кристина Пенифейдер задолго до своего замужества в 1317 году несколько раз получала в дар от отца участки земли — в 1313, 1314 и 1316 годах²²⁹. Кроме того, дочери иногда получали от родителей землю в качестве приданого, и тогда земля переходила в их собственность после замужества — и нередко с прямым указанием, что данная земля принадлежит ей на правах неотчуждаемой собственности, какие бы пожелания ни высказывал на этот счет ее супруг. Как бы там ни было, передача земли дочерям составляла до четверти всех производившихся в Бриджстоке земельных операций. Пускай дочерям земельные участки доставались намного реже, чем сыновьям, за счет наследования, крепостные крестьяне тем не менее считали нужным позаботиться и о дочерях, чтобы те были в безопасности и владели землей, которая обеспечивала бы их²³⁰.

В любом случае, когда женщина желала продать принадлежавшую ей землю, неважно, полученную в дар или унаследованную, она должна была засвидетельствовать, что делает это

по доброй воле. Это правило, увы, не исключало принуждения со стороны мужей, но по крайней мере оно показывает, что женщины действительно могли хоть как-то участвовать в решениях относительно принадлежавшей им земли. Более того, такими землями чаще всего управляли мужья этих женщин, так что они выступали лишь номинальными владелицами и необязательно распоряжались своей землей по собственному усмотрению.

Мужчина и женщина работают в поле

Миниатюра из Часослова королевы Изабеллы Кастильской.

Ок. 1500 г.

На крепостных крестьянок распространялись те же обязательства, что и на любого другого держателя земли. В дошедшей до нас податной ведомости XIII века приводятся ежегодные платежи, которые были уплачены 18 сервами деревни Элзуолтон их помещику, настоятелю аббатства Питерсборо, и там среди прочих числятся «Эмма в Пертре ... [и] Эда, вдова Ральфа». Еще шесть женщин, все вдовы, выполняли те же обязательства по уплате податей со своих домов и мелких ферм²³¹. Ведомость показывает, что, как правило, женщины выступали субъектами уплаты податей землевладельцам,

когда становились вдовами. Среди перечисленных в ведомости крепостных, кто владел земельным участком, по всей видимости, одна только Эмма в Пертре не состояла в каких-либо правоотношениях с мужчиной. Таким образом, хотя крепостные крестьянки необязательно выступали собственницами земли от своего имени, такое определенно было возможным и, похоже, не вызывало нареканий у их землевладельцев.

Так же как крестьяне, так и крестьянки могли быть вольными. При том что сервы составляли подавляющее большинство населения, занятого в сельском хозяйстве, около десяти процентов всего населения средневековой Европы составляли вольные крестьяне. Они владели землей, с которой могли поступать более или менее по своему усмотрению. Вольная крестьянка вполне могла вести фермерское хозяйство на собственной земле и не быть обремененной обязательствами, какие были у сервов. Ничто не препятствовало ей, если она того хотела, продать свой участок и переселиться в какое-нибудь другое место. Но как ни манил своими возможностями город, вольная крестьянка не спешила отказываться от хорошего участка земли, в особенности если он располагался рядом с землей мужа. Учитывая эти преимущества, вольные крестьяне в большинстве своем оставались работать на своих землях, так как здесь у них было меньше ограничений и правовых обязательств.

Сельское хозяйство Средневековья строилось по так называемой системе открытых полей. У большинства сеньоров в собственности было два-три огромных поля, пастбищные земли и нередко кое-какие лесные угодья, рыболовные или мельничные пруды. В этой системе землепользования сервам выделялись в надел длинные полосы от края до края поля. Эти полосы назывались по-разному, в Англии, например, их называли *селионами*. В период высокого и позднего Средневековья, особенно в Северной Европе, крестьяне придерживались трехпольной системы, то есть делили свой

селион на три участка. Один осенью засевали ячменем, рожью или пшеницей, второй оставляли невспаханным (под паром), позволяя ему зарастать сорняками и используя под пастбище для своего скота, а третий весной засевали бобовыми, овсом или тем же ячменем. На следующий год назначение участков менялось. Зерновые злаки сильно истощали почву, тогда как бобовые обогащали ее азотом. Если следом за посадками бобовых участков на год оставляли под паром, почва еще больше обогащалась, удобренная навозом пасшегося скота, и на следующий год была готова для посева зерновых. Трехпольная система позволяла оградить крестьян от бедствий недорода, поскольку на одном участке всегда можно было ожидать урожая.

Владела крестьянка собственной землей или нет, она все равно трудилась в своем хозяйстве. Конечно, крестьяне в первую очередь работали, чтобы прокормить самих себя, но нередко производили что-то в избытке, и не только для того, чтобы уплатить положенный оброк своему сеньору, но и для продажи. Такая система позволяла крестьянам — будь они вольными или нет — жить в достатке или даже богатеть. Например, в XIII веке в сельской местности Хейлсоуэн в Англии проживало 174 крестьянских семьи, из них примерно 40 (23%) были богаты, 64 (37%) — зажиточны и по уровню жизни примерно соответствовали современному среднему классу, а остальные 70 семейств (40%) жили в бедности²³². Так что шансы на жизнь без лишений были невелики, но все-таки они были, и были выше, чем шансы впасть в бедность. Просто бедных было больше, чем тех, кто занимал среднюю или высшую ступеньки социальной лестницы. И потому, говоря о крестьянах, мы не должны торопиться с выводом, что они жили в нищете. Пусть они много и тяжело трудились, чтобы обеспечить себя, однако жить могли вполне небедной жизнью.

Сельский труд женщин

Независимо от того, были ли крестьяне бедными или зажиточными, жизнь заставляла их много трудиться, причем их труд необязательно разделялся на мужской и женский. При таких огромных объемах работы не было смысла четко разделять труд. Когда требовалось что-то сделать, к работе подключались все, кто был свободен и способен помогать. Взять хотя бы такую непростую задачу, как сбор урожая, — здесь нужны были все свободные руки, неважно, мужские или женские. Работы, требовавшие грубой силы, например управление упряжкой быков, а позже лошадей при вспашке поля, обычно поручались мужчинам, однако выполнять ее случалось и женщинам. Существовали и работы, которые считали по большей части женскими.

Январь

Миниатюра из Часослова

Март

Миниатюра из Часослова Лаудомии Медичи

В нашем распоряжении есть много способов узнать, какие работы производились в фермерских хозяйствах, однако один из самых приятных — рассматривать распространенные в Средневековье циклы иллюстраций «времен года» или «трудов по месяцам», поскольку они дают прекрасное представление о том, что и в какие месяцы делали крестьяне. Можно обратиться к рукописям, каменным барельефам в Шартрском соборе, к скульптурным группам фонтанов в Перудже, к витражам в Нотр-Дам-де-Пари и в базилике Сен-Дени. Все эти произведения идеализированно изображают различные сцены из жизни: часть из них посвящена знати, но в большинстве своем они показывают крестьян за работой.

Январь отводился под праздники, учитывая суровую погоду, не располагавшую к полевым работам. На этот месяц приходились и большинство дат христианского литургического календаря, хотя даже в дни праздников кто-то должен был таскать дрова для очага, а также кормить и ухаживать за домашними животными. Картины февраля чаще всего изображают, как крестьяне согреваются у очага, продрогшие

Июнь

Миниатюра из Часослова Дюнуа

после того, как натаскали дрова или задали корм скотине. В марте обрезали деревья, крестьяне вспахивали поля и готовили землю к посевам. Апрельские картины изображали, как крестьяне засевают поля или выгоняют на пастбища скотину, а знатные господа и дамы тем временем собирают в полях цветы и любезничают друг с другом. В мае знать отправлялась на соколиную или псовую охоту. В июне начинался сенокос; в июле и августе — сбор урожая пшеницы, тогда как в некоторых вариантах июль представлен также картинами с изображением стрижки овец. В сентябре собирали виноград и делали вино. В октябре поля вспахивали под посадку

Декабрь

Миниатюра из Часослова Спинолы

озимых культур, например пшеницы. В ноябре обрабатывали лен, а свиней в лесах откармливали желудями. В декабре их резали. Во всех этих календарных циклах неизменно присутствуют женщины, они трудятся наряду с мужчинами и вносят свой вклад в благополучие семейного хозяйства.

Здесь женщин обычно можно воспринимать как помощниц и напарниц мужчин, за исключением сцен, где они все вместе работают на богатых. Но даже если женщины регулярно появляются в календарных циклах «Времена года», в сценах, где изображен всего один работник, им неизменно бывает мужчина. Причина в том, что эти иллюстрации отражали идеализированные представления о сельском труде, в котором главной рабочей силой всегда был мужчина, а женщины не соответствовали стереотипному или архетипическому образу крестьянина, неважно, сколько бы сена они ни застогивали и сколько бы овечьей шерсти ни настригли. Женщина воспринималась просто как приложение к мужчине.

Состоятельные крестьянки обычно нанимали себе в помощь служанку или поденщицу. Служанка смотрела за курами-несушками, кормила домашнюю птицу и собак. Она также выхаживала и выкармливала брошенных матерью или захворавших ягнят и еще не способных питаться взрослым кормом телят. Служанка также помогала готовить пищу для других работников фермы²³³. Служанка-молочница отвечала за дойку коров, сбивала масло, варила сыр и вела счетные книги молочного хозяйства. Молочница также разбиралась с бейлифом*, когда он наезжал с проверками. Помимо этого, она отвечала за состояние рабочего инвентаря, помогала ухаживать за скотиной и выполняла всякую другую работу, когда у нее появлялось свободное время²³⁴.

---

* Бейлиф как должностное лицо состоял на службе у феодала и периодически посещал его усадьбы, контролируя соблюдение интересов сеньора. *Прим. пер.*

Женская работа

Притом что крестьянки трудились на полях и зачастую делали ту же работу, что и мужчины, дома их ожидал свой, уже чисто женский фронт работ, напрямую связанный с домоводством и воспитанием детей. Уже упоминавшееся «Письмо о святой девственности» призывало женщин жить в целомудрии и вере, однако замужним крестьянкам для достижения этой цели приходилось много и изнурительно трудиться. «Письмо» вопрошало читательниц:

На какое положение обрекает себя женщина, если, войдя в дом, она слышит, как надрывается ее ребенок, видит, как кошка тащит со стола еду, как собака вертится возле припасов, как ее хлеб подгорает в печи, как теленок жует губами, ища вымя, как в котелке над очагом булькает вода, — и слышит, как ворчит ее муженек. Пускай это звучит нелепо, однако тебя, девица, должно еще наипаче отвратить [от брака], ибо поверь, что женщине, попытайся она совладать со всеми делами, будет совсем не до шуток²³⁵.

Женщина взбивает масло

Маргиналия из Часослова Екатерины Клевской

Этот фрагмент дает нам отличный пример домашних забот, возложенных на плечи замужней женщины, причем из него явствует, что ворчливые мужья не испытывают ни малейшего желания помогать женам. На крестьянскую женщину возлагалась обязанность ходить за мелкой домашней живностью, так что вороватые кошки и собаки, как и голодные сиротствующие телята, находились на ее попечении. (Крестьяне зачастую держали скотину в том же помещении, в каком жили сами, чтобы всем было тепло и можно было обойтись без лишних затрат на крупные надворные постройки, правда отдельно стоящие коровники и хлева тоже не были редкостью.) К тому же в сельской местности хлеб выпекали дома, и делать это должна была хозяйка. Как и готовить пищу — вот откуда в «Письме» появился булькающий над огнем котелок. Прибавим к этому, что в такой напряженной обстановке женщина еще растила своих детей. И как можно предположить, плачущий малыш, по мнению главы семейства, просто не заслуживал внимания отца.

Женщина нянчит ребенка

Миниатюра из Часослова Карла V

Вдобавок на плечи женщин ложилось еще множество других забот, особенно в сельской местности. Женщины таскали воду для бытовых нужд. На Британских островах и в долинных местностях, где было более влажно, с этим было проще, но таскать воду все равно было тяжело. Ее женщины брали в колодцах, родниках, речках или в других ближайших источниках. Зато в более засушливых районах Южной Европы, чтобы найти и принести воду, иногда требовалось больше времени, и такие походы за водой иногда даже оказывали влияние на городскую архитектуру. Так, в Кастилии мосты над речками и ручьями, служившие для входа и выхода из городских ворот, приходилось проектировать достаточной ширины, чтобы по ним могли пройти женщины с кувшинами воды²³⁶. Хотя эта повседневная обязанность была не столь трудоемкой, как стирка, она обременяла и без того полную хлопот жизнь женщин скромного достатка, как сельских, так и городских, и представляла собой по-настоящему тяжелый, отнимающий много сил физический труд.

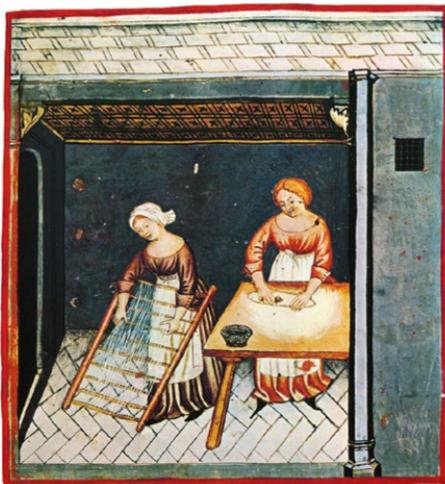
Точно так же средневековое общество считало исключительно женским занятием стирку, как ни тяжела была эта работа. Мир Средневековья, как и огромная часть современного мира, не располагал таким удобством, как водопровод. Так что воду нужно было с трудом натаскать не только для купания, но и для стирки, а потом еще и нагреть. Делать эту тяжелую физическую работу общество предоставляло женщинам. Стирка считалась занятием настолько сугубо женским, что в написанных мужчинами исторических трудах, где объясняется, как была поставлена стирка, авторы нередко осуждают женщин за сплетни, которым, что не удивительно, женщины всюду предаются во время работы. Так, в Бретани места, куда женщины собирались для стирки, приобрели название «женских судов».

И там-то, пока женщины стирали, полоскали, отжимали и выколачивали белье, «языками работали не менее рьяно, чем своими колотушками; это здесь вершится женское правосудие, не знающее малейшей пощады к мужскому полу»²³⁷. Стирка одежды занимала несколько дней. Сначала грязное белье замачивали, чаще всего на ночь. Затем белье слоями выкладывали в корыто, причем самые грязные вещи клали на дно, накрывали сверху куском ткани, а на нем размещали разные вещества для более эффективного замачивания — например, слой древесной золы, иногда в смеси с крапивой, яичной скорлупой и мыльным корнем*. Поверх всего этого наливали кипяток, а что переливалось за края, собирали, снова доводили до кипения и опять заливали в корыто — и так раз за разом на протяжении от десяти до двадцати часов. На следующий день замоченное белье тащили к источнику проточной воды — в баню или на берег местной реки. Белье взмывали, отстирывали, отбивали колотушками, выполаскивали и как следует отжимали, прежде чем развесить для просушки на ветвях деревьев или на веревках²³⁸.

Таким же привычным и повсеместным для средневековых женщин занятием, как стирка, было и изготовление тканей, многие из них умели прясть и ткать. Чтобы переработать состриженную шерсть в пряжу или нить, сначала ее требовалось прочесать, для чего ее пропускали через две большие чесалки, которые удаляли с шерсти сор и грязь и заодно распрямляли волокна, чтобы облегчить получение пряжи или нити. Если нужна была цветная нить или пряжа, шерсть на этом этапе окрашивали. Средневековые люди были неравнодушны

---

* Мыльный корень — корневища некоторых растений, которые в большом количестве содержат сапонины, вещества, раствор которых образует пену, похожую на мыльную. *Прим. пер.*

Женщины готовят пасту

Миниатюра из трактата «Как сохранить здоровье». XIV в.

к цветным тканям и специально выращивали в небольших садиках растения, из которых получали естественные красители, скажем резеду для желтой краски или вайду для синей краски. Растения размалывали или перетирали, высушивали, а затем вываривали до состояния клейстера, для чего, кстати, тоже требовалось немало воды, не говоря уже о дровах. Для закрепления краски применялись квасцы, двойные соли металлов, — их добавляли непосредственно в красящий раствор или обрабатывали ими саму шерсть. В любом случае шерсть опускали в краску и оставляли для пропитки. Через какое-то время шерсть доставали и высушивали. Это уже была кудель — шерсть, готовая для прядения. Довольно бесхитростный, но весьма трудоемкий процесс окрашивания указывает, что даже крестьянские женщины любили побаловать себя разноцветной одеждой.

Далее из полученной волокнистой массы, обычно шерстяной или льняной, женщины пряли пряжу. До XIII века для

Прядение и ткачество

Миниатюра из книги «О знаменитых женщинах». Боккаччо. Начало XV в.

прядения использовались ручная прялка и веретено. Женщина оборачивала кудель вокруг прялки, затем вытаскивала из нее волокно, вручную обматывала вокруг веретена и, вращая его, вытягивала — и получалась скрученная нить. В XIII веке изобрели прядильное колесо, которое ускорило весь процесс. Однако прядильные колеса были специальным оборудованием и, скорее всего, использовались профессиональными прядильщицами, а не женщинами-домохозяйками. Из готовой нити или пряжи можно было уже изготовить ткань при помощи ткацкого станка.

Ткачество считалось настолько чисто женским занятием, что Бурхард Вормский (тот самый, который в главе 3 был страшно напуган секс-аксессуарами) рекомендовал священникам во время исповеди спрашивать у прихожанок, не занимались ли те случайно ворожкой, пока ткали. Он велел исповедникам допытываться у женщин, случалось ли, чтобы они сами или другая женщина в их присутствии за ткацким

станком читали заклинания, запутывающие нити в столь замысловатые узлы, что дальше ткать невозможно, пока не прочтешь «дьявольское заклинание»²³⁹. Если оставить в стороне эти попытки обвинить женщин в колдовстве, то терзания Бурхарда из-за проделок, на которые якобы пускаются ткачихи за работой, кое-что говорят нам о том, что ручное ткачество было очень мудреным и трудоемким делом. Настолько кропотливым, что мужчины легко верили, будто женщины не брезгуют даже ворожкой, лишь бы найти способ не выполнять эту трудную работу.

А поскольку изготовление одежды и ее стирка отнимали много времени и сил, зажиточные крестьянки предпочитали избавить себя от этой работы. Богатые женщины обычно нанимали помощниц по хозяйству из близлежащих селений, поэтому профессия прачки стала одной из самых распространенных среди бедных женщин, искавших дополнительный заработок. Крупные крестьянские хозяйства могли нанимать женщин в качестве домашней прислуги, и те, как рекомендовал в XII веке английский ученый Александр Неккам (1157–1217), должны были обладать прелестными личиками, чтобы наводить своим видом умиротворение, пока тянут шелковую нить и вяжут узелки, пока шьют и чинят льняные и шерстяные одежды, вяжут, а также делают вышивки и искусно кладут стебельчатые стежки²⁴⁰.

Женщинам победнее, кому не хватало средств нанять кого-нибудь в помощь, приходилось делать всю эту работу своими силами. Хотя менее состоятельные крестьяне вряд ли тратили время на шелковые вышивки, а скорее всего, шили и вязали простую одежду для себя и своих домочадцев. Но надо понимать, что даже богатых дам камеристки скорее освобождали от части этих ткацких обязанностей, чем полностью избавляли от них.

Женщин также регулярно нанимали варить пиво, во всяком случае не реже, чем мужчин. Средневековые крестьяне пили довольно много безалкогольного (или слабоалкогольного) пива и эля. В пособии для студентов «Произношение» (Colloquy), которое написал в X веке монах-бенедиктинец Эльфрик Грамматик, среди вымышленных диалогов между учителем и учениками есть один, где юноша заявляет: «Если я вообще пью, так пью эль или за его неимением воду... я не настолько богат, чтобы позволить себе купить вино: вино — не питье для молокососов и глупцов, оно для стариков и мудрецов»²⁴¹. К концу средневекового периода в центрах пивоварения, например в городке Чёске-Будеёвице (Чешских Будейовицах), собственно и давшем название пивной марке «Будвайзер», пиво производилось в достаточно крупных объемах, чтобы наладить его экспорт в Баварию.

Средневековый люд желал пить пиво и эль не по тем соображениям, что вода была небезопасна для здоровья, а для поддержания сил — крестьянский труд был изнурительно тяжел, и некрепким пивом крестьяне добавляли калорий к своему негустому рациону, да еще и получали удовольствие. Люди знатные и богатые, скорее всего, располагали возможностями закупать профессионально сваренное местное или заграничное пиво, однако общая масса населения, и в особенности на заре Средневековья, варила эль в домашних условиях или покупала у какого-нибудь ближайшего пивовара. Эль варили главным образом из ячменя без добавления хмеля (который служит консервантом), из-за чего пиво быстро портилось и не подлежало долгому хранению. И потому любителям эля приходилось варить его постоянно, чтобы всегда был запас, что сделало пивоварение широко распространенным кустарным промыслом. Женщины, варившие пиво для своих семей, обычно варили его с излишком в расчете на продажу, что позволяло им зарабатывать немного денег. А поскольку

пивоварению можно было обучиться дома, знавших это ремесло женщин иногда нанимали на работу крупные коммерческие пивоварни.

В исторических документах нам регулярно встречаются занятые в пивоварении женщины: как свидетельствуют записи, они платили налоги с прибыли от пивоварения и регистрировались у местных властей, надзиравших за соблюдением установленных стандартов. Если кто-то не соблюдал их, то о нарушителях нередко писали в соответствующих документах, и там можно найти женские имена. В судебных протоколах графства Дарем за 1365 год неких женщин Эгнес Постелл и Элис де Белазис оштрафовали на 12 пенсов за продажу некачественного эля — размер штрафа примерно был равен двухдневному заработку квалифицированного ремесленника. Помимо этого, Элис де Белазис была оштрафована еще на два шиллинга, что было эквивалентно уже пятидневному заработку, за эль такого низкого качества, который, как доказал суд, вообще не содержал крепости²⁴². Наказания за варение недоброкачественного эля варьировали в пределах от штрафов до ритуального унижения провинившейся. В Англии наказывали, сажая на позорный стул (который в раннесовременный период трансформировался в окунательный стул^{*}), что впервые письменно упоминается на страницах Книги Страшного суда^{**} — такой приговор в Честере получили пивовары, которые продавали недоброкачественный эль или мошенничали, не доливая положенную меру напитка. Наказанных заставляли сидеть на стуле перед своим домом

---

* Окунательный стул (англ. *ducking stool*) — прикрепленный к бревну стул, к которому привязывали осужденного и везли по улицам к ближайшему водоему, где стул несколько раз окунали или одним резким движением сбрасывали человека со стула в воду. *Прим. пер.*

** Книга Страшного суда — свод материалов первой в средневековой Европе всеобщей поземельной переписи, проведенной в Англии в 1085–1086 годах. *Прим. пер.*

и терпеть насмешки местных жителей. В шотландских законах XIV века говорилось, что всякая хозяйка пивной, которая сварила «дрянной эль», должна быть приговорена либо к штрафу в «восемь шиллингов», либо к позорному стулу — это свидетельствует о том, что большинство пивоваров в этом регионе были женщинами и они могли подвергнуться унижению, в основном по половому признаку²⁴³.

О занимавшихся пивоварением женщинах мы также узнаем из хроник различных происшествий. Например, в протоколах одного коронера указано, что около полудня 2 октября 1270 года Эмис Белами, работница пивоварни леди Джулианы де Бошан в Сейло, Итон-Сокон, вместе с Сибил Боншевалер тащили полную бадью грюйта для ароматизации эля. Они уже приготовились вылить грюйт в чан с кипящим пивом, как Эмис вдруг поскользнулась и свалилась в чан, где оказалась в ловушке, потому что сверху на нее упала бадья. «Сибил тут же подскочила к чану и вытащила Эмис и закричала, зовя на помощь; сбежавшиеся домохозяева обнаружили, что Эмис обварилась почти насмерть». Над ней совершили соборование, и на следующий день она упокоилась»²⁴⁴. Душераздирающая история Эмис лишней раз напоминает, что пивоварение было занятием физически тяжелым и даже опасным, особенно когда пиво варилось в больших объемах.

Этот эпизод примечателен еще и тем, что здесь две женщины трудятся на третью, к тому же титулованную — леди Джулиану де Бошан. Обычно пивоварением могли заниматься женщины любой классовой принадлежности, что видно из процитированного протокола, в котором владелицей пивоварни указана леди Джулиана. В целом женщины в ту эпоху с такой же вероятностью могли трудиться в пивоварении, как мужчины, а в некоторых случаях, возможно, и чаще.

Кроме того, сельских женщин нанимали на самые разные временные работы. Их брали поденщицами дробить камень для мощения дорог, крыть крыши, косить сено. Также женщины были заняты в торговле. Например, могли продавать куриные яйца на ближайшем городском рынке, хотя дома их ожидали те же многочисленные обязанности, что и других крестьянок. От сельской женщины ожидали, что она засучит рукава и примется переделывать бесконечные дела по дому и хозяйству. Ей всегда находилось чем заняться: напрясть шерсть, испечь хлеб, наварить эля, собрать в лесу дрова, покормить скотину и, конечно, сезонных полевых работ тоже никто не отменял.

Притом что трудящиеся сельские женщины выполняли самую разную работу, упоминания о них в исторических документах отыскать труднее, чем упоминания о мужчинах, ввиду действовавшего юридического принципа *coverture* — вот почему в официальные документы вносили имена не самих женщин, а их мужей или отцов, на чьем попечении они были. Так, в одном протоколе записано, что в Стаффордшире некоего Уильяма Шеперда несколько раз штрафовали за варение недоброкачественного эля, хотя из самой записи следует, что эль варил не он, а его жена²⁴⁵. Таким образом, следует, что плату за свой труд получали гораздо больше женщин, чем зафиксировано в исторических документах.

Работающие горожанки

Множество женщин в городах тоже работали в разных сферах (а некоторые в ремеслах, не считающимися традиционными для женщин), но, в отличие от сельчанок, пользовались личной свободой: вольным становился каждый, кто прожил в городе один год и один день. Однако до истечения этого срока над беглыми крепостными

в городах, куда они бежали за лучшей долей, нависала угроза, что их поймают и принудительно вернут домой по велению их хозяев-феодалов.

В раннем Средневековье бегство крепостных в города еще не получило распространения по той прозаической причине, что самих городов было не так уж много. В каком-нибудь 800 году молодая женщина из глухой альпийской деревушки вряд ли отправилась бы за три сотни миль от дома искать себе работу в городе Мец. И не в последнюю очередь из-за перспективы проделать весь путь пешком, да еще и все время скрываясь от дозорных своего феодала.

Высокое Средневековье неизмеримо расширило возможности для городской жизни — главным образом благодаря прогрессивным новшествам в сельском хозяйстве и культивации земель. Трехпольная система повышала плодородность земель и гарантировала более высокие и устойчивые урожаи. С ростом производства продовольствия росло население, а с ним и спрос на свободные земли. Европейцы осваивали прежде незаселенные территории, в том числе низменности. В тот период благодаря новым возможностям осушения и восстановления земель были заселены области, составляющие территорию современных Бельгии и Нидерландов. За счет строительства дамб и отводных каналов удалось освоить незаселенные болотистые низменности в прибрежных районах.

Осушенные участки земли не слишком подходили для выращивания зерновых, зато идеально — для разведения овец. Овечьи стада прекрасно паслись на тучных лугах, произраставших на осушенных землях. Они исправно давали шерсть, которая была одним из важнейших товаров средневековой экономики. Еще бы, в мире, где не существовало центрального отопления и где большинство видов деятельности предполагали работу под открытым небом при

любой погоде, волшебное шерстяное волокно, сохранявшее тепло, даже когда оно намокало, пользовалось огромным спросом, особенно в Северной Европе. Жители прибрежных низменностей быстро превратили производство шерсти в двигатель экономики завидной мощности. Владельцы овецких стад продавали шерсть торговцам, а те по системе отводных водных каналов быстро переправляли ее на рынок. Возникли крупные города, такие как Гент и Брюгге, население которых быстро прибывало за счет занятых в быстро развивавшейся торговле шерстью. Притом что государства прибрежных низменностей дают нам яркий пример средневековой урбанизации, крупные города выростали не только там. Средневековые Кельн, Прага и Марсель, прежде заштатные городишки, превратились в крупные города. Одновременно за счет притока мигрантов расширялись такие города, как Милан, Венеция, Париж и Лондон.

Рост населения способствовал расширению городов по нескольким причинам. Во-первых, сельское хозяйство достигло производительности, позволявшей прокормить все население страны, что обеспечивало горожанам устойчивую возможность обмена денег и производимых ими товаров на необходимое продовольствие. Во-вторых, рост населения сгладил остроту проблемы бегства крепостных крестьян — землевладельцам уже не приходилось выслеживать и возвращать домой каждого беглого крепостного, поскольку на их землях все равно оставалось достаточно рабочих рук, чтобы трудиться в полях, и достаточно крестьянских домохозяйств, чтобы взимать с них подати.

Однако уходившие в города женщины сталкивались с изрядными трудностями, каких не испытывали мужчины. Вспомним, что женщин считали сексуально распущенными, и значит, во всякой женщине, не состоявшей при каком-нибудь мужчине, общество видело угрозу. Неизвестно, что

способна натворить предоставленная самой себе женщина без должного мужского присмотра. Дошло даже до того, что в некоторых городах от женщин требовали присоединиться к какому-нибудь домохозяйству, вместо того чтобы жить одной, или поселиться с другими лишенными присмотра женщинами. В позднесредневековой Англии женщинам даже устанавливали сроки, в пределах которых им следовало либо поступить в чье-либо домохозяйство, либо покинуть город.

Миниатюра, изображающая город. 1467 г.

Между тем состоять в домохозяйстве означало способствовать его экономической производительности. Для женщины наиболее распространенным способом присоединиться к домохозяйству было стать прислугой. Так, уже к XIV веку находившиеся в услужении горожане составляли примерно треть всего городского населения Англии, и чуть меньше

половины из них были женщины²⁴⁶. Место служанки считалось особенно подходящим вариантом для молодой незамужней женщины.

Горожанка могла устроиться в большой господский дом горничной и посудомойкой на кухню. В иерархии прислуги это была низшая ступень, однако те, кто трудился прилежно и не вызывал нареканий, могли рассчитывать на повышение по службе. Так, кухонная служанка могла дорасти до помощницы кухарки, а там, возможно, и до должности кухарки. Кухонные служанки выполняли много тяжелой и грязной работы. Утром они поднимались первыми в доме, разжигали огонь во всех очагах и каминах и следили, чтобы он горел как следует, чтобы к моменту, когда проснутся господа, у них была горячая вода для умывания. Также они должны были мыть полы, выметать золу из каминов, чистить кастрюли и сковороды и выполнять прочую самую грязную работу. Помощница кухарки выполняла другой круг обязанностей: помогала готовить блюда, нарезала овощи, замешивала тесто и мыла посуду. Всей работой кухни заправляла кухарка или повар — пол работника тут не играл никакой роли. Кухарка отвечала за питание всей семьи, а также штата домашней прислуги. Женщина, служившая горничной в сельском поместье, могла претендовать на выгодную должность в доме городской знати, особенно если обладала навыками шитья, это умение высоко ценилось и было востребовано в богатых домах.

Не все переселявшиеся в город женщины бежали от тягот сельской жизни. Девочек из зажиточных семей в город привлекала возможность поступить в ученичество по ряду ремесленных профессий. Поскольку в производстве тканей главное место занимали женщины, девушкам позволялось обучаться ткацкому ремеслу. В особенности женской работой считалось производство шелка, и в ряде городов даже

появлялись крупные общины ткачих, сначала в калабрийском городе Катандзаро, а позже в Лионе и Лондоне. В Париже женщины тоже занимали в этом ремесле господствующие позиции, а взаимоотношения между ученицами и мастерами высокого уровня устанавливались составленной в 1270 году «Книгой ремесел» (*Livre des métiers*)²⁴⁷.

Правила, изложенные в этой книге, дают нам прекрасное представление о том, как была устроена система ученичества и каковы были ее цели. Как правило, родители вносили плату и отдавали своих детей, начиная примерно с 12-летнего возраста, в дом мастера в качестве подмастерьев. Сначала им поручали черную рутинную работу, необходимую для дела, а потом обучали непосредственно шелкоткацкому делу. Чем дольше длилось ученичество, тем меньшую плату могла брать за него мастерица, поскольку предполагалось, что она может поручать ученице часть работы. В теории, если ребенка отдавали в ученичество

Сбор шелковых коконов и работа за ткацким станком

Миниатюра из книги «О знаменитых женщинах» Боккаччо. Начало XV в.

на десять лет, плата за обучение вообще не взималась, что открывало дорогу в ремесло девочкам из бедных семей. Однако в реальности беднякам было трудно подступиться к состоятельным владелицам шелкоткацких цехов в Париже и пристроить к ним в ученицы своих дочерей, хотя такие случаи все же бывали.

По окончании ученичества, обычно длившегося от трех до десяти лет, девушка получала право работать по найму в одном из шелкоткацких цехов того города, где она прошла обучение. После этого она приобретала право открыть собственное дело. Причем в этом городе заниматься шелкоткацким ремеслом позволялось только тем, кто прошел всю систему ученичества. Как и другие ремесленники, мастера шелкоткацкого дела объединялись в цеха, наподобие профсоюзов, которые следили за тем, чтобы дело было поставлено на высшем уровне, а покупатели платили за этот товар должное вознаграждение. Гильдии также выполняли протекционистскую функцию. Никому, кто не состоял в цехе, не позволялось заниматься этим ремеслом. Так, в шелкоткацком цехе совет из троих мастеров и трех мастериц следил, чтобы все, кто занят в этом ремесле, соблюдали требования, «дабы оградить профессию» от плохо выученных работников. Из сказанного ясно, что в шелкоткачестве существовала определенная доля равенства между женщинами и их коллегами мужчинами.

Хотя производство тканей было трудоемким ремеслом, определяющим постоянный высокий спрос на чесальщиц, прядельщиц и ткачих, в основном его держали под контролем мужчины, если не считать парижского шелкового производства. А поскольку дело это было весьма доходное, неудивительно, что те, кто им зарабатывал, стремились ограничить число конкурентов. Обычно этой цели служила структура гильдии.

Так, парижские сукновалы нашли способ ограничивать число работников в своем ремесле. Их работой было очищать шерстяную ткань от грязи и жира, а потом валять ее. Этот процесс был сложным, и ему нужно было специально учиться. У парижских сукновалов была своя система обучения, во многом схожая с ученичеством в шелкоткацком деле, однако в ученики брали только мальчиков. При этом женщина тоже могла стать цеховым сукновалом, но только благодаря семейным связям. Дочери, падчерицы и жены сукновалов могли обучиться ремеслу, и «если мастер умирал, его вдова могла заниматься ремеслом и брать учеников». Однако было ограничение: если вдова сукновала снова вступала в брак, причем с мужчиной, не работавшим в сукновальном ремесле, ей следовало оставить должность цехового мастера²⁴⁸.

Профессиональные регламенты наподобие тех, что действовали в цехе парижских сукновалов, подсказывают нам, что в большинстве ремесленных профессий, объединялись они в цехи или не объединялись, женщины трудились наравне со своими мужьями и выполняли такую же работу. Более того, вдовы сукновалов пользовались преимуществом на брачном рынке, если супругу себе подыскивал неженатый сукновал. Женщина, разбирающаяся в том же ремесле, что и ее будущий муж, была находкой, и потому браки в пределах одной профессии были весьма распространены. Дочь сукновала, например, скорее всего, вышла бы замуж за сукновала, поскольку хорошо знала его ремесло.

Горожанки старше 20 лет, у которых не было ни профессиональной подготовки, ни опыта работы, считались неподходящими для ученичества из-за возраста. Впрочем, если обстоятельства позволяли такой женщине остаться

в городе, она тоже могла найти себе применение в ряде профессий. Наименее престижной считалась торговля с рыночного прилавка. Женщина могла продавать что-нибудь съестное, скажем хлеб или крендели, которые сама же и пекла. Или, например, она могла торговать фруктами и овощами, яйцами или чем-то еще, что легко выращивать в саду или на небольших участках земли недалеко от города. Преимуществами профессии торговли были ее доступность для всех желающих, так как эта работа не была ограничена правовыми барьерами и не требовала больших первоначальных расходов.

Точно так же в городе была востребована та работа по хозяйству, какую выполняли женщины и в сельской местности. Если у горожан хватало средств, они предпочитали нанимать кого-нибудь для стирки, и городские прачки, стирающие белье на берегу местной речки, были обычным зрелищем в средневековых городах. Прачки обходили дома, где не было своих прачечных, и собирали белье на стирку, а потом стирали в городских водоемах общего пользования. Прачки также нередко брали на себя починку одежды, как это делают современные химчистки и прачечные. В больших богатых домах, где была своя прачечная и скапливалось достаточно много белья и одежды для стирки, прачку нанимали в штат, и она, как и прочая прислуга, жила при доме. Платили за стирку немного, однако чтобы стать прачкой, больших вложений не требовалось, а профессиональный регламент сводился к правилам, диктовавшим, где можно стирать, а где нет.

Профессия банщицы в городах также в основном была женской. Не забудем, что любой средневековый человек, который хотел соответствовать стандартам красоты, должен был регулярно мыться (см. главу 2). В позднем Средневековье городские бани считались неотъемлемой

составляющей здоровья всех жителей города. Чистота горожан — залог их здоровья, и потому обеспечение города банными заведениями составляло часть «попечения о здоровой обстановке» (или *healthscaping*, как назвал это историк Гай Гельтнер) наряду с надзором за удалением нечистот и мусора²⁴⁹. На территории Венгрии, где по сей день сохранилась культура общественных бань, первая упомянутая в документах общественная баня была основана Анной Антиохийской (ум. 1184), супругой короля Белы III Венгерского (ок. 1148–1196). Королева считала своим общественным долгом распространять банную культуру, хотя ею могли двигать личные мотивы — воспитанная на Ближнем Востоке при Константинопольском дворе, она, видимо, так пристрастилась к общественным баням, что пожелала распространить культуру этих заведений²⁵⁰. Интерес Анны к организации общественных бань в средневековой Буде также показателен как факт, подтверждающий, что средневековый люд получал от бань удовольствие. Горожане, по всей видимости, любили посещать бани, где можно было хорошенько отмокнуть, не отягощаясь надобностью таскать и греть воду.

Баням были нужны разные работники, и служить в общественные бани обычно поступали женщины. В их обязанности входило приносить воду и сливать использованную, поддерживать огонь под котлами, в которых грелась вода, а иногда собирать входную плату²⁵¹. Состоятельная женщина могла открыть собственную баню и управлять ею. И между прочим, среди предприимчивых держателей бань и мылен было довольно много женщин, хотя мужчины тоже не брезговали этим бизнесом. В парижских кодексах банщиков указывалось, что их правила применимы ко всем мужчинам и женщинам, давшим клятву соблюдать стандарты банного дела²⁵².

Банщица

Миниатюра из трактата «Всякое благо»

Правда, подобные регламенты указывали на определенное неравенство мужчин и женщин в парижском банном бизнесе. Женщинам позволялось держать общественные бани, однако не разрешалось вступать в регулирующий орган этой сферы, который следил за тем, чтобы все участники банного бизнеса держались установленных правил. Вместо этого избирались трое мужчин, которые содержали бани²⁵³. Так что средневековые парижанки, владеющие банями, не то что стеклянного, а и обычного потолка не пробивали. Пусть женщины могли хорошо зарабатывать в качестве содержательниц бань, но не могли подняться до руководящих должностей в этой отрасли.

Женщины, располагавшие некоторыми средствами, также находили источник заработка в хлебопекарном деле. Они могли сами изготавливать и продавать хлеб и другую выпечку, а могли за плату позволять пользоваться печами тем, кто желал получить хлеб, выпеченный ими самими. Пекарями и булочниками трудились как мужчины, так и женщины.

В сущности, женщины в этой отрасли были явлением настолько распространенным, что не заслуживали отдельного упоминания в каких-либо документах, и потому о средневековых булочницах сегодня можно судить главным образом по сведениям об их неприятностях с законом.

Точно так же, как и недобросовестных женщин-пивоваров, закон наказывал штрафами и недобросовестных пекарей, если их ловили на продаже хлеба, не соответствовавшего установленному весу. В Лондоне XIV века шериф Роджер ле Помэ взвесил хлеб, которыми торговали булочницы из Стратфорда Сарра Фоутинг, Кристина Террис, Годива Фоутинг, Матильда де Болингтон, Кристина Причет и Изабелла Поувест. Как установил шериф, все булочницы продавали полупенсовы́е буханки, которые весили на 8 шиллингов* меньше, чем полагалось по норме²⁵⁴.

Заметим, что все названные нарушительницы жили в Стратфорде — сегодня это часть большого Лондона, но тогда — это была деревня, отстоявшая от города на небольшом расстоянии, которое за несколько минут можно было преодолеть пешком. Живя за чертой города, они могли пользоваться преимуществом невысокой стоимости жизни в деревне и при этом обладать доступом к многочисленным потенциальным городским покупателям. Иными словами, булочницы могли приходить в город, чтобы продавать испеченный ими хлеб. Вероятно, именно потому, что они были пришлыми торговками, они и попали в поле зрения шерифа, поскольку все привозные в Лондон товары регулярно проверялись, чтобы удостовериться не только в том, что они отвечают установленным нормам, но и в том, что с них уплачен положенный налог.

---

* В данном случае шиллинг — единица веса; притом что шиллинг составлял 1/20 фунта стерлингов, а данная монета весила 16 г, вес в 1 шиллинг составлял 0,8 г, а недовес в 8 шиллингов — 6,4 г. *Прим. пер.*

Несмотря на выявленное нарушение, стратфордские булочки отделились, можно сказать, легким испугом. Обычно хлеб, весивший меньше положенного, подлежал конфискации, и иногда его передавали в тюрьмы для пропитания арестантов, на милостыню или в лепрозории. Поскольку их хлеб по прибытии в Лондон совсем остыл, то шериф просто велел булочницам продавать его по цене, соответствовавшей его реальному весу*. Исход не самый ужасный, однако женщины, надо полагать, еще дважды подумали бы, прежде чем еще раз так смошенничать.

Женщин, сдававших в аренду свои печи, ловили на другом мошенничестве — краже кусочков теста из буханок, которые арендатор печи оставлял им для выпечки. Так, в 1327 году Элис де Брайтенех и Люси де Пикериндж именно это и делали — воровали тесто. Кража происходила при помощи хитроумной уловки с пекарским столом — на нем оборудовали открывавшийся внутрь люк, а кто-то из домочадцев, прятаясь под столом, открывал этот люк и отщипывал немного теста от каждой еще не испеченной буханки. Потом из наворованного теста выпекали хлеб для продажи. Очевидно, некоторое время жульничество исправно срабатывало, но потом булочниц поймали и осудили за то, что они воровали тесто «вероломно, лукаво и злонамеренно к вящему ущербу всех [их] соседей и других людей, живущих поблизости». По тем временам это был нешуточный скандал, ведь эти женщины ради собственного обогащения практически воровали пищу изо рта своих клиентов и соседей.

Элис с Люси приговорили к сроку в Ньюгейтской тюрьме. Осудили также и мужчин-булочников, уличенных в том же.

---

* Шериф не стал изымать товар тех женщин, так как на городской таможене не полагалось производить контрольное взвешивание уже остывшего хлеба. Именно поэтому шериф, который, по-видимому, все же взвесил хлеб, не мог использовать полученный результат как официальное доказательство. *Прим. пер.*

Правда, булочников поставили к позорному столбу, привесив им на шею мешочки с наворованным тестом, чтобы они еще сильнее устыдились содеянного. А булочки на суде оправдывались тем, что обе состоят замужем, и уверяли, что «сами означенного деяния не совершали» — и что это мужья ответственны за случившееся. Суд решил вместо публичного поругания посадить обеих в тюрьму Ньюгейт, чтобы дать им время подумать о содеянном, а все пекарские столы с люками было велено уничтожить²⁵⁵.

Как указывает этот инцидент, некоторые лондонские пекари иногда повышали свои доходы за счет легких преступлений, а повинные в том же проступке булочки порой получали снисхождение. А факт, что обе провинившиеся были замужем, говорит нам, что женщины после замужества не переставали работать. Да, женщинам приходилось оставлять службу, когда они создавали семью, но они могли применить свои профессиональные навыки где-нибудь еще. Однако им определенно следовало остерегаться женихов с преступными наклонностями.

Городские женщины, подобно этим провинившимся булочницам, нередко выбирали себе такие же трудовые занятия, как и сельские женщины. Те, кому хватало средств нанять помещение, открывали пивоварни или готовили на продажу что-либо съестное. Множество женщин держали постоянные дворы и дешевые гостиницы, где за деньги выполняли «домашнюю» работу — готовили пищу, обслуживали клиентов, убирались в комнатах. Мелкие лавочки торговали в основном безделушками и прочими вещицами не первой необходимости. Обе профессии были доступны лишь женщинам с определенным достатком, поскольку покупка или наем помещения в аренду обходились дорого. Как и закупка товара, который мог заинтересовать состоятельную клиентуру.

Однако профессии, требовавшие высоких первоначальных вложений, могли дать прекрасные возможности заработать,

о чем мы узнаем из завещаний, оставленных преуспевшими в делах женщинами. Так, в завещании, которое в 1359 году составила лавочница Мехтильда фон Бремен, жившая в Любеке (территория нынешней Северной Германии), содержатся распоряжения относительно состояния в 51 марку, а это примерно четырехлетний заработок искусного ремесленника. Стоит ли удивляться, что женщины охотно шли в лавочную торговлю и гостиничный бизнес. В 1429 году в Базеле, на территории современной Швейцарии, процветали примерно три десятка лавок, что следует из налоговых документов. Вот еще один факт: в том же году в эльзасском городе Бенайм был ограблен товарный обоз, перевозивший на вьючных лошадях и двухколесных повозках оптовые партии товаров, предназначавшиеся для лавок по всей Швейцарии, и в итоге товаров лишился 61 лавочник, причем 37 из них — женщины. Очевидно, что женщины нередко держали лавки и постоянные дворы, причем не только в городах, но и в сельских поселениях, если там проживало достаточно много людей, чтобы обеспечить делу прибыльность²⁵⁶.

Мужья и жены практически всегда работали вместе. Служительницы бань трудились бок о бок со своими мужьями, записанными владельцами этих бань. Если брать уровнем выше, то некая Роуз из Бурфорда в XV веке держала торговлю шерстью в Лондоне. Ее супруг, также состоятельный коммерсант, предоставил крупный заем английской казне. После его смерти Роуз неоднократно подавала прошения о выплате ей причитавшегося супругу долга и при этом продолжала вести свою успешную экспортную торговлю шерстью. Но поскольку казна не торопилась с выплатами, Роуз в конце концов предложила попросту снижать причитавшиеся с нее налоги за торговлю шерстью на суммы, причитавшиеся ей от казны, в счет погашения долга²⁵⁷. Как видим, эта даровитая особа не только держала процветающую торговлю, но и настолько

хорошо разбиралась в юридических тонкостях, что сумела измыслить нетривиальный способ урегулирования долга с королевской казной.

Правда, Роуз было проще, поскольку у нее были высокие связи при дворе, однако участие женщин в успешном семейном бизнесе было для Средневековья в порядке вещей. Супруга оптового торговца Маттиаса Рунтингера (1350–1407) из Регенсбурга присутствовала при торговых сделках, делала закупки и, подобно многим деловым женщинам Средневековья, вела бухгалтерские книги. Время от времени она надзирала за регистрацией валютно-обменных сделок семьи, что само по себе было немалым достижением, поскольку коммерсантам тех мест приходилось оперировать валютой итальянских городов-государств, Венгрии, Чешских земель, а также германоговорящих земель. Рунтингеру крупно повезло, что его супруга глубоко вникала в детали и владела навыками бухгалтерского учета. Хотя она явно была сведуща в обширном семейном бизнесе, ее имя не сохранилось в истории²⁵⁸.

Женщины в искусстве

Средневековые европейцы почитали вышивание за искусство, во многом так же, как мы сегодня считаем искусством живопись. Правда, вышивание относили к разряду женских занятий, и умение вышивать среди прочего требовалось от камеристок. Тем не менее в Средневековье вышивание ценилось как почтенная работа, недаром в одном из ранних ирландских юридических трактатов говорится, что «женщина, которая вышивает, зарабатывает больше прибыли, чем королевы»²⁵⁹. Вышивальщицы находили работу в профессиональных швейных, а также в шпалерных мастерских.

С XIII века, ввиду почетности и прибыльности такого занятия, как вышивание, в этой сфере появляется и множество мужчин. В английских исторических источниках женщины

Женщина за вышивкой

Миниатюра 1340 г.

со временем всё реже и реже встречаются в списках вышивальщиц по сравнению с мужчинами, и притом чем дальше, тем чаще упоминаются вместе со своими мужьями, даже когда вышивки создавали только сами женщины. В мае 1317 года «Роуз, жена Джона де Бьюфорда, гражданина и торговца Лондона» продала «расшитое вышивками парчовое облачение для хора певчих» супруге Эдуарда II королеве Изабелле Французской (ок. 1295–1358), которое та передала в дар «Его Святейшему Папе». Эта Роуз, безусловно, была весьма искусной вышивальщицей — иначе стала бы королева Изабелла покупать ее изделие? — однако не настолько, чтобы ее изделия назывались ее именем²⁶⁰. Нам неизвестно, сколько других вышивальщиц усердно трудились в принадлежавших их мужьям лавках, не оставив в истории своих имен. Едва только какая-нибудь сфера деятельности начинала сулить по-настоящему солидные прибыли, мужчины потихоньку выжимали из нее

женщин. Позволять дамам забавляться с ниткой и иголкой считалось вполне себе хорошо и правильно, но как только появлялись перспективы крупной наживы, появлялись мужчины и брали все в свои руки, а женщин оттесняли с главенствующих ролей.

Помимо вышивания женщины часто находили себе занятия, связанные с изготовлением и оформлением книг. Кристина Пизанская выводит в своей «Книге о Граде женском» некую Анастаис, называя ее искусным мастером книжной росписи на полях и заднем фоне²⁶¹. Пускай эта героиня вымышленная, нам известно, что по крайней мере начиная с VI века женщины занимались рукописным копированием книг.

Переписывание книг было обычным занятием для женщин в монастырях. Монахини особенно хорошо подходили для такого святого дела — хотя бы потому, что им предписывалось знать грамоту. Значительную часть работы составляло собственно переписывание манускриптов — работа сама по себе важная. Однако многие женщины занимались также оформлением книг и достигали в этом искусстве высот и широкого признания. В 730 году св. Бонифаций* (675–754) вручил Эдбурге серебряный стилос, «чтобы слова ее воссияли золотом во славу Отца нашего небесного». Примерно в то же время, как позже упоминали агиографические источники IX века, фламандские сестры Херлинда и Ренильда «столь много писали и разрисовывали, что такая работа показалась бы изнурительно трудоемкой даже для самых стойких мужчин наших дней»²⁶².

Мирские женщины тоже иллюстрировали манускрипты, иногда как профессионалы. Некоторые из них могли

---

* Св. Бонифаций служил архиепископом в Майнце и был канонизирован вскоре после смерти; миссионер и реформатор церкви, именовавшийся как Апостол всех немцев. *Прим. пер.*

в дневное время работать в скрипториях женских монастырей. Германская художница XIII века Кларидия была автором миниатюр в рукописном псалтыре, сегодня называемом ее именем — Псалтырь Кларидии. Ряд историков склонны думать, что Кларидия изобразила и саму себя в виде хвостика у буквы Q (такое впечатление, что она удерживает над головой причудливо расписанный огромный шар, и даже ее имя прочитывается между ее поднятыми руками). Другие историки оспаривают это мнение, утверждая, что это аллегория суетности, о чем и идет речь в этом пассаже²⁶³. На рисунке у женщины длинные светлые волосы, высокий лоб и стилизованная туника с длинными расширенными книзу рукавами, так что она вполне соответствовала средневековому стандарту женской привлекательности. Кто бы из историков ни был прав, в провенансе к манускрипту указано, что его изготовила женщина, хотя мы не можем утверждать, что она была монахиней.

Кларидия, Псалтырь Кларидии, конец XII века, Аугсбург (?)

Художественный музей Уолтерса, Балтимор

Художница Марсия

Миниатюра из книги «О знаменитых женщинах»

Зато нам достоверно известно, что женщины работали иллюстраторами и вне монастырей. Историк Франсуаза Баррон обнаружила в налоговых архивах Парижа нескольких женщин — художниц и иллюстраторов, работавших в городе в XIII и в XV веках. Как ни печально, но о том, что на свете жили Агнес-художница и Анриетта-гравировщица, мы узнаем только благодаря тому, что когда-то они то ли жертвовали, то ли получали благотворительные даяния. Мы при всем желании не сможем связать их имена с их художественными работами — зато можем связать с мужчинами, чьи имена носили мастерские, где, по всей видимости, трудились эти женщины. Будьте уверены, те мужчины, как и выполненные ими заказы, нашли отражение в налоговых документах²⁶⁴. Повторюсь, что в Средние века существовал целый класс работавших по найму женщин, только нам никогда не узнать, где и как они трудились. Тем не менее нам доподлинно известно, что они существовали, и некоторые прославленные имена всё же нам открылись.

Франсуаза Барон открыла нам имена женщин, занимавшихся живописью и скульптурой в Париже, однако средневековые женщины заявляли о себе в художественном творчестве по всей Европе. Они создавали алтарные одеяния и витражи. Иллюстрировали книги и занимались живописью. Они применяли свои творческие способности в семейных художественных мастерских. Но их имена нам неизвестны не только потому, что если они и упоминались, то только под именами своих мужей, но и потому, что наше общество меньше интересуется мастерами искусств, которые создавали гобелены и вышивки, миниатюры к великолепным манускриптам и церковные витражи, чем отдельные живописцы и скульпторы, да и чаще их упоминали в исторических документах, только если они были мужчинами. Пускай у нас есть достаточно подробные документальные материалы о женщинах в искусстве Средневековья, мы не особенно принимаем их в расчет, поскольку не ценим те виды искусства, в которых они раскрывали свои творческие таланты. Словом, мы ничуть не меньше наших средневековых предшественников повинны в забвении женщин, которые благодаря своим талантам создали множество произведений искусства.

Женщины в медицине

Помимо прочего женщины могли зарабатывать в сфере, которая никогда не перестанет быть востребованной, — в медицине. Средневековая профессиональная медицина сильно отличалась от современной. По большому счету, она не требовала формального обучения. Да, существовала и готовила врачей прославленная медицинская школа в Салерно, но если вы жили в каком-нибудь глухом захолустье, скажем на территории современной Шотландии, то, кто бы вас ни лечил, обучался он своему делу уж точно не в Салерно.

На средневековом рынке медицинских услуг существовали свои градации профессионализма и подготовки, и потому вы могли обратиться за лечением к врачам разного уровня подготовки, которые брали бы с вас каждый свою цену: к врачам общего профиля с университетским образованием, к хирургам и цирюльникам, обучившимся в своих цехах, к повитухам, которых основам дела обучали их старшие многоопытные коллеги. Женщины были представлены во всех трех категориях, хотя и сталкивались с серьезными ограничениями.

Для средневековых женщин один из самых распространенных путей в профессиональную медицину пролегал через монашество, поскольку больницы в те времена существовали почти исключительно при мужских или женских монастырях. В сущности, заболевшие должны были добираться до ближайшего к ним монастыря и отдаваться в руки милосердным монахам или монахиням, которые позаботятся об их болезном теле и помолятся за их души — ведь это была «монастырская медицина». Монахини и монахи копировали медицинские трактаты, а также религиозно-философские труды. Из этого следует, что монахини в больнице Отель-Дьё де Пари, например, должны были располагать медицинскими знаниями из курса медицины, который преподавался в Парижском университете (ныне это Сорбонна), равно как и из книг, которые были в их монастырской библиотеке.

Однако в больницах работали в основном монахи, а не монахини, поскольку считалось рискованным допускать посвятивших себя Богу женщин до широкой публики — а ну как поддадутся плотскому греху (а то как же). По этой причине больницы открывали больше при мужских монастырях, чем при женских. И конечно, в библиотеках женских монастырей было намного меньше медицинских книг, чем в библиотеках монастырей мужских. Даже у монахинь, напрямую связанных с работой в больнице, в распоряжении было

меньше медицинских книг, чтобы сверяться с ними, это указывает на то, что сама иерархия общества оттесняла женщин от медицинской практики и низводила до всего лишь ухода за больными²⁶⁵. Тем не менее женщины действительно работали в больницах, и множество их средневековых современников обращались к ним в случае необходимости.

Женщина-врач осматривает пациентку

Вторая половина XV в.

Притом что монахини практиковали академическую медицину, построенную на знаниях из тех же классических медицинских текстов, которые изучались в университетах, а также копировались и распространялись среди различных религиозных учреждений, большинство женщин не могли получить профессионального медицинского образования. Студенты средневековых университетов считались духовенством, точнее, имели священнический сан. Как упоминалось в главе 1, рукоположение студентов производилось для того, чтобы перевести буйных и в большинстве своем богатых

студентов, всю бесчинствовавших по кабакам, под юрисдикцию церковного суда, куда более снисходительного, чем суд светский. Хитроумная уловка ограждала молодых людей от расплаты за безобразия, но попутно перекрывала женщинам доступ к университетскому образованию, ведь они не могли стать частью духовенства. Правилу, которое в раннем Средневековье ставило досадное препятствие на пути женщин к диплому юриста или богослова, впоследствии суждено было превратиться в прямой запрет заниматься практикой по профессии тем, у кого нет университетского образования.

Женщинам больше везло, когда они поступали в какой-нибудь из цехов медиков, скажем цирюльников или хирургов, которые производили лечебные процедуры, связанные с рассечением тканей тела. Хирурги пользовались большим почетом в обществе, и в XIV веке в Париже король Филипп IV Красивый (1268–1314) объявил, что для вступления в цех хирургов претендентам — имея в виду женщин этой профессии — надлежит выдержать экзамен перед другими состоящими в цехе хирургами²⁶⁶. В целом хирурги производили сложные операции, как, например, удаление катаракты. Цирюльники, стоявшие ступенью ниже хирургов, выполняли более простые процедуры — они должны были вскрывать нарывы и пускать кровь. Женщинам разрешалось вступать в эти цеха, если они были женами или дочерьми этих медиков-практиков или прошли ученичество у работавших в этой сфере женщин, чтобы выучиться профессиональным навыкам. Хотя хирурги и цирюльники уступали статусом дипломированным врачам, их профессии тоже приносили очень неплохой заработок и обладали достаточной значимостью в обществе, чтобы соответствующие цеха ограничивали доступ к профессии и направляли клиентов только к тем, кто прошел обучение у кого-либо из членов цеха.

Миниатюры из трактата «Хирургия». Начало XIV в.

Независимо от своего места в медицинской профессии, некоторые женщины могли достичь уровня авторитетов в области медицины. Вспомним Хильдегарду Бингенскую, написавшую два объемных трактата по медицине: «Книгу о простой медицине», которую чаще называют «Физикой» (*Physica*), и «Книгу об искусстве исцеления» (*Causae et curae*), в которых подчеркивалась польза лечения травами и соблюдения диеты. Она описывала традиционные методы диагностики, как, например, анализ мочи, приводила рецепты, с помощью которых можно было лечить распространенные недуги, в том числе зубные боли и икоту, но также она рассматривала и тяжелые заболевания, например проказу и эпилепсию. Она приводила инструкции по кровопусканию и предлагала альтернативные методы лечения, например применение банок. Еще одной авторитетной и влиятельной фигурой в средневековой медицине была Трота Салернская, хотя есть вероятность, что такой личности не существовало. Приписываемая ей «Тротула» представляла собой сборник медицинских текстов, не все из которых принадлежали ее авторству. Однако один текст, очевидно, написан ею; как утверждают самые ранние ссылки на трактат по гинекологии в составе «Тротулы», называемый

«О лечении женщин», он был написан Тротой²⁶⁷. Трота и Хильдегарда — фигуры явно выдающиеся, если говорить о почете, каким пользовалась их работа, — их медицинские трактаты относились к числу самых распространенных в средневековый период. На их примере мы видим, что средневековое общество вполне могло поднимать женщин в ранг медицинских светил, даже если ограничивало их возможности применять свои знания на практике.

Помимо прочих существовала одна медицинская сфера, к которой большинство женщин непременно обращались один или несколько раз в своей жизни и где абсолютно преобладали женщины: акушерство. Средневековое общество широко признавало риски, сопряженные с рождением детей. Большинство женщин желали, чтобы во время родов ими руководила профессионально обученная повитуха. Если женщина мечтала о медицинской карьере, а в университет ее не допускали, профессия повитухи была для нее подходящим и надежным вариантом. Сельские повитухи помимо своих прямых обязанностей могли выполнять еще множество других, учитывая особенности сельской жизни.

В «Болезнях женщин» Трота выделяет 16 «неестественных» нарушений, которые могли возникать во время родов. Для исправления большинства из них Трота предписывала такое лечение: повитухе следовало смазать руки смесью из масел льняного семени и пажитника и «вернуть младенца на место... в правильное положение» для надлежащего течения родов²⁶⁸. Если вмешательство повитухи не давало результата и мать умирала, повитуха должна была сделать кесарево сечение. Эта операция рассматривалась прежде всего как вмешательство религиозного свойства: в конце XIV — начале XV веков августинский каноник Джон Мирк

Повитуха принимает роды (рождение Исава и Иакова)

Миниатюра Мастера Франсуа. До 1480 г.

в «Наставлениях для приходских священников» при подобных прискорбных случаях велел им поступать так: *«Вели немедля бабке повивальной / Пусть нож берет и чрево рассекает / Чтоб бедному дитяти жизнь спасти / А ты крести его, покуда он живой / Благочестивым будет сей поступок твой»*²⁶⁹. Увещевание как можно скорее окрестить новорожденного показывает, как мало надежд было на то, что ребенок выживет после такой операции. Хотя повитухи не занимали в обществе такой же высокий статус, как врачи, в их обязанности входили также сложные медицинские процедуры, и ожидалось, что повитухи будут успешно выполнять их. Они не только принимали роды, но и лечили заболевания беременных женщин и помогали им оправиться в послеродовой период. К повитухам также обращались с недомоганиями по гинекологической части, а иногда

повитухи заботились о здоровье всех членов своей общины. В большинстве небольших городов к повитухе обращались с кашлем и простудой, с лихорадкой, с острыми и тупыми болями. Поскольку повитухи уступали рангом дипломированным врачам и, соответственно, брали меньшую плату за свои услуги, можно смело предположить, что средневековое население лечилось главным образом у повивальных бабок.

Помимо прочего, повитухи делали аборт, и позже это дало автору «Молота ведьм» повод для обвинений, что «ведьмы-повитухи различными средствами убивают плод во чреве матери, производят аборт, а когда этого не делают, то посвящают детей демонам»²⁷⁰. Насчет «посвящения новорожденных младенцев демонам» автор немного перегнул палку, но в целом «Молот» подводит к мысли, что готовность женщины помочь сделать аборт свидетельствует о ее желании какими угодно способами служить дьяволу. Впрочем, это касалось только женщин, предлагавших услуги по прерыванию беременности, — и не относилось к повивальным бабкам в целом. В конце концов, не похоже, чтобы повитухи полностью сворачивали свою деятельность даже в разгар ведьмomanии в XVII веке. Им всего лишь приходилось с осмотрительностью выбирать, какие предлагать услуги, если, конечно, они желали оставаться на стороне закона. Повитухи, производившие аборт втайне или вовсе не предлагавшие такой услуги, могли рассчитывать на солидную и востребованную карьеру, не осложненную неприятностями со стороны охотников на ведьм.

Проститутки

Работа в сфере сексуальных услуг тоже вынуждала женщин ходить по тонкой грани между законом и преступлением. В средневековый период проституция считалась

необходимостью, и особенно в больших городах, ввиду беспокойства, что вдруг неженатые мужчины недополучат секса. И Августин Блаженный, и Фома Аквинский предупреждали, что в городской обстановке сдерживаемая похоть может быть опасна. Они предостерегали, что если неженатые мужчины не найдут удовлетворения своим сексуальным желаниям, то они прибегнут к насилию, ведь надо же им каким-то образом сбрасывать свой внутренний жар, накапливающийся в силу их сухой гуморальной природы. Так что оба почитаемых святых в один голос рекомендовали во избежание разгула открывать в городе публичные дома²⁷¹.

Почти во всех крупных средневековых городах работали и процветали публичные дома, хотя их деятельность и ограничивалась некоторыми регламентами. Особые предписания действовали на территории священной Римской империи, где проститутки могли работать только в публичных домах и ни в коем случае не должны были принимать клиентов на дому, а самим публичным домам нужно было получать разрешение у городских властей. Более того, правила также предписывали, где в городе могут размещаться публичные дома. Так, заниматься этим ремеслом можно было либо за городскими стенами, либо на окраинах. Города обычно запрещали устраивать бордели при общественных банях; в некоторых городах представительницам профессии предписывалось носить особую одежду, указывающую на род их занятий. В Лондоне проститутки должны были носить чепец из черно-белой полосатой ткани.

Эти законы и правила доказывают, что работницам в сфере сексуальных услуг в средневековом обществе отводилось свое надежное место. А если они следовали правилам неукоснительно, то могли рассчитывать на поддержку городских властей. В Праге один не в меру ретивый местный священник пытался выселить проституток муниципального борделя

в Оборе из их здания; те обратились в городской магистрат и потребовали вмешаться²⁷². Их гонитель, настырный отец Ульрих, горько жаловался на порочность коммерческого секса, но все было бесполезно: женщины занимались своим ремеслом на вполне законных основаниях, и правовая система стояла на страже их интересов.

**Миниатюра с обнаженными парами,
символизирующими вожделение**

*Из манускрипта *Facta et Dicta Memorabilia**

Хотя закон защищал проституток из Оборы, он же не позволял им выходить за определенные рамки. В северной части Праги за Вацлавской площадью местные власти зарегистрировали несколько жалоб на «подозрительных женщин», которые, предположительно, работали в нескольких нелегальных борделях на улице Краковска. Реагируя на жалобы населения, архидиакон пригрозил, что эти женщины могут быть изгнаны из их жилищ под страхом отлучения от Церкви²⁷³. В Лондоне тоже были ограничения на места, где могли

проживать проститутки, даже в то время, когда они не занимались своим ремеслом. В 1393 году городские власти объявили, что запрещают проституткам «разгуливать по улицам или гостевать в... городе или в его предместьях, днем или ночью; а надлежит им держаться мест, им предписанных, иначе говоря, публичных домов [борделей при банях] на противоположном берегу Темзы и на улице Кокслейн; под страхом утраты и конфискации верхней одежды, что будет на них, а также их чепцов», если они нарушат этот запрет²⁷⁴. Проще говоря, если бы проститутку заметили за пределами установленных для ее профессии мест, ей грозило предание общественному позору в весьма сильнодействующей форме: ее бы раздели до пояса и пустили пешком добираться назад в «надлежащие» ей места.

**Валерий показывает императору Тиберию
распущенность нравов в борделе при бане**

Мастер Антуана Бургундского, ок. 1470.

Несмотря на все притеснения и строгости, проституток можно было найти в большинстве городов. К древнейшей профессии могла обратиться практически любая женщина, готовая соблюдать соответствующий регламент. Если вы не желали быть прислугой, если у вас не было возможности заняться сукновальным ремеслом, как не было и мужа, который привел бы вас в свое ремесло, проституция давала вам возможность заработать на жизнь, притом быстро. Профессия особенно подходила женщинам, недавно прибывшим из деревни, которые нуждались в крове и доходе, не раскрывая при этом городским властям, кто они и откуда, а значит, и не обнаруживая свое местонахождение перед сеньорами, от которых они сбежали.

Однако не все проститутки попадали в профессию по доброй воле. Некоторых женщин завлекали откровенным обманом. Так, в Лондоне некая Элизабет, жена Генри Моуринга, была обвинена в том, что, выдавая себя за вышивальщицу, набирала молодых девушек в ученицы, а вместо того «привязавши их к себе, понуждала [их] ... вести распутную жизнь и вступать в сношения со странствующими монахами, капелланами и прочими мужчинами подобного сорта, как в компании, куда они желали взять тех с собой, так и в ее собственном доме»²⁷⁵. Между тем в Праге женщины иногда вынужденно шли в проститутки, так как не могли расплатиться с долгами. Новоприбывшие в город девицы нередко брали деньги взаймы, чтобы обустроиться, а если не могли вовремя погасить долг, заимодавцы частенько требовали отрабатывать его. И тут выяснялось, что под отработкой подразумевалось не что иное, как проституция. А поскольку проституция считалась законным занятием, требование подобной «отработки» тоже укладывалось в рамки закона, и обманутым женщинам не оставалось ничего, кроме как подчиниться. В одном таком случае бедняжка Дорота

из Стрыгла оказалась в должницах у мадам Анны Гарбатовой, на условиях, что под страхом смерти она обязана отбавывать долг до его погашения²⁷⁶.

Повторю, последствия для занимающихся этой профессией зависели от индивидуальной способности человека держаться в рамках закона. Так, у сводницы Элизабет возникли неприятности с законом, потому что числившиеся под ее началом девицы занимались своим ремеслом в неположенных местах (на улицах Лондона вместо Саутуарка^{*}) и обслуживали неположенных клиентов (лиц духовного звания вместо неженатых мирян). Другое дело Анна Гарбатова, у которой было полное право принуждать Дороту к проституции против ее воли, поскольку она сама неукоснительно соблюдала городские законы. Судьба «проституток поневоле» могла сильно отличаться в разных городах, местностях, и даже у каждой женщины судьба могла быть своей в зависимости от того, насколько законопослушны были те, кто эксплуатировал этих секс-работниц.

При всей законности проституции и даже в иных случаях законности принуждения к проституции этот род занятий всегда считался непочтенным. Пускай он был оправдан с богословской точки зрения, но сами по себе внебрачные половые связи все равно считались развратом и причислялись к разряду грехов, разве что менее тяжких. И потому проституток, когда они занимались своим ремеслом, считали пребывавшими во грехе. Если женщина умирала, еще оставаясь в этой профессии, ее считали умершей вне Церкви и, подобно самоубийцам, запрещали хоронить в освященной кладбищенской земле.

---

* Саутуарк располагается на юге исторического Лондона, через Темзу от Вестминстера и Сити, до 1327 года считался обособленным от Лондона городом, причем законы страны там не действовали. *Прим. пер.*

В Лондоне проституток хоронили в Саутуарке, на отдельном участке земли, называемом сегодня кладбищем Кроссбоунс (Crossbones Graveyard). Многие из похороненных там женщин работали и проживали в домах, которые принадлежали архиепископу Винчестерскому и сдавались им в аренду, его летняя резиденция располагалась на южном берегу Темзы, как раз рядом с общественными банями и борделями. То, что священнослужитель зарабатывал на проституции, было приемлемо, но когда какая-то из женщин, работавших на него в этой сфере, умирала, она выходила из-под его опеки. Проституток хоронили без церемоний и соответствующих таинств невдалеке от епископского дворца, но за пределами прихода в неосвященной земле, что служило вечным символом их положения вне общины, которую они обслуживали. Пусть проститутки и были необходимы, но обращались с ними не по-человечески, а как с расходным материалом.

Проституткам угрожала не только смерть без церковного причастия, но и другие беды. Как я упоминала в главе 3, в богословии придерживались мнения, что проститутки неспособны забеременеть. Гильом из Конша утверждал, что раз проститутки занимаются сексом в порядке трудовой деятельности, а не для удовольствия, то они неспособны выделять необходимую для зачатия сперму. Хотя последнее неверно, проститутки действительно могли утратить способность к зачатию, но по причине инфекций, передающихся половым путем (ИППП), которыми они заражались от клиентов. А той самой «проказой», которую женщины могли передавать своим половым партнерам, «не заражаясь ею сами», скорее всего, была гонорея. Симптомы этого заболевания сильнее проявляются у мужчин, чем у женщин, однако, если его не лечить, оно могло привести женщину к бесплодию. Надо сказать, что в Средневековье ИППП тоже вызывали бесплодие, особенно среди проституток: в 1161 году Генрих II

Английский (1133–1189) издал указ, согласно которому владельцы лондонских борделей не должны «держатъ всякую женщину, если та имеет пагубную немочь жжения» у себя на службе²⁷⁷. В 1256 году французский король Людовик IX Святой (1214–1270) постановил своим указом изгонять из пределов королевства всякого, у кого обнаружится эта болезнь. Так что женщинам, заразившимся ею, грозили вполне реальные последствия, как со стороны закона, так и со стороны здоровья.

В 1495 году в Европу был завезен сифилис²⁷⁸. Распространение новой болезни деморализовало население и сеяло панику, а жизнь проституток сделалась еще опаснее, хотя в мире, не знавшем презервативов, их профессия всегда была полна рисков, а заразившихся общество отвергало. Средневековые ИППП подрывали здоровье женщин, и без того занимавших предательски шаткое положение в обществе, а также приближали участь смерти без церковного причастия. Впрочем, многие проститутки вовсе не собирались отдавать профессии всю жизнь. Женщинам, которых к проституции принудили обманом или долгами, видимо, было труднее выйти из этой профессии из-за препятствий правового или внеправового характера, зато такие препятствия не стояли на пути женщин, которые пошли в проститутки из соображений простоты или удобства этого занятия. По общему мнению, проституцией, необходимой в городской жизни, можно было какое-то время заниматься, а потом бросить это занятие. Желавшим выйти из дела надо было всего лишь обратиться к приходскому священнику, покаяться в грехах и попросить искупления, которое, как утверждал папа Иннокентий III (1160/61–1216), должно состоять в том, чтобы вступить в брак и создать семью²⁷⁹. Мужчинам, которые соглашались взять в жены бывших проституток, дабы подсластить пилюлю, обещали отпущение их собственных грехов. Искупление в виде замужества раскрывает нам суть социальной проблемы проституции.

Очевидно, что обществу требовались проститутки, чтобы держать в узде буйную мужскую похоть, но сами проститутки внушали опасения не только своей сексуальной доступностью, но и тем, что находились вне мужского надзора. Если они соблюдали законы своего города, проститутки могли жить целиком за пределами власти патриархального семейного уклада, жить самостоятельно, тратить деньги как им хочется и заниматься избранным ремеслом. То, что проститутки должны были вступать в брак, воспринималось не просто как приказ бросить сомнительное занятие. Суть была в том, чтобы вернуть беспризорных женщин под контроль определенного мужчины.

Многие женщины шли в проститутки из желания освободиться от пут своей семьи с ее традиционным укладом сельской жизни. Возможно, их не столько манила сама профессия, сколько пугала роль жены и матери, которую они не готовы были на себя взять. Некоторые бывшие проститутки, как выяснилось, думали, что когда они захотят «раскаяться» в своем занятии, то они именно это и сделают, в особенности те, кого на проституцию толкнули долги. Те, кто оказался в этой профессии не по доброй воле, чаще рассматривали свое занятие как греховное и неприглядное, отсюда и их желание как можно дальше в будущем уйти от этого. По счастью, многие истинно верующие были рады помочь бывшим проституткам идти путем добродетельной жизни, и, кстати, епископ Винчестерский не был в этом исключением.

Пример подобного милосердия показывает нам чешский проповедник XIV века Ян Милич из Кромержижа (ум. 1374). Он организовал приют под названием «Иерусалим» для проституток, пожелавших бросить свое занятие, в помещении бывшего борделя, которое передала ему в дар раскаявшаяся содержательница заведения. Ян Милич обычно оплачивал долги вставшей на путь исправления женщины. Если

ей не хотелось возвращаться в общество, она могла остаться в приюте и посвятить себя молитвам и благочестивым размышлениям²⁸⁰. В какой-то момент «Иерусалим» привлек к себе пристальное внимание властей, не в последнюю очередь тем, что наряду с раскаявшимися проститутками там давали приют и проповедникам-мужчинам, но выручала мощная поддержка, которую приюту оказывала городская община Праги. В целом люди того времени, скорее всего, понимали, что если женщина решила покончить с проституцией, то ей обязательно понадобится поддержка, а Милич и его приют «Иерусалим» как раз ее и предлагали.

Приют «Иерусалим» служит примером старинной европейской традиции непосредственного участия в судьбе женщин, решивших покончить с проституцией. Во Франции XIII века такие же приюты действовали в Париже, Тулузе и Марселе; один из них, «Дочери Божьи» (Les Filles-Dieu), получал финансирование от вышеупомянутого короля Людовика IX Святого. Такие же приюты действовали в германских и итальянских землях²⁸¹. В 1227 году папа Григорий IX (ок. 1145–1241) утвердил существование «Ордена кающихся грешниц святой Марии Магдалины», предлагавшего таким женщинам монашескую жизнь. Для вступивших в орден действовали следующие правила: отречение от прежней жизни в возрасте до 25 лет; наказание за мелкие прегрешения постом на хлебе и воде, а за более серьезные нарушения грозило тюремное заключение²⁸². Можно предположить, что подобные строгости отпугивали часть желавших раскаяться в проституции, и, видимо, по этой причине менее формализованные сообщества наподобие приюта «Иерусалим» продолжали активно действовать, зачастую в тех же городах, где размещались обители Св. Магдалины. С какого-то момента орден прекратил принимать раскаявшихся проституток и стал таким же женским монашеским орденом, как остальные.

Впрочем, множество других религиозных сообществ охотно принимали к себе раскаявшихся проституток, но для этого необязательно было вступать в монашество. Однако если эти женщины желали посвятить себя Богу и вере, они могли вступить в любой из многочисленных женских монашеских орденов, многие из которых могли предложить им интересную работу.

Женщины в религии

Монахини неслучайно снова и снова возникают в нашем обсуждении, поскольку очень многие среди них были причастны к схоластическим дискуссиям и трудам на благо местных приходских общин. Монахини возникли как сословие в русле монастырского движения. Вскоре после того, как Бенедикт Нурсийский около 530 года основал первый монастырь Монтекассино и сформулировал заповеди для монахов, живущих общиной под руководством аббата, — бенедиктинские правила, — епископ Цезарий Арелатский (ок. 478–542) написал в 534 году первый монашеский устав. Устав должен был выстроить для мужских, а также для женских монастырей отдельный от светского, параллельный мир, в котором все в нем живущие могли бы посвящать жизнь молитве и трудам — *ora et labora* — «дабы с Божьей помощью не попадаться в пасть к духовным волкам». Монахини давали согласие носить особое одеяние, подчеркивавшее их отделенность от светского мира, и беспрекословно подчиняться воле правившей монастырем аббатисы. Монахини давали обет «никогда до самой смерти [не покидать] стен монастыря»²⁸³. На протяжении всего дня монахини занимались в монастыре самыми разнообразными обыденными делами. Отдельные группы ухаживали за садами, подметали полы, готовили пищу, мыли посуду, стирали, выдывали шерсть, словом, занимались делами, необходимыми для нормальной жизни монастыря²⁸⁴.

Правда, трудовая жизнь монахинь отличалась от трудовой жизни монахов: она проходила исключительно в огороженном монастырскими стенами пространстве. В XIII веке возникает новый тип монашества — нищенствующие монашеские ордена, к числу которых относились францисканцы; они принимали обет бедности и посвящали все силы и время религиозному просвещению верующих. Они проповедовали и давали духовные наставления верующим, которые хотели большего, чем они получали в своих приходах. За это монахи получали милостыню, помогавшую им платить за содержание монастырей. В отличие от францисканцев, монахини ордена святой Клары проводили свои дни внутри монастырей. Пусть их орден основывался на тех же принципах, что и у францисканцев, однако женщинам, особенно когда они посвятили себя религии, не позволялось находиться среди мирян.

Женщина, оставлявшая обычную жизнь, чтобы принять монашеский постриг, могла рассчитывать, что будет жить духовным разумением и посвятит всю себя своей вере. Кто-то приобщался к монашеской жизни еще детьми-облатами, как, например, Хильдегарда. Другие — в возрасте постарше. Теоретически говоря, могло быть и так, что, наслушавшись на проповедях об ужасах замужней жизни, молоденькие незамужние девушки могли испугаться такой участи и предпочесть ей монашеский постриг, чтобы жить в духовном созерцании и общении с Богом. Однако посвятить себя Господу могли не одни только незамужние девицы. Замужняя женщина тоже могла вступить в монашеский орден, правда с согласия супруга. Точно так же принести священные обеты могла и вдова, искавшая утешения в тихой монашеской жизни. Так что хотя бы теоретически ничто не препятствовало женщинам Средневековья, за исключением совсем еще юных, отказаться от жизни в миру, прослужить в монастыре послушницей полгода, в течение которого будут оценены ее

религиозное рвение и призвание к монашеской жизни, а потом начать жизнь монахини, посвященную служению Богу.

Однако в реальности в монахини брали в основном женщин из богатых сословий, чему пример та же Хильдегарда, происходившая из дворянского, хотя и мелкого рода. Могли позволить себе отдать юную дочь в монастырь только достаточно зажиточные семейства, хозяйство которых не понесло бы урона из-за потери рабочих рук. Типичное крестьянское семейство нуждалось в дочери как в помощнице по хозяйству, которая могла доить коров, ухаживать за домашней скотиной, а позже помогать в таких делах, как пивоварение и прядение. Более того, семье, которая отдавала малолетнюю дочь в облаты для дальнейшей монашеской жизни, следовало передать в дар монастырю часть своей земли или денежное подношение, чтобы монастырю было на что ее содержать, пока она не подрастет и не начнет сама полноценно трудиться. Правда, бывали исключения из правила: сирот могли отдавать в женские монастыри, если у них не было родственников, которые могли бы заботиться о них. Но в целом действовало правило, что детей брали в облаты только из обеспеченных семей.

Аналогичные сложности поджидали тех, кто решил уйти в монастырь, уже выйдя из детского возраста. Многим служило препятствием требование знать грамоту, из-за чего необразованная женщина, даже если у нее были средства, не могла поступить в монастырь. Если вы не могли с первых дней вносить вклад в повседневную жизнь обители наравне с другими монахинями, вы вряд ли представляли бы ценность для общины, которая видит своим долгом постоянное служение Господу. Более того, в обители не видели смысла обучать грамоте 70-летнюю вдову, поскольку она в любой момент могла стать немощной. Орден Марии Магдалины, кстати, отказался от требования обязательной грамотности, а ограничился условием, что вступающие должны быть молоды, расквашаться

и быть готовыми получать побои за нарушения. В самых частых случаях женщина, которая желала монашеской жизни, но была бедна, все же могла стать монахиней, но при условии, что будет мириться с очень жесткими правилами и порядками. Зато женщины со средствами могли поступать в монашеские ордены, чьи правила были свободнее, а телесные наказания применялись реже.

Сказанное не означает, что женщинам низших сословий следовало распрощаться с надеждой на духовное служение. Напротив, многие стремились к духовной жизни в самых разных формах. Вспомним раскаявшихся проституток, которые жили в приюте Яна Милича «Иерусалим»: подобно им, некоторые женщины тоже объединялись в сообщества для жизни близкой к монашеской, хотя формально оставались мирянками.

В конце XII — начале XIII века женщин, которые вели религиозную жизнь вне женских монастырей, обобщенно называли *бегинками*. Их общины возникали в достаточно больших городах, где их могли бы принять и где они могли бы получать поддержку — в Амстердаме, Генте, Льеже и Брюгге. Обычно бегинки определяли себе примерно ту же миссию, что и нищенствующие францисканцы: они стремились вести апостольскую жизнь, посвященную активному служению, что и приводило их в многолюдные города, где было достаточно горожан для духовного попечения.

Бегинки приходили к религиозной жизни разными путями. Некоторые продолжали жить в своих семьях, но посвящали себя молитве, проповеди и благочестивому размышлению. Другие селились вместе в так называемых *бегинажах*, сами зарабатывали себе на жизнь различным ручным трудом и посвящали остальное время духовной деятельности. От всех бегинок требовалось быть незамужними или жить отдельно от мужей с согласия последних. Бегинки обычно

вели аскетичный образ жизни, не похожий на образ жизни в апостольской бедности, который культивировал орден святой Клары. Главные различия бегинок и монахинь состояли в том, что бегинки не подчинялись строгому уставу и не приносили священных обетов, обычно принимали к себе женщин из низших классов и не были заперты в монастырских стенах, а жили в миру. В самом деле, вряд ли можно было служить членам местной общины, если не можешь и шагу ступить за пределы *бегинажа*.

Монахиня исповедуется

Миниатюра из Псалтыря королевы Марии

Принадлежность к бегинкам могла означать разные, порой несопоставимые вещи, и потому реакция на них в обществе была разной. Находились те, кто всеми силами старался представить их образцами добродетели. Богослов и каноник Жак де Витри (ок. 1160–1240) описал жизнь святой бегинки Мари из Уаньи (1177–1213), что впоследствии немало способствовало ее канонизации. Побудившая его к проповедничеству Мари была привержена «утруждению своими руками... дабы

изнурять свое тело страданиями и обзаводить необходимым нуждающихся»²⁸⁵. Мари выросла в богатой семье и вышла замуж наперекор родительской воле. Впоследствии сделалась очень набожной и ревностно умерщвляла плоть. Она спала на деревянных досках, обмотав талию веревкой, чтобы лишать себя сна. Она также все время изнуряла себя постами, отказывалась употреблять в пищу мясо и питалась хлебом настолько черствым, что во рту у нее оставались кровавые порезы. В конечном счете она посвятила себя целомудрию, и ее решение встретило понимание у ее не менее набожного супруга. Вместе с супругом Мари оказывала попечение и уход прокаженным. С ней случались божественные видения, и молва говорила, что ей была дана сила исцелять больных, а одного она исцелила, дав ему прядь своих волос. Коротко говоря, Мари из Уанье обладала особой святостью, что и дало Жаку де Витри основания напрямую рекомендовать ее папскому престолу.

Если Мари обладала всеми наилучшими качествами бегинок, ее сестры по движению порой совершали деяния совсем неподобающие. Сама Мари никогда не проповедовала, однако некоторые бегинки не стеснялись делать это в своих общинах, как и служившие им примером братья францисканцы. Бегинка и мистик Маргарита Поретанская (ум. 1310) даже написала книгу духовного содержания «Зерцало простых душ», пространное рассуждение о понятии *agápe* — или вселенской любви. В книге, написанной вместо латыни на общепотребительном французском языке, рассказывалось, как душа человека проходит семь стадий полного исчезновения и в конечном итоге переходит в Одно с Богом, то есть растворяется в единении с Ним. Понятие любви Маргарита связывала с Богом: «Я есть Бог, говорит Любовь, ибо Любовь есть Бог, а Бог есть Любовь, и эта Душа есть Бог по условию Любви. Я есть Бог в силу божественной природы, и эта Душа есть Бог

по праведности Любви»²⁸⁶. Подобный ход рассуждений был встречен Церковью в штыки. Епископ Камбрайский приказал Маргарите сжечь все копии ее книги. Она отказалась, ее заподозрили в ереси и подвергли пыткам, а в 1310 году верховный инквизитор Франции доминиканец Гийом Парижский (ум. 1314) велел сжечь ее на костре.

Маргарита служила примером наихудшего жизненного сценария, поскольку жила религиозной жизнью без надзора. Считалось, что женщины умственно уязвимы по сравнению с мужчинами и потому могут стать легкой добычей для еретиков, которые могли заразить слабые женские умы неприемлемыми измышлениями. И если такая женщина взялась бы проповедовать, она могла бы распространить еретические идеи в общинах, которым служила. Женщины просто не могли понять, в какой момент они начинают извращать учение Церкви. Те, кого, подобно Маргарите, одернули, но кто отказывался изменить свои убеждения, относились к другой категории, однако большинство женщин просто не понимали разницу между церковным учением и ересью.

Монахиня за молитвой

Начало XVI в.

Так что отношение к бегинкам было неоднозначным. Но, невзирая на чувства своих современников, бегинки предлагали праведную жизнь и духовную работу в общине женщинам, у которых не было других путей к духовной жизни. Были бегинки еретичками или не были, их помощь ценили в общинах, на благо которых они не жалели сил. Пусть их труды общество не всегда признавало «легитимной» формой женской работы, но само существование бегинки доказывает, что женщины всех классов желали выполнять работу, которую считали исполненной смыслом. Они учреждали собственные общины, открывавшие им возможности, которые в ином случае бывали доступны только для состоятельных классов. Более того, жизнь бегинки была не только одной из немногих возможностей для женщин посвятить себя религиозной жизни, но и возможностью хоть немного изменить к лучшему жизнь своей приходской общины. Жизнь в благочестии и молитве за толстыми стенами монастырей одобрялась обществом. Но если женщина желала изменить жизнь своей общины к лучшему и в то же время сохранить верность благочестивой жизни, ей лежала прямая дорога в бегинки, как ни очерняли их злопыхатели.

Женщины у власти

Вовсе не совпадение, что больше всего сведений о женщинах Средневековья касаются тех, кто занимал самое высокое положение в обществе. Представительницам знати и королевских династий, обладавшим властью и престижем, уделялось непомерное внимание, их возвышали и славил, но, по правде говоря, они были всего лишь горсткой избранных. И бывало так, что ослепленные блеском их славы и богатства авторы оставляли без внимания куда более насыщенные жизни простых женщин Средневековья.

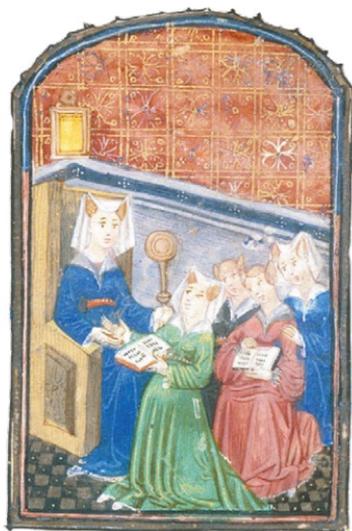
Но как ни малочислен был круг высокородных дам, их жизнь почти полностью поглощала работа, к которой

обязывало их положение. Заботясь об устройстве собственного будущего, они невольно подстегивали распространение в обществе идей о стандартах женской красоты и опасений относительно женской сексуальности. С самого рождения всякая дочь знатного рода рассматривалась как потенциальная невеста. Ее внешность, манеры и духовный облик были не просто чертами ее личности, а показателем ее достоинств как будущей супруги и матери. Однако на пути к заветному замужеству знатные дамы выполняли ряд обязанностей. Они могли поступать на должность придворных дам и переходить от двора одной сиятельной особы ко двору другой или даже служить при королевских дворах. Выйдя замуж, они едва ли могли ограничиться ролью «просто» матери, хотя эта роль тоже была не из простых. Знатные дамы нередко участвовали в политических переговорах или интригах, а также в церковных обрядах и церемониях. Некоторые дамы сопровождали своих супругов на войну и с войны и даже обсуждали вопросы военной тактики. Другие дамы оставались дома, чтобы, пока их мужья находились в отлучке, управлять делами в имении и владениях, насчитывавших порой по несколько сотен крестьян или работников, а также надзирать за запутанными счетоводными процедурами, поскольку движение денег требовало постоянного внимания. Так что в целом знатные дамы хотя и купались в разнообразной роскоши, но без дела не сидели.

Дамы, принадлежавшие к правящим классам, обычно получали домашнее образование. Юных девиц обучали чтению и письму, для того чтобы лучше подготовить к будущим обязанностям. Их первыми учителями чаще всего были их матери, знакомившие дочерей с той работой, которую тем предстояло выполнять, когда они сами станут матерями. Состоятельные молодые девушки могли учиться, так сказать, на коленях своих матерей, особенно начиная с XIII века,

обучаясь по материнским часословам. Однако полученное у матерей образование, даже в богатых семьях, по большей части носило устную форму.

Когда девочки усваивали все знания, которые могли передать им матери, для дальнейшего образования богатые семьи обычно приглашали частного учителя-женщину. Разумеется, самые видные и родовитые семейства, в том числе королевские, нанимали воспитательниц для обучения как сыновей, так и дочерей примерно до достижения ими семилетнего возраста. Девочкам постарше их учительницы, которых практически всегда выбирали из дворянских семейств, обычно преподавали знания, связанные с домашними делами. Английская королева Элеонора Кастильская (1241–1290) пригласила в наставницы для своей дочери принцессы Джоанны (1272–1307) Эделин Попье из Понтье в Пикардии²⁸⁷. Такие учителя обучали хорошим манерам, вышиванию и некоторым

Учительница и ученицы

Миниатюра из молитвенника середины XV в.

Выезд благородной дамы

Миниатюра из книги Кристины Пизанской «Герцог истинной любви»

другим женским занятиям, однако не просвещали своих воспитанниц в сложных вопросах философии. Собственно, этого от них и не требовалось.

Воспитанные в родовитых семействах дочери по достижении половой зрелости обычно поступали на службу приближенными дамами. Как и от женщин других сословий, от них ожидали пользы и помощи в самых разнообразных делах. По большому счету, их главным назначением было составлять компанию другим высокопоставленным дамам. Они прислуживали этим дамам, когда те посещали свои владения, а также составляли им компанию в поездках в гости к другим благородным дамам. Когда принцессу выдавали замуж в другую страну, ее обычно сопровождала туда многочисленная свита юных соотечественниц в ранге приближенных дам, для того чтобы они помогли своей госпоже обвыкнуться при дворе своего иностранного супруга. Когда Анна Богемская (1366–1394) покинула императорский двор своего отца в Праге, чтобы сочетаться браком с английским королем Ричардом II, ее

сопровождала свита из юных благородных чешских девиц — появившись в Лондоне, юные чешки, по всей видимости, нравились английским дамам вкус к высоким «рогатым» чепцам и верховой езде в дамском седле²⁸⁸.

От приближенных дам требовалось выполнять все работы, какие входили в обязанности работающей женщины в любом домохозяйстве, в том числе прядь шерсть, ткать, шить или вышивать. Иногда приближенные дамы помогали в уходе за садом, в приготовлении лечебных или косметических мазей. Приближенные дамы более высокого положения удостаивались чести стирать постельное белье своей госпожи и заправлять ее кровать. Молодых девиц держали в свите приближенных и для того, чтобы показать зажиточность дома, особенно в позднем Средневековье. Когда знатная дама прибывала в гости или ко двору, сопровождавшая ее свита из юных богато одетых девушек сразу же говорила окружающим, что перед ними очень важная персона.

Дамы благородного происхождения иногда предоставляли своей госпоже услуги очень личного и специфического свойства во время официальных празднеств и церемоний. Так, в 1487 году кавалерственная дама Кэтрин Грей и придворная дама Диттон весьма необычным способом прислуживали Елизавете Йоркской* во время ее коронации: они «залезли под стол, где уселись по обе стороны от ступней королевы и просидели так весь обед». Во время той же церемонии две другие дамы, графиня Оксфордская и графиня Риверская, «простояли на коленях подле королевы и в нужный момент подносили Ее Величеству платок»²⁸⁹. Конечно, очень удобно, когда кто-то услужливо подает тебе салфетку, однако

---

* Елизавета Йоркская (1466–1503) — супруга первого английского короля из династии Тюдоров Генриха VII, мать Генриха VIII. *Прим. пер.*

подобная услуга, пожалуй, не так уж нужна, разве что ее требует церемониал. Надлежало, чтобы новой королеве прислуживали высокородные дамы королевства, чем подчеркивалось ее положение на вершине иерархии власти.

Миниатюра из «Книги о Граде женском»
Кристины Пизанской. 1410–1414 гг.

Наградой за сидение под королевским столом нередко бывало выгодное замужество, однако не все приближенные дамы торопились покинуть службу и зажить своим домом, слишком дорожа приобретенным при дворе положением и связями. Придворная дама могла после замужества удостоиться высокой придворной должности, особенно в позднем Средневековье. Как те две графини, что коленопреклоненно простояли подле Елизаветы Йоркской во время ее коронации. Немолодым придворным дамам их венценосная госпожа нередко поручала вести от ее имени сложные ответственные дела. В 1312 году Изабелла Французская (ок. 1295–1358) отправила

в Лондон двух своих приближенных дам по своим личным делам, а еще одну замужнюю приближенную даму, Алис де ла Леграв, — к леди Кристине де Мариско «потолковать с ней о делах, затрагивающих лично королеву»²⁹⁰. Многие приближенные дамы и после замужества оставались на придворной службе, поскольку дел для них при дворе всегда хватало, в особенности по мере их взросления. Та же королева Изабелла — прозванная Французской волчицей и позже снискавшая сомнительную славу тем, что в открытую сожительствовала со своим любовником и, если верить слухам, свергла своего супруга Эдуарда II (1284–1327), чтобы возвести на престол сына Эдуарда III (1312–1377), — вряд ли доверила бы свои дела 15-летней девице, какой бы красивой и хорошо одетой она ни была.

Бракосочетание Эдуарда II и Изабеллы

Миниатюра из «Староанглийских хроник» Жана де Ваврена. 1475 г.

Если одни придворные дамы предпочитали оставаться при дворе, чтобы выполнять ответственные поручения своей венценосной госпожи, то другие покидали придворную службу

ради собственного дома и хозяйства, что нужно расценивать как некоторого рода подвиг. От супруги и матери дворянского семейства требовалось вести дом и смотреть за хозяйством, а если супруг был крупным помещиком, то на плечи супруги ложилось также управление землями, поместными крестьянами и работниками, а также семейным бюджетом и доходами, особенно когда супруг где-то отсутствовал. Как отмечала Кристина Пизанская, знатные дамы, проживавшие в своих имениях, тратили массу времени на хлопоты по дому и хозяйству, пока их мужья находились при дворе или за границей. Чтобы управлять земельными владениями и доходами от них, супруге требовалось знать, какими правами по закону она обладает, сколько средств она должна брать в налог с урожаяев, а также как вести счета хозяйства и управлять штатом прислуги, арендаторами земли и крестьянами. При этом мать семейства должна была присматривать за дочерьми и их хозяйственными трудами, а также «переделывать великое множество прочих дел, описать которые здесь не позволяют ни время, ни место»²⁹¹.

Среди этих «прочих дел», которые упоминает Кристина, особенно важными были надзор за кухней, погребами и кладовыми. Это было непростой задачей, ежедневно кормить домочадцев и многочисленную челядь. По этой причине хозяйка дома обычно прибегала к помощи управляющего, который помогал вести учет потребляемых продуктов и их стоимости. Одна леди XV века, Элис де Бриен, регулярно получала от своего управляющего Джона отчеты о том, что и в каких количествах съедалось в ее доме, так что мы в точности знаем, сколько провизии потреблялось ее семейством и прислугой в период с 1412 по 1413 год. Так, 2 октября леди Элис было сообщено, что в доме 6 человек позавтракали, 18 человек пообедали и 12 поужинали. И что сейчас в запасах есть 44 буханки белого и шесть буханок черного хлеба (сорт хлеба из ржаной муки

с добавлением цельнозерновой пшеничной муки), покупное вино, эль из собственных запасов поместья, половина соленой рыбы и одна вяленая рыба для кухни. Ей также сообщили, что закуплены сотня устриц за два пенса, сотня копченых селедков за 18 пенсов, а также 33 мерланга и девять камбал за 14 пенсов. По каким-то причинам для лошади лавочника купили зерна за полпенса, тогда как на конюшне шестерым лошадям, принадлежавшим госпоже и ее дамам, скормили сено, а также бушель овса. Общая сумма покупок составила 2 шиллинга и 10 пенсов. По меркам XV века такую сумму умелый ремесленник мог заработать примерно за неделю.

На следующей неделе кухня истратила кварту пшеницы на выпечку 236 буханок белого и 36 буханок черного хлеба. Между тем в пивоварне сварили 112 галлонов эля, на что были истрачены две кварты солода. На большие праздники, скажем на торжественный новогодний обед, следовало отложить примерно 15 шиллингов (37-дневный заработок ремесленника), чтобы накормить ожидавшихся гостей, в том числе «Томаса Малчера с тремя сотнями арендаторов и прочими заезжими», которые явятся в расчете, что их накормят. Притом что записи этих хозяйственных трат сделаны рукой управляющего Джона, именно леди Элис предстояло вникнуть в них и разобраться, сколько было куплено и потрачено²⁹².

Хотя все эти повседневные хозяйственные дела определенно были трудоемкой работой, те дамы, что принадлежали к рыцарской знати, также должны были делать приготовления на случай военных набегов. Не просто так представителей дворянства часто называли «теми, кто воюет», дома высшего дворянства нередко становились объектами нападений. За тысячу с лишним лет Средневековья на замки и поместья феодального дворянства то и дело кто-нибудь нападал, среди прочих набег совершали викинги, соседи-феодалы, королевские войска, а также бунтовавшие крестьяне. В состоятельном

Королевский пир

Миниатюра из Псалтыря Королевы Марии

семействе Пастонов (семейство относилось к английским джентри, так называли нетитулованное дворянство или состоятельные семьи, которые не считались дворянством, так как у них не было титула) жены участвовали в приготовлениях на случай нападений, о чем свидетельствуют письма. Так, Марджери Пастон просила мужа «раздобыть некоторое количество арбалетов, и тетивы для них, и [тяжелых коротких] стрел для них тоже; потому что твои дома здесь такие низенькие, что нет никакой возможности стрелять длинными стрелами, хотя никогда прежде нам такой сильной нужды в том не бывало... и еще прошу я тебя добыть две или три короткие секиры, чтобы нам держать в доме, и столько же тяжелых доспехов»²⁹³. Ее просьба показательна в том смысле, что в семьях, в которых мужчины не обладали по какой-то причине военным опытом, женщины помогали супругам планировать защиту своих домов на случай нападения.

Кроме того, знатным дамам полагалось заниматься меценатской деятельностью в сфере искусства. Их покровительство поэтам и художникам лишний раз демонстрировало

обществу, что такое благородное происхождение, а самих дам выделяло как образованных и обладающих утонченным вкусом. В итоге чтение книг, заказы на их копирование и организация книжных выставок составляли часть неперенных занятий благородных дам. В сущности, покровительство искусствам составляло такую же неперенную обязанность, как и хозяйственные заботы, разве что более приятную.

Помимо того что знатные дамы несли тяжелый груз светских и хозяйственных обязанностей, они еще и могли помогать мужьям в политических делах. Брачные союзы, в которые они вступали из политических расчетов, равно как и заботливо данная им матерями выучка, влекли за собой соответствующий круг постоянных обязанностей. Знатные дамы могли участвовать в обсуждении политических дел и нередко давали своим мужьям ценные советы в этой сфере. Они могли хлопотать о примирении между своими родными и родными со стороны мужа, завязывать отношения с дамами из других могущественных кланов. Связи, приобретенные ими на придворной службе, оказывались весьма полезными, когда они возвращались в свои владения. Потому что даже тихая сельская жизнь знатных дам изобиловала заботами и хлопотами, в том числе и в сфере политики, как и жизнь любого мужчины их положения.

Если мы взялись рассуждать о том, как и где трудились женщины Средневековья, мы неизбежно подойдем к тем сительных дамам, о которых наслышаны больше, чем о женщинах любого другого положения, — к королевам. Особам королевских кровей вменялись те же обязанности, что лежали на плечах знатных дам, но в дополнение к тому особый акцент делался на государственных делах и публичных церемониальных мероприятиях. Как показывает пример Изабеллы Французской, которая нагружала доверенных придворных дам разнообразными поручениями, королевы нередко преследовали

личные цели, и ими зачастую двигали собственные расчеты и намерения. Королева нередко брала на себя роль посредника между собственной родней и высшей знатью королевства ее супруга и, подобно искусному дипломату, улаживала возникавшие разногласия и конфликты интересов. Особенно значимой становилась роль королевы, когда она обращалась к правящему супругу как ходатай в делах управления государством. Если король избирал некий образ действий, от которого ему потом приходилось отказываться, он выставлял себя правителем слабым или неумным. В таких случаях королева могла напрямую вмешаться в дела управления королевством с призывом к супругу смягчиться, чтобы уберечь его от промахов из-за скоропалительных решений. Так что благодаря королеве король получал возможность сохранить лицо.

Та же Анна Богемская, когда не была занята тем, что знакомила английских дам с новыми веяниями моды на чепцы особой формы, умело защищала интересы своих подданных. Ее супруг Ричард II, по мнению простых людей, был человеком тяжелым и недалеким. Он велел жестоко подавить восстание крестьян, вспыхнувшее в 1381 году сразу в нескольких областях и позже охватившее почти всю страну; восставшие крестьяне требовали большей платы за свой труд и расширения свобод. Но Ричард II, судя по всему, не извлек уроков из народного восстания — в 1391 году он спровоцировал новое противостояние с подданными, на сей раз с жителями Лондона. В июне того года король потребовал у города заем в десять тысяч фунтов, однако городские власти, пытавшиеся в то время совладать с новой вспышкой чумы и нехваткой продовольствия, отказали королю. Оскорбленный отказом, король решил поквитаться с обидчиками: он урезал городские свободы, сместил мэра и членов городского управления, перевел свою администрацию в Йорк, а возглавлять Лондон поставил своего капитана. Мало того, Ричард потребовал

с мятежных лондонцев штраф в сотню тысяч фунтов (около 9 миллионов фунтов стерлингов в пересчете на сегодняшние деньги) — по всей видимости, в качестве компенсации за свои уязвленные чувства.

Мало того, король сознательно пытался лишить Лондон его статуса и привилегий. Не слишком разумная затея, учитывая непомерное значение города как центра торговли. Тогда-то и вмешалась королева Анна: она сумела отговорить короля от уничтожения самого главного города его королевства, она умоляла его в Виндзоре и Ноттингеме не губить Лондон, восстановить мэра и простить городу наложенный штраф. Лондонцы тоже выказали желание сделать шаг к примирению, если король восстановит их свободы. Они пообещали выплатить королю в виде штрафа те самые десять тысяч фунтов, которые тот изначально требовал в заем. По случаю примирения король с королевой устроили пышную церемонию в Вестминстер-холле, во время которой королева снова бросилась на колени перед своим супругом и снова умоляла его простить Лондон. Ричард поднял ее с колен и усадил подле себя в знак, что дарует Лондону прощение. Однако он не торопился восстанавливать все свободы до самого 1397 года, но и тогда обусловил их новым займом из городской казны.

Королевы иногда вмешивались и в отношения королей с Церковью. В 1141 году папа Иннокентий II (ум. в 1143) утвердил назначение Пьера де Ла Шатра (ум. 1171) архиепископом Буржа, а французский король Людовик VII (1120–1180) попытался наложить вето на его решение. В ответ папа отлучил короля от церкви. Затянувшийся конфликт вылился в войну между сторонниками Пьера де Ла Шатра и французской короной; конфликт достиг кульминации, когда в осажденном королевским войском городе Витри погибла тысяча человек. В 1144 году супруга Людовика VII Алиенора Аквитанская

отправилась с визитом к видному богослову Бернарду Клервоскому (1090–1153), который состоял в дружбе с новым папой и которого церковь вскоре причислила к лику святых. Алиенора попросила, чтобы папа отозвал интердикт, наложенный его предшественником на сторонников короля, а взамен пообещала, что король поддержит первоначальную кандидатуру на место архиепископа Буржа. Ее просьба была удовлетворена.

**Алиенора Аквитанская обращается с прошением
к папе римскому**

Также некоторые королевы могли получать в свои руки власть в военной сфере, и архетип королевы-воительницы мы снова находим в лице Алиеноры Аквитанской. Раздавленный виной в гибели стольких людей во время осады Витри,

Людовик VII в качестве искупления грехов решил отправиться в Крестовый поход. Алиенора приняла участие во Втором крестовом походе, но не просто как супруга короля, а как предводительница Аквитании и полководец с собственным войском, призвав под свои знамена аквитанских подданных. Алиенора также набрала отдельный женский отряд из свиты приближенных дам. Алиенора поддерживала переписку со своим дядей Раймундом де Пуатье (ок. 1099–1149), носившим тогда титул князя Антиохийского. Алиенора желала уточнить, какие военные силы потребуются для поддержки рушившихся одно за другим государств крестоносцев. Второй крестовый поход окончился плачевно, главным образом из-за бездарного командования Людовика VII. Брак короля с Алиенорой не пережил похода, и спустя несколько лет они получили от церкви согласие на развод, формальным поводом для которого было якобы близкое родство супругов. В целом считается, что даровитую правительницу Алиенору с ее блестящими талантами унижали убогие военные потуги супруга. Королеве, которая могла и сумела собрать и возглавить собственное войско, негоже было терпеть возле себя такого слабого супруга.

Алиенора Аквитанская — женщина и правительница выдающаяся даже среди выдающихся. Ее военные вылазки — хотя подобное не сказать, чтобы было чем-то неслыханным, — всё еще оставались редкостью среди дам ее положения. Неслучайно Алиенора Аквитанская была и остается, пожалуй, самой знаменитой среди немногих известных нам женщин Средневековья. И все же она смогла достичь столь многого именно потому, что занимала положение королевы и обладала соответствующей властью. Пусть мало кто из коронованных особ женского пола таким образом распорядился своей властью, но это не было невозможным.

Даже если королевы не участвовали в военных походах, их все равно обременяли многочисленные важные дела и обязанности. Как и других высокородных дам, положение обязывало королей покровительствовать как Церкви, так и искусствам. Одним из ярких примеров тому служит Маргарита Анжуйская (1430–1482), которая выделялась среди королей Средневековья усердными и неустанными трудами на многих поприщах. Француженка по рождению, Маргарита Анжуйская сочеталась браком с королем Англии Генрихом VI (1421–1471) и нередко управляла делами королевства, когда ее супруга одолевали приступы психического заболевания. Как в свое время Алиенору Аквитанскую, Маргариту призвали встать во главе войска партии Ланкастеров во время Войны Алой и Белой розы. Тем не менее при всех этих обязанностях она находила время и для щедрого меценатства. По ее указу в 1448 году в Кембридже был учрежден Куинз-колледж, один из старейших в составе Кембриджского университета. Кроме того, Маргарита немало сделала для повышения уровня и значимости текстильного производства Англии, основную роль в котором играли женщины. Для укрепления отрасли она велела завезти в Англию опытных мастеров из Фландрии. Но что еще важнее, именно стараниями Маргариты в Англии появилось шелкоткачество. Королева выписала мастериц по шелкоткачеству из Лиона, чтобы они обучили ремеслу английских ткачих, и основала в Лондоне Союз Сестер-шелкоткачих. Хотя в конце концов Война Алой и Белой розы привела Маргариту в плен после поражения в битве при Тьюксбери (1471) и ее выслали во Францию доживать свои дни в изгнании, ее труды не пропали даром: шелк, производство которого было налажено в лондонском районе Спиталфилд именно благодаря ее прямому покровительству шелковой отрасли, вплоть до XIX века высоко ценился и пользовался хорошим спросом.

Маргарита Анжуйская и Генрих VI

Пусть средневековые королевы жили в роскоши и утонченности, высокое положение обязывало их решать сложные, трудные и ответственные задачи. Королевам приходилось уравновешивать своей властью власть короля, рожать и воспитывать наследников, управлять королевскими дворцами и замками, вникая во все детали и тонкости, покровительствовать искусствам и ремеслам, смягчать трения между королем и Церковью и в то же время поддерживать прочные связи с родней, друзьями и союзниками как своими, так и своих супругов-королей, а иногда даже командовать армиями. И все же мы не должны уделять повышенное внимание королевам в ущерб остальным женщинам Средневековья. Не будем забывать, что на каждую королеву, которая купалась в богатстве и вела сложные дипломатические игры, приходились тысячи усердно трудившихся крестьянок, которые держали дом и хозяйство, работали в полях и на фермах и вносили свою лепту в политическую жизнь деревни. Конечно, мы должны воздавать должное королевам за их труды, но все же именно трудами рядовых женщин жила и процветала средневековая Европа.

Женщины всегда были труженицами. Наряду с домашними хлопотами они работали в полях и на фермах, варили пиво, пекли хлеб, занимались ремеслами, отдавая труду гораздо больше времени, чем большинство мужчин. Не потому ли некоторые женщины Средневековья стремились предостеречь своих современниц от непомерных тягот семейной жизни и направлять к менее тяжелой и более спокойной жизни в монашестве? Представления о том, что женщины начали работать только в недавнее историческое время, не более чем современная выдумка и злая насмешка. Возможно, средневековое общество и не воздавало женщинам похвалы за их профессии, но работавшие женщины были явлением настолько распространенным, что даже не считалось обязательным отдельно упоминать о них.

Тогда откуда мы взяли эту ложную идею? Отчасти ее корни кроются в самом отношении людей Средневековья к женщинам и труду. Женщину воспринимали не столько как личность, сколько как товар. Ее «продавали» в рамках института брака как производительного работника, который будет трудиться наравне с супругом и заодно продолжать его род. Даже если женщинам удавалось вырваться из семьи еще незамужними, все равно от них ожидали, что они будут работать в домашнем хозяйстве или вступят в какое-нибудь религиозное сообщество, чтобы вести духовную работу и возносить молитвы за свое семейство. Конечно, можно выдвинуть аргумент, что взятые вместе домашние, репродуктивные и религиозные труды поглощали энергию женщин точно воронка, которую мы упускаем из виду, однако здесь нам незачем увлекаться теоретизированием. Потому что женщины всех сословий действительно трудились наравне или в союзе с мужчинами — разве что их труд почти не получал признания.

В средневековом сознании не укладывалась мысль, что женщинам надо воздавать должное за их труд как

полноправным работникам, потому что в самой женщине далеко не всегда видели самостоятельную личность. Во многом так же, как в семье родственникам мужского пола следовало надзирать за своими родственницами, чтобы не допустить их неподобающего поведения, так и в работе за женщинами должна была следить какая-либо соответствующая уважаемая организация, чтобы держать их под контролем. Таким образом, женщины работали не для самих себя, а состояли на службе у своей семьи, у своего домохозяйства или же в услужении у Церкви и рассматривались как часть института, на который работали, а не как отдельные личности. И теперь наша обязанность отыскать этих женщин и назвать своим именем все, что они делали, а именно — полезной и необходимой работой.

Почему это важно?

Люди Средневековья руководствовались иными, чем мы, критериями для суждений о женщинах, иными стандартами женской красоты, иным отношением к женской сексуальности и иным пониманием того, как женщинам жить и работать. Однако мы обычно пренебрегаем этим фактом. Это можно было бы списать на случайность. Казалось бы, есть ли проблема в том, что мы превратно представляем себе сложный исторический период, тем более завершившийся полтысячелетия тому назад? Однако при этом мы затушевываем тот факт, что истории, которые мы *все-таки* знаем и рассказываем о Средневековье, позволяют нам утверждать, что современные представления

о женщинах, как и отношение к ним, намного лучше и выше, чем в те темные века.

Как просто принять на веру, что в прошлом было больше жестокости и деспотичности, чем в наше время, даже несмотря на то, что как тогда, так и сейчас женщин считают низшими существами по сравнению с мужчинами. Мы привыкли строить предположения о том, как были устроены давние времена, опираясь на собственный жизненный опыт. Если мы считаем, что наше отношение к женщинам с течением времени стало более справедливым, мы предполагаем, что раньше это отношение было хуже. Безусловно, за последнее время женщины значительно продвинулись в сторону равноправия с мужчинами, чему в огромной мере способствовала целенаправленная борьба феминистического движения с негативными представлениями о женщинах. Феминизм — метко определенный в 1986 году писательницей Мари Шир как «радикальное представление о том, что женщины — это люди» — был и остается одним из знаковых феноменов поздней современности²⁹⁴. Начиная с XVIII века и вплоть до начала XX века феминизм выступал за законодательное признание равноправия полов, а также за избирательное право для женщин (хотя, надо заметить, зачастую конкретно для белых женщин). Во время второй волны — с 1960-х по 1990-е годы — феминизм выступал за репродуктивные права женщин и подвергал пересмотру слишком узкую концепцию сексуальности. С конца 1990-х годов и по сегодняшнее время феминизм переживает третью волну, которая содержит в своей основе постколониальное и постмодернистское мировоззрение и призывает делать больший упор на интерсекциональность и субъектность женщин.

Ввиду его заметной роли в культуре феминизм иногда представляют как уже свершившийся факт — *fait accompli*. И действительно, исследованные в этой книге темы десятилетиями

напрямую обсуждались в произведениях, составляющих феминистский канон. В 1929 году Вирджиния Вулф писала о том, что социальное давление требует от женщин сохранять определенный внешний вид, и задавалась вопросом: «Что для тебя значит твоя красота или уродливая внешность и как ты относишься к вечному круговороту вещей, туфель, перчаток, лаков?»²⁹⁵. В 1963 году своей книгой «Загадка женственности» Бетти Фридан бросила вызов общераспространенному мнению, что женщина может реализовать себя только в роли матери и домохозяйки. Женская сексуальность вышла на первый план и стала центральной темой в феминистской полемике периода так называемой сексуальной революции 1960-х годов.

Все эти женщины оказали реальное воздействие на общественное сознание, благодаря чему во многих уголках мира положение женщин улучшилось. Этот прогресс позволяет нам составить представление о нашем обществе как о постфеминистском эгалитаризме (равенстве прав и возможностей), решительно отмежевавшемся от отсталого регрессивного прошлого. Нам говорят, что женщины уже добились равноправия, и в доказательство указывают на возрастающее число работающих женщин, или на запускаемые косметическими фирмами бьюти-кампании для «разных стандартов красоты», или на рекламные кампании секс-игрушек, которые объявляются необходимыми для «хорошего самочувствия». А если где-то еще остаются какие-либо несправедливости, говорят нам, ну, значит, они, скорее всего, обусловлены конкретными непреложными биологическими факторами, которых никак не могут изменить ни философские дискуссии, ни политическая агитация.

Изъян данного аргумента в том, что даже беглый взгляд в Средневековье покажет, что никогда не существовало какой-то одной устойчивой причины, по которой женщины до сих пор продолжают бороться с несправедливостями по отношению к себе.

Женская природа, или Чем второсортны женщины? Позвольте перечислить — чем

Как мы уже видели, средневековые европейцы выстроили свои гендерные представления на смеси классической древнегреческой и древнеримской философии и детальной христианской теологии. И все, от Аристотеля до Фомы Аквинского, выносили единогласный вердикт: женщины были *сотворены* существами вторичными по отношению к мужчинам. Как в классической, так и в христианской космологии понятием «человек» обозначался мужчина. Мужчины, как считалось, разумны, благочестивы, невозмутимы, сильны и отважны. При этом они не лишены недостатков, например вспыльчивы по причине горячей и сухой гуморальной природы, но это всего лишь естественное продолжение их добродетелей, и с этим ничего не поделать.

В отличие от мужчин, холодные и влажные женщины виделись неразумными, болтливыми, чрезмерно озабоченными сексом и трусливыми. Если у женщин и были положительные качества, то они относились только к работе в домашнем хозяйстве, где женщины могли проявить свою заботливость. Женщинам настолько глубоко присуща была их неприглядная и порочная натура, что даже средневековому идеалу женственности Деве Марии пришлось просачиваться сквозь теологическую лазейку, чтобы появиться на свет без первородного греха, замаравшего остальных представительниц ее пола.

Мыслители эпохи Просвещения четко разграничили архаичные средневековые предрассудки и религиозные представления с одной стороны и более рациональные научные концепции — с другой. Это с легкой руки философа-просветителя Вольтера (1694–1778) распространился взгляд на средневековый период как на «темные времена». По его мнению,

зародившиеся в то время идеи следовало выбросить и заменить новыми. Названия последующих эпох — Возрождение и Просвещение — должны были показать, насколько основательно старались похоронить предшествующие века.

Мужчина и женщина играют в шахматы

Миниатюра из «Манесского кодекса»

Однако некоторые философские идеи Средневековья не только не исчезли, но и сохранились даже в эпоху Просвещения, правда, облеченные в рациональную форму. Английский философ и врач Джон Локк (1632–1704) выдвинул идею, что превосходство мужчин над женщинами обусловлено естественными причинами и выводится из толкования грехопадения человека. Он утверждал, что «Бог в [библейском мифе о сотворении] ... предсказывает, каков будет жребий жен, как он своим провидением постановит, чтобы она подчинялась своему мужу, и как, мы видим, законы людей и обычаи народов устроили это именно таким образом, и, я должен признать, для этого есть основание в природе». Из-за того, что

Ева впала в искушение, общество упорядочилось таким образом, чтобы держать в повиновении разнообразные женские слабости. В итоге мужчина «по праву природы» берет верх. Например, в семейных разногласиях «необходимо, чтобы... были водворены некие правила, и это естественным образом возлагается на мужчину, как на более умелого и твердого»²⁹⁶. Вас, наверное, удивит, что для своего времени данный тезис выглядел радикально проженским. Утверждение, что «муж... [обладает властью] распоряжаться всеми делами, имеющими значение для частной жизни в своей семье», потому что он умен и силен, было прогрессом по сравнению с утверждением, что мужчины правят миром, потому что так установил Бог.

Другие мыслители разделяли мнение относительно места женщин, но приводили иные обоснования. Жан-Жак Руссо (1712–1778), например, настаивал, что женщины «не по естественной своей природе» посвящают себя домашним делам вроде воспитания детей. Домовитость, утверждал Руссо, всего лишь привычка, которую женщины усвоили, живя рядом со своими отпрысками. Будучи в естественном состоянии, женщина холила и лелеяла своих детей «почти без усилий», «...сначала выкармливала... детей, потому что ей самой это было необходимо; затем привычка делала их для нее дорогими — и она кормила их потому, что это было им необходимо. Как только у них появлялись силы искать себе пропитание, они немедленно покидали мать», то есть теоретически дальше мать продолжала жить своей жизнью отдельно от детей, как это заведено у животных. Но поскольку европейское общество прошло путь великого прогресса, женщины совершенно одомашнились, поставив отношения между полами в один ряд с «гражданским обществом, искусствами, торговлей и всем тем, что объявляется полезным для мужчин»²⁹⁷. Иными словами, обособление женщин в рамках специфической домашней роли, которая для мужчин считалась неподобающей,

произошло не «естественным путем», а напротив, стало крупным достижением цивилизации, утверждал Руссо.

«Женский» мозг

Опираясь на якобы прогрессивные идеи эпохи Просвещения, мы беремся заново оценивать наши представления о половом поведении, уже через призму научного понимания. И теперь в объяснение, почему женщины *второсортны* по сравнению с мужчинами во всем, чему наше общество придает значение, в ход идет сам факт того, что между полами есть определенные *биологические* различия. Кто бы мог подумать?

В 2003 году знаменитый клинический психолог, профессор Кембриджского университета Саймон Барон-Коэн вторгся в дискуссию о межполовых различиях со своей новой теорией, которую изложил в книге «Принципиальное различие: мужчины, женщины и чрезмерно мужской мозг»*. По его утверждению, существуют три типа мозга: «эмпатический» (тип *E*), систематизирующий (тип *S*) и занимающий промежуточное положение между ними «сбалансированный» мозг (тип *B*). У большинства мужчин, считает Барон-Коэн, мозг типа *S*, иными словами, мужчин больше интересуют вещи и их устройство, чем люди, и этот их интерес позволяет им накапливать опыт в самых разнообразных сферах и предрасполагает их к лидерству. В противоположность мужчинам у женщин мозг в большинстве случаев относится к типу *E*, что располагает их к болтовне и сплетням, к дружбе и к материнству.

К таким выводам Барон-Коэн пришел на основании эксперимента с младенцами полуторадневного возраста, считая,

---

* Барон-Коэн известен исследованиями феномена аутизма, и под «чрезмерно мужским мозгом» он подразумевает именно мозг аутиста. Упомянутая книга (*The Essential Difference: Men, Women, and the Extreme Male Brain*) не переводилась на русский язык. *Прим. пер.*

что они еще не обременены социальными ожиданиями и потому теоретически более склонны проявлять врожденные биологические реакции. Эксперимент заключался в том, чтобы в течение минуты показывать детям человеческое лицо, а потом объект (которым служил телефон) тоже минуту, при этом фиксировать движение глаз и определять, на что ребенок захотел смотреть дольше, на человеческое лицо или на телефон. По результатам эксперимента Барон-Коэн сообщил, что мальчики смотрели на телефон примерно 51% времени, а на человеческое лицо — 41% времени, тогда как в остальные 8% времени заметной разницы во внимании не фиксировалось. В отличие от мальчиков, девочки смотрели на лицо 49% времени, а на телефон — 41% времени. В остальные 10% времени у девочек разницы во внимании к человеческому лицу и к телефону не выявлено.

Амальфея, кумская сивилла

Миниатюра из книги Джованни Боккаччо

«О знаменитых женщинах»

Наше общество прямо-таки души не чает в экспериментах подобного сорта, поскольку они дают авторитетные данные в пользу феномена, который мы замечаем еще со времен Платона. Беда в том, что сам вывод из экспериментальных данных не выглядит корректным. Другие исследователи, которые пробовали воссоздать эксперимент Барона-Коэна, не смогли прийти к такому же выводу — даже сам автор эксперимента, и тот в последующих экспериментах не получил такого же результата, как в первом²⁹⁸. Полагаю, удивляться тут нечему, если вспомнить, что новорожденные младенцы еще не могут сами держать головку. А младенцев, которые участвовали в эксперименте, держал на руках кто-то из родителей, и вполне вероятно, что малыш в итоге смотрел на то, на что ему удобнее было смотреть в том положении, в каком его держали.

Более того, как указала профессор Мельбурнского университета Корделия Файн, у новорожденных младенцев еще не развилась устойчивость внимания. В большинстве исследований, призванных выявить у новорожденных предпочтение того или иного стимула, эти стимулы демонстрируют одновременно, помещая их один возле другого, и наблюдают, на каком из двух младенец сфокусирует внимание. «Если вы вместо этого показываете стимулы по очереди, — отмечает Файн, — то не сможете с определенностью утверждать, потому ли младенец дольше смотрел на стимул А, что действительно больше заинтересовался им или по той причине, что во время показа стимула В его раздражали какие-то внутренние ощущения, или он уже хотел спать, или просто успел немного утомиться, когда дошла очередь до стимула В»²⁹⁹. Однако тот факт, что результаты Барона-Коэна оказались невоспроизводимыми и потому с научной точки зрения спорными, несколько не препятствует им всплывать всякий раз, когда они кому-то на руку.

Саймон Барон-Коэн не единственный своими исследованиями льет воду на мельницу «нейромифологии» — так психолог Дайан Халперн называет ошибочные идеи о половых неврологических различиях. Она приводит в пример одного доктора медицины, который бодро оповестил зрителей новостного выпуска на телеканале CBS-TV, что «у мужчин в шесть с половиной раз больше серого мозгового вещества, чем у женщин», тогда как «белого мозгового вещества вдесятеро больше у женщин», поэтому мужчины больше способны к обработке информации, а женщины — к мультизадачности. В этом поразительном заявлении неверно почти все, в том числе предположение, что дифференциация клеточных тел серого вещества и миелиновых аксонов белого вещества мозга имеет какое-либо отношение к вышеупомянутым процессам. Что еще хуже, здесь не учитывается тот факт, что «под влиянием жизненного опыта наш мозг изменяется, и потому так называемые различия в мозге у мужчин и у женщин могли быть вызваны (а не являться их причиной) различиями в жизненном опыте»³⁰⁰.

В одной из работ Халперн упоминает, как в некоей муниципальной школе учительница класса с отдельным обучением объясняла, что разделяет мальчиков и девочек, потому что «исследователи мозга уже доказали, что у мальчиков обучение происходит иначе, чем у девочек»³⁰¹. Тем не менее доказано, что когда детей разделяют по какому-либо критерию, они делают вывод, что эти группы действительно существенно различаются между собой, и в результате у детей развиваются предубеждения. Таким образом, разделение детей в раннем возрасте на мальчиков и девочек закрепляет у них представление, что существуют специфические половые различия, влияющие на качество усвоения знаний, и это представление они потом возьмут с собой во взрослую жизнь³⁰². Таковую же необоснованную позицию мы видим

в печально известной истории вокруг Google Memo, когда в 2017 году сотрудник IT-гиганта был уволен после того, как распространил в компании псевдонаучное сочинение, в котором заявлял, что из-за биологических особенностей женщины неспособны работать на одном уровне с мужчинами в технологических компаниях. В тексте, кстати, упоминалась работа Саймона Барона-Коэна³⁰³.

Если, чтобы доказать неизбежность статуса матери для женщины, в качестве теоретического аргумента почему-то не приводят женский мозг, тогда берутся выставлять в качестве «обвиняемых» женские гормоны. В ходе исследования гормонов команды ученых установили, что женщины с повышенным уровнем эстрогена «более склонны к материнству». Они пришли к такому заключению, спросив у группы женщин, сколько детей и когда те хотели бы завести, а затем измерив уровень эстрогена в их моче³⁰⁴. Подобные исследования подтверждают распространенную психологическую мудрость о тикающих «биологических часах», подталкивающих женщин к материнству и связанных, по мнению ряда исследователей, с гипофизом, а проще говоря, с «сущностью» женской природы³⁰⁵.

Пусть ученые, равно как и широкая публика, убеждают себя в том, что женские гормоны предопределяют роль матери для женщины, еще больше научных исследований доказательно опровергают подобную связь. Как еще в 1987 году отмечала социолог Нэнси Чодороу, всё еще «отсутствуют свидетельства, указывающие, что женские гормоны или хромосомы оказывают влияние на готовность к материнству у человека, зато есть существенные доказательства, что небологические матери и отцы способны точно так же растить детей, как биологические, и в такой же мере способны испытывать родительские чувства»³⁰⁶. Это и по сей день остается фактом.

В целом нет никакой проблемы в том, что женские гормоны помогают женщине, когда она становится матерью. Материнство, в конце концов, должно восприниматься как нейтральное состояние женщины, в которое она либо входит, либо нет. И все же факта материнства часто бывает достаточно, чтобы окружающие считали женщину менее компетентной, чем равных ей по положению мужчин или бездетных женщин. Как недавно установили социологи Шелли Коррелл, Стивен Бенард и Айн Пайк, работающих матерей считают на 10% менее компетентными, чем их бездетных сверстниц. Кроме того, полагается, что если сравнивать с бездетными женщинами, то работающие матери на 12% меньше преданы своей работе. И что вообще не укладывается в голове, у отцов, наоборот, сосредоточенность на работе на 5% выше, чем у бездетных мужчин. Тем же работающим матерям, как выяснилось, меньше платили, зато их коллеги куда пристрастнее судили их работу в особенности из-за собственных ощущений, что у работающих матерей есть проблемы с пунктуальностью³⁰⁷. В целом среднестатистическая работающая мать в Америке ежегодно теряет около 16 000 долларов в зарплате из-за так называемого «штрафа за материнство»³⁰⁸. Получается, что теоретически обусловленная гормональная обреченность женщин на материнство активно препятствует им участвовать в трудовом процессе и строить карьеру.

Вы заметили, что на чем бы ни строились современные представления о половых различиях, будь то социальные объяснения или научные, ни те ни другие не оспаривают тот непреложный факт, что своим нынешним социальным положением женщины обязаны воздействием непреодолимой силы. Если мы препятствуем участию женщин в общественной жизни по соображениям социального порядка, то делаем это исключительно потому, что вынуждены. Иначе кто будет воспитывать детей?

Изменчивый стандарт женской красоты

Современное и средневековое общества совершенно сходятся во мнении, что в женщине самое важное — это то, как она выглядит. И в наше, и в то время было решено, что женщине, чтобы ее причислили к красавицам, следует обладать определенным набором черт. В нашем обществе акцент на женскую внешность настолько повсеместен, что мы уже почти привыкли к нему. Нас беспрестанно окружают рекламными роликами, в которых красивые молодые девушки стараются продать нам, в общем-то, все что угодно, а средства массовой информации, какой формат ни возьми, заполнены женщинами выдающейся привлекательности. Это наблюдение не поражает принципиальной новизной, и большинство женщин уверены, что о них почти всегда будут судить по тому, насколько выгодно они подают себя и какое впечатление производят. Социологи уже многократно доказали в исследованиях, что в любой стране, будь то Германия, Китай или США, женщинам, которые отвечают национальным стандартам привлекательности, всегда больше платят, чем женщинам той же квалификации за ту же работу, но которые считаются менее привлекательными³⁰⁹.

Эта благосклонность к красоте, в которой уверяют нас все, от психологов до журналистов в популярных фитнес-изданиях, имеет научное обоснование и никак не связана с объективацией женщины*. Как показано в многочисленных научных статьях, мужчины предпочитают женщин с фигурой «песочные часы» — выраженная тонкая талия и округлые бедра, что измерялось индексом талия — бедра (WHR). Автор статьи в журнале *Frontiers of Psychology* признает, что

---

* Объективизация женщины — отношение к женщине исключительно как к инструменту для сексуального удовлетворения, без учета личности или способности испытывать чувства. *Прим. пер.*

«влияние WHR на привлекательность широко распространено». Согласно гипотезе автора, низкий индекс позволяет мужчине распознать в женщине *женщину*; сигнализирует о ее репродуктивном возрасте; помогает определить, беременна ли женщина в данный момент и какова в целом ее плодовитость; и даже может указывать на то, есть ли у нее паразиты³¹⁰. Однако самое распространенное объяснение особого внимания к женской фигуре «песочные часы» заключается в том, что она особо притягательна для мужчин, потому что они «знают, сами того не подозревая», что женщины с такой фигурой фертильны и, по всей видимости, прежде не беременели³¹¹.

Женщина собирает цветы

Миниатюра 1470 г.

Это «естественное» и «эволюционное» предпочтение женских форм в виде песочных часов сильно удивило бы средневековых европейцев, которых, как мы уже видели, больше привлекали грушевидные женские формы. Как нам объяснить пристрастие средневековых мужчин к округлому женскому брюшку, если мужчины разглядывают женское тело

на предмет признаков возможной беременности, и если обнаруживают их, сторонятся такой женщины? И как быть с сегодняшними топ-моделями высокой моды, которые все высокого роста, с грудью маленького или среднего размера и с узкими бедрами, и тем не менее общепризнанны как воплощение эталона идеального женского тела? Все эти параметры привлекательности недостижимы для большинства женщин, даже если они лягут под нож пластического хирурга.

Более того, наше общество не разделяет и многих других средневековых пристрастий по части женской внешности. Предположим, мы всё еще считаем белокурые волосы идеалом красоты, но во многом другом непостоянны. Взять хотя бы цвет кожи: за последние полвека мы превозносили то загорелое тело, то светлое — обратите внимание, ни черная кожа, ни смуглая никогда не входили в западные стандарты красоты. Что касается бровей, то в моду попеременно входят то брови-ниточки, то брови густые. И еще мы не разделяем средневекового преклонения перед «высоким гладким» женским лбом. Если стандарты красоты формируются под влиянием эволюционного процесса, то почему наши современные предпочтения так отличаются от господствовавших в прошлом и почему современные стандарты меняются даже от десятилетия к десятилетию?

Единого устойчивого идеала женской красоты, который пережил бы века, никогда не существовало даже в пределах Европы. Красота представляет собой социальный конструкт, и разные эпохи наполняли его разными характеристиками. Оправдание социальных норм красоты научными средствами — такое же социальное конструирование, как старания Матвея Вандомского вывести средневековый идеал красоты, и потому заслуживает не большего внимания. А может, и меньшего, ведь Матвей хотя бы оставил нам поэзию, воспеваящую сформулированный им идеал красоты.

Таким образом, хотя женщин обязывают соответствовать почти недостижимым стандартам красоты, современное общество, как и средневековое, предпочитает, чтобы женины *были* красавицами просто так, сами того не осознавая, и при этом вписывались в понятие скромности, что помогает держать их в приниженном положении. Мы больше не угрожаем женщинам жуткими муками Ада за пристрастие к косметике, но по-прежнему желаем, чтобы они выглядели красавицами без всяких ухищрений, тогда как в реальности, чтобы достичь такого эффекта, требуются большие деньги, а иногда даже хирургическое вмешательство. Между тем индустрия моды осаждаёт женщин агрессивной рекламой, постоянно внушая им, что каждая просто обязана приобрести вот этот последний писк сезона, не то она будет списана в разряд безликой серой массы. Ожидания по части внешней красоты, под давлением которых существуют сегодня женщины, породили множество тесно связанных между собой отраслей глобального размаха, которые продают женщинам все, что только можно вообразить, от одежды до операций по подтяжке лица, однако их продукты все равно обзывают мишурой и пустышками — тщетными в основе своей потугами сравняться с идеалом, который женщине надлежит олицетворять, не прибегая к этим глупостям. Но стоит женщине вообразить, что она прекрасна и следует моде, ее могут легко посчитать тщеславной гордячкой.

Есть еще кое-что, позаимствованное нами у средневекового общества: как и в те времена, сегодня выйти в признанные красавицы проще женщинам с солидными средствами. Белокурый цвет волос и по сей день очень востребован среди белых женщин, тем более что к их услугам большой выбор искусственных методов, как превратиться в блондинку. Женщины со средствами могут позволить себе окрашивать волосы у профессионалов в салонах красоты и приобретать

вид «естественных» блондинок. Менее обеспеченные окрашивают волосы в домашних условиях, хотя для этого тоже нужны кое-какие свободные деньги, а они бывают не всегда. Предпочтение белой кожи среди людей белой расы уступило место предпочтению загорелой кожи, а поскольку все больше женщин в наше время работают в закрытых помещениях, поджаренная солншком кожа намекает на обилие свободного времени, проводимого на воздухе, вдали от компьютера и домашней рутины. В нашем сознании загар прочно связан с представлениями об отпуске на берегах теплого моря или о путешествиях в экзотические страны, что далеко не каждому по карману. Между тем женщины со смуглой или черной кожей старательно избегают солнца или покупают средства для отбеливания кожи.

Интерес к маленькой женской груди, так ценимой в Средневековье, уступил место предпочтению более крупных форм, которые легко доступны женщинам с солидными средствами. Индустрия красоты предлагает также неинвазивные варианты увеличения груди, например бюстгалтеры с эффектом пуш-ап, правда они тоже требуют затрат, но обойдутся куда дешевле пластики. Точно так же обстоят дела и с предпочтением плоского живота, сменившим средневековую моду на выпирающий живот: заветной подтянутости мышц пресса, о которой сегодня мечтают многие женщины, можно достичь только серьезными физическими тренировками, а они требуют свободного времени, не всегда доступного женщинам, работающим по многу часов за скромную плату и спешащим с работы домой, где они должны ухаживать за детьми и выполнять домашние обязанности. Более того, занятия пилатесом не обязательно придадут малообеспеченным женщинам желанные формы, которых легко могут добиться состоятельные дамы с помощью пластической хирургии.

Как и в Средневековье, современная женская мода явно благоволит богатым и нередко намекает, что праздность и есть самое модное из всех возможных положений. Женщины, проводящие весь рабочий день на ногах и добирающиеся до работы общественным транспортом или пешком, попросту не могут носить высоких шпилек. Те, кто носит обувь таких модных фасонов, могут позволить себе перемещаться на личном транспорте со всеми удобствами даже на небольшие расстояния, после чего они могут дать отдых ногам, в том числе и на работе. В общем, как говорит моя подруга, шпильки — «это сорт обуви, который надеваешь, чтобы дойти от машины до дверей ресторана». Точно так же не могут позволить себе безупречную модную одежду сельские труженицы и женщины на производстве, которые на работе носят униформу, как и прочие трудящиеся женщины, которых дома ждут дети и которым предстоит заняться множеством домашних дел.

Таким образом, мода насаждает и закрепляет идеи роскоши и красоты. Сегодня, когда мода выделилась в отдельную отрасль, эти представления внедряются с еще большей силой, чем в Средневековье, когда общество решительно пресекало попытки престолюдинов копировать стиль одежды правящего класса. Сегодня мода поощряет всех и каждого приобретать люксовые бренды, правда, для большинства они как были, так и останутся недостижимой роскошью.

Наше общество и до сих пор цепляется за сомнительную истинность представления о женской привлекательности и девичестве. Из года в год юных девушек выставляют на публику, всячески выпячивая их достоинства как сексуальных объектов, но при этом требуют от них целомудренного поведения. И порицают, если у девушки не получается соответствовать этому неисполнимому стандарту. В 2019 году еще 17-летняя тогда поп-звезда Билли

Айлиш заявила, что специально носит мешковатую одежду, чтобы не дать сделать себя объектом гиперфиксации и сексуализации, хотя такой образ активно навязывается женщинам музыкальной индустрией и музыкальной культурой. Но она стала объектом гиперсексуализации и ажиотажа в СМИ, когда сфотографировалась в майке с одним из своих фанатов. Как выразился один интервьюер, «она несовершеннолетняя, но даже CNN написала статью о сиськах Айлиш»³¹². Двумя годами позже уже достигшая совершеннолетия Айлиш появилась в корсете на обложке одного из выпусков *British Vogue* и сразу же столкнулась с негативной реакцией возмущенной публики, в итоге она лишилась «ста тысяч подписчиков, причем только из-за сисек»³¹³. И это была реакция именно на то, что она поступила по своей воле. Получается, что сексуализировать ее против ее воли — это нормально, а когда она добровольно предстала в откровенной одежде — это проблема.

Понятно, что наше общество до сих пор озабочено гипотетической девственностью женщин. Этот интерес временами выставляют как еще одну эволюционную особенность: тот, кого влечет к невинной девушке, может объяснить себе это желанием быть уверенным, что их общие дети будут только от него. Но этот тезис по большому счету синонимичен средневековому взгляду на целомудренность, даже если заменяет родителей и Бога теоретическим биологическим «импульсом». Следуя средневековой традиции, мы тоже ставим юных сексуально неискушенных девушек в положение, само собой подразумевающее, что их следует воспринимать как объекты сексуального желания. Будь это юные придворные дамы или поп-звезды на обложках журналов моды, мы, подобно нашим средневековым предшественникам, охотно любимся этими молодыми девушками и расстраиваемся, когда они недовольны нашим вниманием.

«Чистота» остается непомерно притягательным для мужчин качеством даже после того, как у женщины случился первый секс. Мы озабочены тем, сколько у женщины половых партнеров, и открыто заявляем, что ей можно заниматься сексом только со считанными партнерами и все равно считаться привлекательной. Притом что современный мир более терпим к нетрадиционным половым отношениям, наше общество в своих тревогах по поводу половых партнеров женщин, похоже, интересуется почти исключительно их гетеросексуальными контактами. Мужчин беспокоит секс женщин с другими мужчинами, а то, что у женщин могут быть однополюые контакты, для них «не в счет». И наоборот, влечение женщин к женщинам или их однополюые отношения обычно выставляются как отдельная, специфическая форма влечения. Это нам только кажется, что мы отказались от религиозных представлений о надлежащем поведении женщин, но на самом деле мы всё еще придерживаемся взглядов на целомудренность, хотя именно на тех средневековых представлениях оно и основано. Мы приходим к тому же итогу, разве что используя новые и еще более изощренные средства.

Идеальная красавица Средневековья совсем не похожа на современную топ-модель, а современное отношение общества к красоте очень напоминает средневековое. Пусть это невероятно удручает, однако показывает нам, что положительные перемены возможны. Мы можем отказаться от затаенной против женщин бесчестной игры, открыть наш мир для приятия многообразных идеалов красоты и уменьшить значение красоты в жизни женщин.

Изменения в сексуальности

Со времен Средневековья наши представления о сексуальности и о женщинах изменились, впрочем, вы могли и не знать об этом, поскольку в целом нам еще только предстоит усвоить

такой же серьезный глубокомысленный подход к сексуальности, какого придерживались средневековые мыслители. Мы лишь недавно начали рассматривать изучение секса как законную область знания, однако до сих пор считаем, что эта тема только отвлекает нас от серьезных научных тем. Несмотря на наше знакомство с публикациями Альфреда Кинси, доктора Рут и доктора Дебби Хербеник*, обсуждение сексуальности вне клинического контекста обычно воспринимается как нечто совершенно несерьезное. И потому мы всё еще сталкиваемся с препятствиями на пути научных исследований секса и формирования служб по охране сексуального здоровья ввиду упорного нежелания властей выделять на это финансирование³¹⁴.

Уклонение нашего общества от того, чтобы с научной точки зрения рассмотреть сексуальность, отчасти продиктовано убеждением, будто мы и так знаем, что такое секс. Как нас учат (если нам повезло получить хотя бы какие-то знания в этой сфере от образования), секс — это то, чем занимаются мужчина и женщина, когда очень-очень любят друг друга и решают завести ребенка. По мере взросления мы узнаем подробности того, как это происходит: поцелуи, тисканье, взаимная мастурбация, оральный секс и, наконец, «настоящий» секс, который понимаем точно так же, как понимали его люди Средневековья, а именно через проникновение пениса во влагалище.

Кроме того, мы искренне уверены в том, как у разных полов соотносятся сексуальность и отношения. Мужчины мирятся с романтическими отношениями, чтобы получить

---

* Альфред Кинси (1894–1956) — американский сексолог, основатель института по изучению секса, пола и воспроизводства при Индианском университете в Блумингтоне. Рут Вестхаймер, более известная под псевдонимом Доктор Рут (р. 1928) — американский сексопатолог. Дебби Хербеник — профессор Университета Индианы и президент американской Ассоциации сексологов и терапевтов. *Прим. пер.*

секс. Женщины мирятся с сексом, чтобы поддержать романтические отношения. Однако европейская традиция рассматривать женщин как жадных до секса ненасытных созданий существует гораздо дольше, чем современное представление о фригидности женщин.

Любопытно, что христианские философы древности и Средневековья потратили много времени на то, чтобы убедить людей воздерживаться от всякого секса, не ведущего к деторождению. Но ведь и мы склонны верить, что единственный вид секса, который имеет значение, — это секс с проникновением пениса во влагалище. А все прочие виды секса, включая те, что, по мнению обладательниц клитора, доставляют больше удовольствия, воспринимаются только в качестве прелюдии. Это подтверждает распространенная бейсбольная метафора секса, называющая поцелуи первой базой; прикосновения через одежду или ласки выше пояса — второй базой; ручную стимуляцию половых органов или оральный секс — третьей базой, а секс с проникновением — четвертой базой или выигрышем. Сексологи тратят уйму времени и сил, чтобы развенчать и опровергнуть такой «сексуальный сценарий»³¹⁵.

Получается, в наших представлениях о сексе мы не так уж далеко ушли от Средневековья, раз не принимаем во внимание те его виды, которые более прочих могли бы заинтересовать женщин. Пьетро д'Абано из Падуанского университета называл женский оргазм за счет клиторальной стимуляции «неблагоразумным», что очень напоминает Фрейда, называвшего такой оргазм «инфантильным» или «незрелым»³¹⁶. Для обоих мужей науки оргазм, достигнутый иными, чем проникновение пениса, способами являет собой глупость или ребячество, указывающие на ложное понимание истинного назначения секса. Если что и поменялось за века, разделяющие д'Абано и Фрейда, так это ответ на вопрос, *почему* им так не угодил клиторальный оргазм.

Сапфо, девица с Лесбоса и поэт

Миниатюра из книги Джованни Боккаччо

«О знаменитых женщинах»

Средневековый мир ставил под запрет клиторальный оргазм, достигнутый в половом сношении, которое не могло привести к зачатию. Как считали Блаженный Августин и Фома Аквинский, получать слишком много наслаждения во время секса означает наносить оскорбление Богу и потому такое надлежит пресекать. А нам те же самые действия видятся как баловство, которое отвлекает от «главного». Нам и в голову не приходит, что мы как общество и правда могли поддаться на раздававшиеся целое тысячелетие призывы покончить с содомией и держаться строго детородного секса.

Мы убеждаем себя, что наши сексуальные мысли, особенно когда это касается женщин, основаны на чисто биологических позывах и свободны от всего, что нам когда-либо внушала Церковь. Но это же смешно. Даже средневековые люди подняли бы нас на смех, заикнись мы, что заниматься сексом нас толкают исключительно биологические побуждения завести

детей. Тогда почему, возразили бы они, женщины жаждут секса, даже когда у них менструация и зачатие в принципе невозможно? Если мы заикнулись на сексе с проникновением пениса во влагалище просто потому, что такой секс в силу нашего физического и биологического устройства приносит наслаждение, тогда почему клитор расположен снаружи? Если секс именно так и устроен, тогда зачем философы и богословы столько веков подряд заклинали людей отказаться от занятий сексом, который сексом не считался? Наше отношение к сексу определенно обладает некоторой биологической «первоосновой», но господствующие среди нас представления о сексе, безусловно, порождены обществом.

Современные мыслители, как и средневековые, всё еще определяют женщину главным образом по ее детородному потенциалу. Представление, что женщины занимаются сексом, чтобы заманить мужчину в ловушку, произрастает из идеи, что женщина в первую очередь производительница детей. Когда дело касается секса, «респектабельных» женщин никогда не сочтут инициаторами или движущей силой процесса. Они участвуют в сексе лишь потому, что желают стать матерями. Напротив, женщин, жаждущих секса как такового, равно как и секса более чем с одним партнером, обычно выставляют испорченными, сомнительными и чуждыми всякой женственности. Средневековые богословы были бы просто счастливы, что мы подаем секс в таком же теоретическом обрамлении, что и они. В конце концов, не для того ли создана женщина, чтобы служить мужчине и помогать ему плодиться? Когда мы вслед за ними выставляем секс занятием, в котором женщины участвуют, чтобы зачать детей, мы делаем ту же работу, какую делала для них средневековая Церковь. Можно представить себе их изумление, если бы они слышали, что женщины «от природы» целомудренны и моногамны, но они бы проглотили это, учитывая, что

взамен мы соглашаемся видеть в сексе одно лишь средство для размножения.

Из-за их же представления о том, что женская сексуальность растленна, средневековые мыслители не жалея времени дивились и поражались сексуальному потенциалу женщин, как и наслаждению, которое женщины испытывают во время секса, даже если считали женское наслаждение не таким качественным, как мужское. С другой стороны, наше современное переосмысление женщины как сосуда для мужских половых удовольствий привело к появлению новых взглядов на женский оргазм. В самом деле, эволюционные психологи задаются вопросом, почему вообще женщины испытывают оргазм, если для деторождения он необязателен. Некоторые пытаются разрешить это затруднение гипотезой, что женщины могут испытывать наслаждение во время секса, чтобы «скрепить моногамный союз» между собой и мужчиной, а по другой гипотезе — чтобы способствовать «всасыванию спермы». И что особенно невыносимо, ряд исследователей вообще списывают женский оргазм в разряд «случайных побочных продуктов мужского оргазма, подобно тому как мужские соски, [которые] явно не несут никакой функции и относятся к случайным побочным продуктам того факта, что у женщин соски есть»³¹⁷.

Забавно, что как наша современная точка зрения сместилась в сторону принятия предпочтительного для Церкви отношения к сексу, так сместились и наши представления о том, кто получает от секса удовольствие. Теперь, когда секс считается «благом» прежде всего как средство деторождения, наше общество решило, что это мужчинам нравится секс, причем в идеале им нравится секс со многими разными партнерами. В отличие от них, женщины изображаются верными созданиями, которые надеются, что если они, стиснув зубы, перетерпят секс с одним мужчиной, то взамен получат ребенка и преданного супруга. И все же неважно, сколько научных статей

написано на тему «естественной избирательности» женщин при выборе партнера, факт остается фактом: на протяжении почти всей летописной европейской истории женщин считали жадными до секса с любым мужчиной, какой только согласится на это.

Тем не менее кое-какие средневековые пережитки сохранились, в том числе наше отношение к женщинам, пережившим сексуальное насилие. Вслед за людьми Средневековья мы считаем, что женщины, которых изнасиловали, скорее всего, «сами напросились». Мы определяем изнасилование как жестокое действие, совершенное против женщины, а не против опекающего ее мужчины, как формулировали средневековые законы. Однако мы нередко виним в этом самих изнасилованных женщин, несмотря на достигнутые за десятилетия успехи в продвижении феминистских идей и несколько юридических побед на этом фронте.

Когда на женщину нападает насильник, мы спрашиваем, во что она была одета, сколько выпила, почему была одна, зачем пошла на свидание с мужчиной, если не хотела с ним секса, — словом, выуживаем любые подробности, которые оправдали бы пережитые ею нежелательные сексуальные домогательства. Просто нам легче выставить виновной женщину на том основании, что она сама испорченная, чем признать, что мужчина совершил нечто ужасное. Таким образом, когда идея о фригидности женщин перестает служить интересам патриархата, ее можно отбросить. И ее место занимает средневековое представление о женщинах: сексуально озабоченных, только и мечтающих о том, чтобы погубить окружающих мужчин злокозненными чарами своей сексуальности.

К счастью, мы больше не обвиняем женщин в ведовстве, а идея, что женщины могут прибегать к оккультным обрядам, чтобы добиваться секса с мужчинами, уже более-менее ушла

в прошлое. Зато в нас все еще живо представление, что женщины обладают мощной, возможно даже, колдовской сексуальной властью над мужчинами. В самом деле, что, как не это, может спровоцировать на домогательства мужчин, которые в ином случае мирно занимались бы своими делами?

Одним словом, ясно, что при всех переменах в нашем отношении к женской сексуальности со времен Средневековья одно остается неизменным — уверенность, что сексуальность у женщин неправильного свойства. Общество с прежней решимостью настаивает на неверном отношении женщин к сексу. Миллионы и миллионы людей занимаются сексом вне пределов нормативно-гетеросексуального контекста, и у них мы можем научиться некоторым важным вещам, которые помогут нам сломать наши самонадеянные гипотезы относительно секса. Один такой урок заключается в том, что нам следует отбросить богословскую, а также псевдонаучно обоснованную идею о назначении секса единственно как способа зачать детей. Тогда мы научимся разделять секс на те его виды, которые либо интересны нам, либо неинтересны. Те, кого обвиняют в отсутствии интереса к сексу, смогли бы убедиться, что очень даже интересуются им, когда то, что доставляет им удовольствие в сексе, доступно и не считается зазорным. Если мы разорвем застарелую связь между сексом и деторождением, то отойдем и от привычки определять женщину по ее детородной способности.

Благодаря историческому опыту мы можем отказаться от идеи, что то представление, которое есть у нашей культуры о сексуальности, неизменное и правильное. Нам нужно принять осознанное решение и прекратить относиться к женщинам как к существам из другого теста по сравнению с мужчинами, которые знают, как правильно заниматься сексом. И тогда, возможно, мы увидим, что все вокруг стали немного счастливее.

Оправдания новые, ожидания прежние

Возлагаемые на женщин ожидания — еще одна область, где наше общество продолжает смотреть в прошлое. Средневековым женщинам предназначали роли жен и матерей, и мы едва ли вправе заявлять, что придерживаемся другой точки зрения. Как общество относилось к семейному статусу женщин в прошлом, так во многом относится и сегодня. Девочек с детства баюкают сладкими сказками, в конце которых героиня и «правильный» избранник играют свадьбу, а потом живут долго и счастливо. Девочки играют воображаемые свадьбы с куклами, наряженными в подвенечные платья. Века идут, но над этими ожиданиями они не властны. *New York Times* и сейчас адресует дамам странички объявлений о свадьбах и помолвках; в телевизоре бесконечной чередой следуют реалити-шоу на тему, как найти мужа; свадебная индустрия набирает силу и так уже разрослась, что ее называют теперь «свадебно-промышленным комплексом». В «самый главный день в жизни женщины» мы вкладываем все больше средств — американская свадьба в среднем обходится в 29 000 долларов. Средневековые европейцы не поняли бы, зачем так тратиться, поскольку им был важен брак как таковой, а не свадебные церемонии, однако результат все тот же³¹⁸. Девочкам с малолетства внушают, что замужество — это *самое главное событие* в их жизни.

После свадьбы женщинам надлежит выполнить свое биологическое предназначение и стать матерями. Те же «научные» исследования, что сообщают нам, будто на свете всегда был и будет единственный стандарт красоты и будто женщины не сексуальны, также говорят нам, что самое главное назначение женщины — вынашивать детей. Точно так же, как всякие отношения женщины с мужчиной предположительно нацелены на выбор успешного партнера, способного обеспечить ее саму и ее детей, в качестве организующего принципа женской жизни предполагается произведение на свет потомства.

Тимарет, дочь Микона, художница

Миниатюра из книги Джованни Боккаччо

«О знаменитых женщинах»

Случается, что подобные представления о женщинах выплескиваются в реальное политическое пространство. Так, в США при администрации Джорджа Буша — младшего Центры по контролю и профилактике заболеваний разразились социально-консервативным заявлением, что женщины детородного возраста должны считать себя «предбеременными». Послушать их, так в молодых женщинах главное то, что они когда-нибудь могут стать матерями, а вовсе не то, что они люди, чье здоровье и счастье сами по себе ценны. Чтобы вы не приняли это за стародавний пережиток, озвученный особенно реакционным американским правительством, спешу сообщить, что не далее как в июне 2021 года Всемирная организация здравоохранения призвала «уделить должное внимание предотвращению ... употребления спиртного среди ... женщин детородного возраста»³¹⁹. Сюда следовало бы включить 14-летних девочек, а также женщин, решивших вообще

не заводить детей, и тех, которые уже родили стольких детей, скольких хотели. Когда дело касается здоровья женщин, ничто, вообще ничто другое так не заботит общество, как их возможность нарожать побольше новых людей. В конце концов, у нее может родиться сын, а его радости жизни уж точно будут значимы.

От средневековых женщин тоже ожидалось, что они вступят в брак и родят детей, а с детьми связывались надежды на процветание фермерского хозяйства, на умножение состояния и политического влияния. Но что любопытно, замужество и материнство в пору Средневековья было скорее предопределенностью, чем целью, в отличие от нашего времени. Безусловно, женщины блюли целомудрие и как могли украшали свою внешность, именно чтобы сделать себя более выгодной партией, но такова была назначенная им участь. И суть ее состояла в продолжении рода, а не в погоне за девчачьими мечтами.

Наше общество по-прежнему считает главным амплуа женщины замужество и материнство, правда, ловко облакает его в красивые иллюзии. Ты станешь принцессой, хотя бы и на один день. Твои дети будут расти и на твоих глазах добиваться успехов. Возможно, ты доживешь до дня, когда уже твоя маленькая принцесса вырастет и отец поведет ее к венцу, чтобы вверить другому мужчине. Это и будет вся твоя жизнь.

Интересно, что если наше отношение к замужеству и материнству в основном осталось прежним, то наши ожидания относительно женщин и работы сильно изменились. Как мы уже видели, средневековые женщины много и усердно трудились, однако нам часто говорят, что женщины появились на рабочих местах лишь в послевоенные десятилетия XX века, когда вышагнули из домашней сферы, чтобы занять свое место в рядах трудящихся. Нашему среднестатистическому современнику извинительно верить в эти рассказы. Однако

ученые мужи, и те пали жертвами этого мнения. В 1963 году социолог Уильям Гуд указал на «статистически нетипичный сегодня статус западных женщин ... [и] и их высокую занятость на работе вне дома», что, как он утверждал, «обусловлено постепенным логичным философским распространением на женщин изначально протестантских понятий о правах и обязанностях индивида, подрывавших традиционные представления о “надлежащем месте женщин”»³²⁰. Тем не менее женщины Средневековья работали, и, безусловно, именно этого от них ожидало общество. Почему же мы считаем работающих женщин феноменом нашего времени?

Оглядываясь в прошлое, мы видим его через призму современных воззрений на гендер и работу. Средневековые женщины, как и их труд, считались маловажными по некоторым философским и богословским причинам, которые я упоминала выше. Женщинам отводилось приниженное положение по сравнению с мужчинами, соответственно, малоценным считался и их труд.

В представлениях эпохи Просвещения работать в сложной профессии или в общественной сфере для женщин означало идти против природы. Руссо утверждал, что женщины лучше всего проявляют себя в домашних занятиях, где требуется внимание к «мелочам», тогда как мужчины более интеллектуальны, и это создает взаимную зависимость, благоприятствующую «общественным отношениям». Для процветания «социальных отношений» лучше всего, чтобы женщины целиком отошли от публичной сферы и сосредоточились на домашней жизни, которая направляет их умственные устремления на все то, что в наибольшей степени упрощает мужчинам жизнь.

Ничего революционного в этих аргументах не было, зато революционным оказался их эффект. Стоило им утвердиться в общественном сознании, как женщины среднего и высшего

классов стали отходить от своих мастерских, лавок и политических занятий и водворяться в закулисной домашней сфере рядом со своими детьми. Философ XVIII века Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) выступала за место женщин в обществе, но в целом само общество чем дальше, тем больше связывало женщин с частной жизнью. Пока Новое время подходило к концу и расплывчатое понятие «наука» все чаще использовалось для обоснования существующего миропорядка, последовали новые аргументы похожего свойства. Вот откуда пошли идеи психологов, похожих на Барона-Коэна, поведавших нам, что женщины по самой своей натуре предрасположены заботиться и воспитывать, и потому человеческое общество предписало им в качестве обязанности вести дом, точно так же как мужчинам — зарабатывать деньги³²¹.

И все же женщина, выступающая исключительно в роли домохозяйки и матери, никогда не была распространенным явлением, даже в Новое время. Домоседство было привилегией, доступной женщинам, которые могли прожить на зарплату мужей или унаследовали богатство. Женщины из рабочего класса трудились всегда — что следует из самого названия их классовой принадлежности. И в сельском хозяйстве женщины тоже трудились на протяжении всего Нового времени, хотя, как и их средневековые предшественницы, не всегда считались отдельными работниками, а чаще воспринимались как придаток к своим мужьям. На ткацких фабриках Индустриальной эпохи работали почти сплошь одни женщины. Женщины нанимались в семьи с солидным достатком прислужкой и кухарками, прачками и садовницами. Женщины работали полный или неполный день до замужества, в замужестве и после того, как их дети вставали на ноги.

Мы причастны к этому стиранию из истории женщин, трудившихся в предшествующие XX веку времена, из-за ряда

сложных причин. Главная среди них — наше желание рассматривать историю как единый поступательный марш человечества в сторону прогресса. Женщины потому и пришли на рабочие места лишь в последнее время, что оно самое благоприятное для того, чтобы быть женщиной. Мы радуемся, что женщины сейчас могут избрать любую профессию и выстроить карьеру, но при этом упускаем тот факт, что женщины веками трудились в профессиях, которые предназначались им — или не предназначались. Нам как обществу не хочется признавать, что даже если женщины не работают на оплачиваемой работе вне дома, домашние дела, которые они выполняют, — уборка и мелкий ремонт, шитье и починка одежды, забота о семье, уход за детьми и присмотр за их учебой — это тоже труд. Люди Средневековья не сомневались, что труд матери тяжел и требует времени, не то что мы.

Честно говоря, мы уже начали признавать домашний труд женщин как полноценную работу. В 1989 году Арли Хохшильд предложила термин «вторая смена» для обозначения всех домашних обязанностей, которые выполняют женщины, возвращаясь вечером с оплачиваемой работы³²². Если же у нас есть деньги и возможность, мы идем по стопам наших средневековых предшественников и спешим переложить повседневные домашние дела на других людей, а под «другими людьми» я здесь подразумеваю женщин победнее. Армии нянь, гувернанток, уборщиц и прочей домашней прислуги лучше всяких слов доказывают, что домашний труд — настоящая полноценная работа. Но поскольку к этой «работе по дому» приклеилось нелестное мнение, большинству женщин, которые ее выполняют, платят мало³²³. А мы по-прежнему толкаем женщин брать на себя эти роли, настаивая, что сама природа предопределила им выполнять все домашние обязанности, и с малых лет начинаем посвящать девочек в тонкости домоводства.

И все же нелестное мнение о труде женщин распространяется далеко за пределы всевозможных домашних работ. Когда женщины приходят в профессии, в которых прежде господствовали мужчины, вознаграждение за работу немедленно падает³²⁴. И наоборот, когда в сферах, которые традиционно считаются женскими, как, например, работа за компьютером, мужчины начинают заменять женщин, вознаграждение начинает повышаться. Между тем в любой профессии, где заняты женщины, существует практика платить им меньшее вознаграждение, чем их коллегам-мужчинам в тех же должностях, — этот феномен получил название гендерных различий в зарплатах — и кроме того, в тех же профессиях женщины гораздо реже занимают высокие руководящие посты. Такое же отношение к женскому труду проявлялось и в Средние века. Но люди Средневековья хотя бы поступали так из честных побуждений — они просто недолюбливали женщин.

Ставить себе в особую заслугу то, что это мы в недавнем времени освободили женщин и усвоили уважительное отношение к ним, означает отказывать в признании миллионам безвестных женщин, которые не одно тысячелетие поднимались ни свет ни заря, делали всю положенную им работу, растили и воспитывали детей и ничуть не менее мужчин участвовали в жизни общества и составляли его неотъемлемую часть.

Если мы рассказываем только о нас и о нашем времени, умалчивая о прошлом, мы еще сильнее сгущаем туман, и без того окутывающий женщин Средневековья и их историю. Наши рассказы об истории женщин и женского труда, вроде тех, где описываются стандарты женской красоты и секс, выставляют нас в самом выгодном свете, однако зачастую имеют очень мало общего с историческими фактами. Если мы хотим изоблечить ложность этих представлений, нам для начала надо освободить в собственном сознании место

для настоящей истории женщин и их труда. Только тогда мы начнем понимать, отчего наши нарративы так далеки от реальности и о чем мы умалчиваем, когда составляем их.

***

Изучение жизни средневековых женщин и общества, в котором они жили, само по себе представляет интерес. Бесконечно увлекательно, хотя порой и довольно сложно, открывать для себя новое о прежнем мире, из которого произрастает наш собственный мир, и это — чистое благо. Вместе с тем, когда мы глубже вникаем в средневековые представления о женщинах, нам также открывается много нового о нашем собственном мире и ожиданиях, которые он возлагает на женщин. Оказывается, наши воззрения на женщин, как и обращение с ними, социально податливы, и хотя некоторые из наших конструктов претерпели изменения, мы по-прежнему считаем женщин низшими по сравнению с мужчинами.

На первый взгляд, нас должна удручать эта извечность отводимой женщинам роли в обществе, но весь фокус социальных конструктов в том и состоит, что они именно конструкты, то есть умозрительные построения. И если мы сами их сконструировали, значит, сможем и деконструировать, а на их месте выстроить новые. Понимание прошлого и отказ от его предрассудков позволяют нам создать новый образ будущего, а также добиться необходимых перемен, чтобы создать мир более равноправный. И сейчас самое время начать выстраивать это другое, лучшее будущее.

Благодарности

Эта книга, как и всякий проект, стала возможной благодаря людям, которые меня окружают. Прежде всего я хочу поблагодарить моего неутомимого редактора Эми Черри за ее прозрения, острый ум и поддержку на протяжении всей моей работы над книгой. Я с полным основанием называю бесценными те силы и терпение, на которые не скупилась младший редактор Ханийя Сиддикьи, в особенности когда я постигала разницу между академическими и научно-популярными публикациями. Безусловной благодарности заслуживает мой литературный агент Уильям Каллахан, он помог мне с нуля выстроить мой авторский проект и придать ему должную форму.

Я хотела бы также выразить благодарность Художественному музею Уолтерса в Балтиморе, Берлинской государственной библиотеке, а также Королевской национальной библиотеке Нидерландов за содействие в получении прав на размещение в моей книге иллюстраций, а также за их неизменное желание и готовность оказывать поддержку авторам.

Я выражаю глубокую признательность моей дорогой подруге Саре Оберг Штродаль — она помогала мне, когда прочитывала черновые варианты книги, и не меньше — когда убирала некоторые лишние, хоть и любимые мной пассажи. Мои благодарности Саймону Томасу Парсонсу за помощь в навигации по французской библиотечной системе, как и за проверку моих переводов с латыни. Мне не хватит слов передать, насколько он замечательный друг. Я выражаю благодарность несравненной Эстель Паранк, чьи глубокие исторические

знания помогли мне составить суждения о королевах и их щедром покровительстве искусствам.

Теоретическая часть моей книги не была бы написана, если бы не наши многочисленные беседы с Джастином Хэнкоком и любезно предоставленный мне доступ к его личной библиотеке. И еще я в неоплатном долгу перед ним за бесконечные чашки кофе и отменные кушанья, что регулярно появлялись передо мной, пока я сидела за книгой.

Блэр МакЛеннан, как всегда, проявлял безграничное терпение, пока я ворчала, пыхтела и писала книгу и в общем более года была полностью поглощена этим. Он все еще умудряется сохранять свежий задор чирлидера.

Мне хотелось бы поблагодарить научного руководителя моей PhD диссертации, бесподобного Мартина Рэйди, не уставшего повторять мне, что я должна писать для широкой публики. Я все еще в долгу перед ним.

Наконец, я хочу поблагодарить огромную рать моих коллег-историков, подкастеров и вас, авторы во всех других жанрах, за ваше согласие приложить силы к тому, чтобы об этой книге узнало как можно больше людей. Ваша многочисленность не позволяет здесь назвать по имени каждого, но в этом же заключается мое невероятное счастье. Свое величайшее достижение я и сейчас вижу в том, что у меня есть столько отзывчивых, замечательных коллег и друзей, всегда готовых поддержать и помочь. Без них я ничто.

Комментарии

- ¹ Ivan Hlaváček and Zdeňka Hledíková, eds., *Protocollum visitationis archidiaconatus Pragensis annis 1379–1382 per Paulum de Janowicz archidiaconum Pragensem factae* (Prague: Academia, 1973), 71.
- ² Geoffrey de La Tour Landry, *The Book of the Knight of the Tower*, Landry: *Which he Made for the Instruction of his Daughters*, ed. and trans. Alexander Vance (Dublin: Moffat & Co., 1868), 17–19.
- ³ См. Jeffrey A. Norton et al., *Surgery: Basic Science and Clinical Evidence* (New York: Springer-Verlag, 2008), 4. For Hippocrates's writings, see Hippocrates, *Places in Man*, ed. Elizabeth M. Craik (Oxford: Clarendon Press, 1998). Подробнее о Гиппократе и его жизни см. Herbert S. Goldberg, *Hippocrates: Father of Medicine* (Lincoln, Neb.: Universe Press, 1963, 2006).
- ⁴ Я употребила термин «Западная Римская империя», поскольку в те времена существовали две Римские империи — Западная со столицей в Риме и Восточная, которую принято называть Византией, со столицей в Константинополе (современный Стамбул). Восточная Римская империя просуществовала до XV века, и византийцы воспринимали и называли себя исключительно Римской империей. Снимаю шляпу перед саморекламой такого грандиозного размаха и считаю себя обязанной уважать ее.
- ⁵ Hippocrates, *Aphorisms*, trans. Francis Adams, <http://classics.mit.edu/Hippocrates/aphorisms.1.i.html>.
- ⁶ Пожалуй, гуморальная теория лучше всего представлена в *Airs, Waters, Places*. Вы можете найти его в книге Hippocrates, *Ancient Medicine. Airs, Waters, Places. Epidemics 1 and 3. The Oath. Precepts. Nutriment*, ed. and trans. Paul Potter, Loeb Classical Library 147 (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1923), 65–138.
- ⁷ Sherry Sayed Gadelrab, “Discourses on Sex Differences in Medieval Scholarly Islamic Thought,” *Journal of History of Medicine and Allied Sciences* 66, no. 1 (2011): 48.
- ⁸ Hippocrates, *On Generation*, in Iain M. Lonie, *The Hippocratic Treatises: “On Generation,” “On the Nature of the Child,” “Diseases IV”: A Commentary* (Berlin: Walter de Gruyter, 1981), 4.
- ⁹ См. M. H. von Standen and H. von Staden, “The Discovery of the Body: Human Dissection and Its Cultural Contexts in Ancient Greece,” *Yale Journal of Biology and Medicine* 65, no. 3 (1992): 223–41.
- ¹⁰ Подробнее о Платоне попробуйте посмотреть в Danielle S. Allen, *Why Plato Wrote: Blackwell-Bristol Lectures on Greece, Rome, and the Classical Tradition* (Hoboken, N.J.: Wiley-Blackwell, 2012).

- ¹¹ Plato, *Timaeus*, в *Oeuvres completes*, ed. and trans. Leon Robin (Paris: Societe d'édition Les Belles Lettres, 1962), 4:60–62. См. также Plato, *Timaeus*, trans. and ed. Andrew Gregory and Robin Waterfield (Oxford: Oxford University Press, 2009).
- ¹² Представления Платона о пенисах и матках хорошо обобщены у Joan Cadden, *Meanings of Sex Difference in the Middle Ages: Medicine, Science, and Culture* (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1993), 14.
- ¹³ Замечательное введение в философию Аристотеля см. у Carlo Natali, *Aristotle: His Life and School* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2013).
- ¹⁴ Aristotle, *Politics*, trans. H. Rackham (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1944), 1254b, 13–14.
- ¹⁵ Aristotle, *History of Animals*, 608b, 1–14.
- ¹⁶ Подробнее о переводах и распространении работ Галена см. у Petros Bouras-Vallianatos and Barbara Zipsper, eds., *Brill's Companion to the Reception of Galen*, Brill's Companion to Classical Reception 17 (Leiden: Brill, 2019).
- ¹⁷ При всей многочисленности изданий данного трактата наилучшее можно найти в Galen, *Three Treatises: "On My Own Books," "On the Order of My Own Books," and "That the Best Physician Is Also a Philosopher": An Intermediate Greek Reader: Greek Text with Running Vocabulary and Commentary*, trans. and ed. Evan Hayes and Stephen A. Nimis (Oxford, Ohio: Faenum, 2014). Хорошее представление о жизни Галена дается в Susan P. Matten, *The Prince of Medicine: Galen in the Roman Empire* (Oxford: Oxford University Press, 2013).
- ¹⁸ Более того, в эллинском и древнеримском обществах даже среди мужчин далеко не у всех были избирательное право и статус гражданина. И в том, и в другом обществе широко использовался труд рабов, а они, как по мысли Аристотеля, так и в глазах закона, считались неполноценными людьми. Именно поэтому рабам, даже мужчинам, запрещалось голосовать, и это скорее противоречит представлению, что эллинское общество представляет собой образец демократии.
- ¹⁹ Сведения о Темистоклее настолько скудны, что прочитать о ней можно только в источниках, где говорится и о других женщинах-философах. Могу порекомендовать Mary Ellen Waite, "Early Pythagoreans: Themistoclea, Theano, Arignote, Myia, and Damo," в *A History of Women Philosophers*, vol. 1, 600 BC–500 AD, ed. Mary Ellen Waite (Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1987), 11–18.
- ²⁰ Я бы и рада порекомендовать вам книгу о Гиппархии, но, увы, не получится! Что еще печальнее, даже пожелай вы побольше узнать о ней, увидите, что ее имя навечно и неразрывно связано с именем ее мужа Кратета. Вот в чем проблема, но все же больше сведений о ее трудах и трудах о ней можно найти в Robert Dobbin, trans. and ed., *The Cynic Philosophers: From Diogenes to Julian* (New York: Penguin, 2012), 79–98.

- ²¹ Socrates of Constantinople, *Historia Ecclesiastica*, 7.15, https://www.earlychurchtexts.com/public/socrates_the_murder_of_hypatia.htm.
- ²² David Coward, *A History of French Literature* (Hoboken, N. J.: Blackwell-Wiley, 2002), 13.
- ²³ Вообще, вся эта история весьма увлекательна и заслуживает вашего внимания. Рекомендую прекрасное издание Гальфрида Монмутского — Geoffrey of Monmouth, *The History of the Kings of Britain: An Edition and Translation of "De gestis Britonum (Historia regum Britanniae)"*, ed. Michael D. Reeve, trans. Neil Wright (Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2007).
- ²⁴ Историки Средневековья так очарованы Каролингским возрождением, что порекомендовать читателю какой-то один источник весьма затруднительно; однако представляется, что ни в чем не уступает другим следующий: Jean Hubert, Jean Porcher, and Wolfgang Fritz Volbach, *The Carolingian Renaissance* (New York: G. Braziller, 1970).
- ²⁵ Опять-таки, при всем обилии литературы по теме фундаментальным трудом считается Charles Homer Haskins, *The Renaissance of the Twelfth Century* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1927).
- ²⁶ Ernesto Bonaiuti, "The Genesis of St. Augustine's Idea of Original Sin," trans. Giorgio La Piana, *Harvard Theological Review* 10, no. 2 (1917): 162–63.
- ²⁷ Augustine, *De trinitate* 12.7.10; *Patrologia Cursus Completus, Series Latina*, ed. Jean-Paul Migne (Paris: Garnier Fratres, 1865), 42:1003. [русскоязыч. текст. цит. по Блаженный Аврелий Августин «О Троице», Книга 12, 7–10; отсюда: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-troitse/2_4]. Августин, надо отдать ему должное, здесь же утверждает, что женщины — вместе с мужчинами — могут считаться образом и подобием Божиим. Но сами по себе — не могут. В отличие от мужчин. Так что, думаю, это еще неплохая мысль.
- ²⁸ Tertullian, *Tertulliani de cultu feminarum*, bk. I, электронный ресурс <http://thelatinlibrary.com/tertullian/tertullian.cultu1.shtml>. Подробнее о Тертуллиане см. в Eric Osborn, *Tertullian: First Theologian of the West* (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 2008).
- ²⁹ Думаю, вы обратили внимание, что о Лилит здесь ни словом не упоминается. Лилит выведена в образе демона в ряде древнееврейских источников, в том числе в Вавилонском Талмуде. В XI веке талмудист Раби Ицхак бен Яков Альфаси (1013–1101), который жил и работал в Алжире и Испании, писал, что Лилит должна была стать первой женой Адама, однако она отказалась подчиниться ему и вместо этого предалась плотской любви с архангелом Самаэлем и покинула Эдем. См. Kristen E. Kvam et al., *Eve and Adam: Jewish, Christian, and Muslim Readings on Genesis and Gender* (Bloomington: Indiana University Press, 1999), 220–21. Однако Лилит не появляется в средневековых библейских текстах, хотя они и опирались на подлинные иудейские источники. Более того, упоминаемая в Книге Исаяи Лилит при переводе

превратилась в «Ламию», как в греческой мифологии назывался род чудовищ женского пола, пожиравших детей. Представления о Лилит как о первой жене Адама будут постепенно проникать в христианское сознание на заре современной эпохи, и, в частности, их подхватят писатели-романтики, например Гёте.

- ³⁰ Это очень упрощенная схема изощренно-сложного предмета. Более вразумительное и глубокое объяснение можно найти у Christiaan Kappes, “Gregory of Nazianzen’s Prepurified Virgin in Ecumenical and Patristic Tradition: A Reappraisal of Original Sin, Guilt, and Immaculate Conception,” in *The Spirit and the Church*, ed. J. Isaac Goff (Eugene, Ore.: Wipf and Stock, 2018).
- ³¹ Augustine, *De natura et gratia*, 36.42; *Patrologia Cursus Completus, Series Latina*, ed. Jean-Paul Migne (Paris: Garnier Fratres, 1865), 44:267.
- ³² В Европе сотни и сотни средневековых монастырей, их такое множество, что перечислить все невозможно. Что касается большинства из них, то их значение для развития европейского образования нельзя переоценить. Содержательный источник сведений о средневековых европейских монастырях — J. Patrick Greene, *Medieval Monasteries* (New York: Continuum, 1992).
- ³³ C. Warren Hollister, *Henry I* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001), 23.
- ³⁴ Подробнее об изменениях в средневековом образовании см. в Nicholas Orme, *Medieval Schools: From Roman Britain to Renaissance England* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2006), где большое внимание уделяется, в частности, Англии.
- ³⁵ Hildegard of Bingen, *Causae et curae: Liber compositae medicinae*, ed. Paul Kaiser (Leipzig: B. G. Teubner, 1903), 2:46–47. Если хотите больше узнать о жизни Хильдегарды, советую обратиться к Sabina Flanagan, *Hildegard of Bingen: A Visionary Life* (New York: Routledge, 1989).
- ³⁶ Christine de Pizan, *The Book of the City of Ladies* (1405), trans. Rosalind Brown-Grant (London: Penguin, 1999). Подробнее о жизни Кристины см. в Charity Cannon Willard, *Christine de Pizan: Her Life and Works* (New York: Persea Books, 1984).
- ³⁷ Чтобы у вас не возникло впечатления, что это пережиток прошлого, прошу вас подумать о том, что в современных школах есть летние каникулы не потому, что все хотят отдохнуть именно в это время, а потому, что когда-то именно в летний период на полях и фермах были нужны все рабочие руки. А люди нашего времени в лучшем случае всего лишь несколько поколений назад тоже должны были убирать в полях урожай.
- ³⁸ Подробнее о Glossa Ordinaria, «широко распространенном в середине Средневековья тексте» см. в Lesley Smith, *The “Glossa Ordinaria”: The Making of a Medieval Bible Commentary* (Leiden: Brill, 2009), 1.
- ³⁹ David d’Avray, “Method in the Study of Medieval Sermons,” in *Modern Questions About Medieval Sermons: Essays on Marriage, Death, History and*

- Sanctity*, ed. Nicole Beriou and David d'Avray (Spoleto: Centro italiano di studi sull'Alto medioevo, 1994), 3–29.
- ⁴⁰ Mervyn James, "Ritual, Drama and Social Body in the Late Medieval English Town," *Past and Present* 98, no. 1 (1983): 6–7.
- ⁴¹ Jarmila F. Veltrusky, *Mastičkář: A Sacred Farce from Medieval Bohemia* (Ann Arbor: Michigan University Press, 1985).
- ⁴² Robert Grosseteste, *De unica forma omnium*, in L. Bauer, ed., *Die philosophischen Werke des Roberts Grosseteste*, Beitrage 9 (Münster, 1912), 107–8, далее рекомендую Edgar de Bruyne, *The Esthetics of the Middle Ages*, trans. Eileen B. Hennessy (New York: Ungar, 1969), 71.
- ⁴³ Paulus Diaconus, *Historia Langobardorum*, in *Monumenta Germaniae historica inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX*, III, ed. G. Waitz (Hanover: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1878), 134–35; *Chronicae que dicuntur Fredegarii*, in *Monumenta Germaniae historica . . . Scriptores rerum Merovingicarum*, II, IV, c. 51, ed. Bruno Krusch (Hanover: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1888), 145–46; *Vita Balthildis*, in *Monumenta Germaniae historica . . . Scriptores rerum Merovingicarum*, II, c. 2, ed. Krusch, 438; Theganani Gesta, *Vita Hludowici Imperatoris*, in *Monumenta Germaniae Historica . . . Scriptores cit.*, c. 26, ed. Georg Heinrich Pertz (Hanover: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1829), 214.
- ⁴⁴ *Vita Balthildis A* (MGH, Script. rer. Mer., II), c. 2, p. 438.
- ⁴⁵ Mayke de Jong, "Queens and Beauty in the Early Medieval West: Balthild, Theodelinda, Judith," in *Acting as a Woman: Models and Practices of Representation (6th — 10th Centuries)*, ed. M. C. La Rocca, proceedings of conference in Padua, February 18–19, 2005 (Turnhout, Belgium: Brepols, 2007), 235–48.
- ⁴⁶ См. Ferdinand Otto Meister, ed., *Daretis Phrygii De excidio Troiae historia*, Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana (Leipzig: Teubner, 1873), 16, 17.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Sappho, fragment 23.
- ⁴⁹ Не все современные исследователи видят в элегиях отпечаток личности Максимиана, и большинство склоняются к мнению, что элегии могли принадлежать авторству нескольких других поэтов. См. Richard Webster, *The Elegies of Maximianus* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1900), 7–11.
- ⁵⁰ Maximianus, *Elegies*, 1.93, in Edmond Faral, *Les arts poetiques du XIIe et du XIIIe siecle: Recherches et documents sur la technique litteraire du Moyen Age* (Paris: Champion, 1924), 80, перевод автора [русский перевод — мой, Е. Л.].
- ⁵¹ Возможно, творчество Максимиана и правда пользовалось широкой известностью, однако не все любили его поэзию. Как-то раз монах, педагог и поэт XII века Александр из Вильдьё (ок. 1175 — ок. 1240) назвал его поэзию «пустяками». Alexander of Villedieu, *Das "Doctrinale"*

- des Alexander de Villedieu*, ed. Dietrich Reichling, *Monumenta Germanic Pedagogica* 12 (Berlin: A. Hofmann, 1893), 2:24–25.
- ⁵² Matthew of Vendome, *Ars Versificatoria*, in Mathei Vindocinensis, *Opera*, ed. Franco Munari (Rome: Edizioni di storia e letteratura, 1977), 83.
- ⁵³ Там же, 85–86.
- ⁵⁴ Для учебы в средневековом университете требовалось принять церковный сан. Вот почему Гальфред должен был извиняться перед архиепископом, и именно как лицо духовного звания он смог обзавестись такими высокими связями, что это позволяло ему делать подношения самому папе. Попутно отмечу, что обязанность студентов принимать духовное звание заведомо исключала для женщин доступ к университетскому образованию, поскольку им не разрешалось вступать в духовенство. Подробнее о Гальфреде можно узнать из блестящего труда James J. Murphy *Three Medieval Rhetorical Arts* (Berkeley: University of California Press, 1971), 29–31.
- ⁵⁵ Caroline Spurgeon, *Five Hundred Years of Chaucer Criticism and Allusion: 1357–1900* (London, 1925), 1:17, 49; James J. Murphy, “A New Look at Chaucer and the Rhetoricians,” *Review of English Studies* 15 (1964): 1–20; Karl Young, “Chaucer and Geoffrey of Vinsauf,” *Modern Philology* 41 (1943): 172–82.
- ⁵⁶ Geoffrey of Vinsauf, *Poetica Nova*, в Faral, *Les ars poetiques*, 214–15 [русскояз. текст цит. по «Проблемы литературной теории в Византии и латинском Средневековье», ответ. ред. М. Л. Гаспаров; М.: «Наука», 1986, с. 131].
- ⁵⁷ Guillaume de Lorris, *Le roman de la rose par Guillaume de Lorris et Jean de Meung*, ed. Ernest Langlois (Paris: Firmin-Didot, 1914–24), 2:51–52. См. также *The Romance of the Rose*, trans. Frances Horgan (Oxford: Oxford University Press, 2009) [Гильом де Лоррис, Жан де Мён. Роман о Розе. Средневековая аллегорическая поэма. Пер. и коммент. И. Б. Смирновой — М.: ГИС, 2007. Взято здесь: <https://fb2.top/roman-o-roze-657752/read/part-4>].
- ⁵⁸ Там же, 2:28, 44.
- ⁵⁹ F. J. E. Raby, *A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages* (Oxford: Clarendon Press, 1934), 2:239. Согласно этому автору, Юдифь, о которой идет речь, могла быть настоятельницей женского монастыря в Ремирмоне (на территории современной Франции), но, к сожалению, нет никакой возможности проверить эту гипотезу. Вероятно, мы никогда не узнаем, какая дама обладала столь притягательной внешностью.
- ⁶⁰ Там же, 2:244–45.
- ⁶¹ Geoffrey Chaucer, “The Miller’s Tale,” *The Canterbury Tales*, 1, lines 3245–62.
- ⁶² John Tzetzes, *Antehomerica*, trans. Ana Untila (n.p., 2014), 356–58, <https://archive.org/details/TzetzesANTEHOMERICA/mode/2up>.
- ⁶³ Там же, 115–22.

- ⁶⁴ Walter Mettmann, “‘Ancheta de caderas.’ Libro de buen amor, C. 432 ss,” *Romanische Forschungen* 73, nos. 1–2 (1961): 141–47; and Michael Ray Solomon, trans., *The Mirror of Coitus: A Translation and Edition of the Fifteenth-Century “Speculum al foderi”* (Madison: Hispanic Seminary of Medieval Studies, 1990), 8.12.
- ⁶⁵ Luce Lopez-Baralt, “La bella de Juan Ruiz tenia los ojos de huri,” *Nueva Revista de Filología Hispánica* 40 (1992): 73–83.
- ⁶⁶ Faral, *Les ars poetiques*, 80.
- ⁶⁷ “Colla niví..,” там же, 84.
- ⁶⁸ “Succuba sit capitis pretiosa colore columna / Lactea, quae speculum vultus supportet in altum.” Geoffrey of Vinsauf, *Poetica Nova*, *ibid.*, 215 [здесь и далее Гальфред Винсальвский, «Новая поэтика», цит. по «Проблемы литературной теории в Византии и латинском Средневековье», ответ. ред. М. Л. Гаспаров; «Наука» М.: 1986; электронный ресурс: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Problemy_literaturnoy_teorii_v_Vizantii_i_latin.pdf, с. 131, строка 588].
- ⁶⁹ См., например, Peter Dronke, *Medieval Latin and the Rise of European Love-Lyric* (Oxford: Oxford University Press, 1965), 1:193; Matthew of Vendome, *Ars Versificatoria*, trans. Aubrey E. Galyon (Ames: University of Iowa Press, 1980), 39.
- ⁷⁰ D. S. Brewer, “The Ideal of Feminine Beauty in Medieval Literature, Especially ‘Harley Lyrics,’ Chaucer, and Some Elizabethans,” *Modern Language Review* 50, no. 3 (1955): 260; Anonymous, “Alysoun,” <https://rpo.library.utoronto.ca/poems/alyoun>.
- ⁷¹ Francisco A. Marcos-Marin, “Masculine Beauty vs. Feminine Beauty in Medieval Iberia,” in *Multicultural Iberia: Language, Literature, and Music*, ed. Dru Dougherty and Milton M. Azevedo (Berkeley: University of California Press, 1999), 31.
- ⁷² Guillaume de Machaut, “Le Jugement dou Roy de Behaingne,” in *Guillaume de Machaut: The Complete Poetry and Music*, vol. 1, *The Debate Series*, ed. R. Barton Palmer, Domenic Leo, and Uri Smilansky, trans. R. Barton Palmer and Yolanda Plumley (Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 2016), <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/palmer-machaut-the-debate-series-bohemia>, lines 365–66; Chaucer, *Troilus*, 2.1247, and *The Book of the Duchess*, lines 953–54.
- ⁷³ Geoffrey of Vinsauf, *Poetica nova*, 215.
- ⁷⁴ Matthew of Vendome, *Ars Versificatoria*, in Mathei Vindocinensis, *Opera*, 85.
- ⁷⁵ Там же, 84.
- ⁷⁶ Geoffrey of Vinsauf, *Poetica nova*, 215.
- ⁷⁷ Machaut, “Le Jugement dou Roy [de Behaingne],” строки 369–70.
- ⁷⁸ Monica H. Green, ed. and trans., *The Trotula: An English Translation of the Medieval Compendium of Women’s Medicine* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001), 85.

- ⁷⁹ Matthew of Vendome, *Ars Versificatoria*, 85.
- ⁸⁰ Machaut, “Le Jugement dou Roy,” строки 373–75.
- ⁸¹ Matthew of Vendome, *Ars Versificatoria*, 85.
- ⁸² См., например, Machaut, “Le Jugement dou Roy,” строки 376–77.
- ⁸³ Matthew of Vendome, *Ars Versificatoria*, 85.
- ⁸⁴ Geoffrey of Vinsauf, *Poetica nova*, 215.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Machaut, “Le Jugement dou Roy,” строки 377–79.
- ⁸⁷ Из этого правила есть существенные исключения, в особенности касающиеся королевских семейств и высшей знати. Однако эти исключения, безусловно, существенны. Подробнее на темы замужества и девиц см. в Kim M. Phillips, *Medieval Maidens: Young Women and Gender in England, 1270–1540* (Manchester: Manchester University Press, 2003), 36–42.
- ⁸⁸ M. C. Seymour et al., eds., *De puella*, in *On the Properties of Things: John Trevisa’s Translation of Bartholomaeus Anglicus “De proprietatibus rerum”: A Critical Text* (Oxford: Oxford University Press, 1975), col. 1, lib. 6, cap. 6, цит. по Phillips, *Medieval Maidens*, 6–7.
- ⁸⁹ Phillips, *Medieval Maidens*, 7.
- ⁹⁰ Физиологическую холодность, которую отмечали у женщин в средневековую эпоху, оспаривали многие выдающиеся врачи и натурфилософы. См., например, Pseudo Albertus Magnus, *Women’s Secrets: A Translation of Pseudo-Albertus Magnus’ “De secretis mulierum,” with Commentaries*, ed. and trans. Helen Rodnite Lemay (Albany: SUNY Press, 1992), 60–70; Mazhar H. Shah, *The General Principles of Avicenna’s “Canon of Medicine”* (Karachi: Naveed Clinic, 1966), 33–34.
- ⁹¹ Caroline Walker Bynum, *The Resurrection of the Body in Western Christianity, 200–1336* (New York: Columbia University Press, 1995), 122; Mary Dove, *The Perfect Age of Man’s Life* (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1986), 21–25.
- ⁹² Malcolm Andrew and Ronald Waldron, eds., *The Poems of the Pearl Manuscript* (Exeter, U. K., 1987), lines 197–204.
- ⁹³ Neu-Karsthans, “Gesprech biechlin neuw Karsthans,” цит. по Michael Baxandall, *The Limewood Sculptors of Renaissance Germany* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1980), 88.
- ⁹⁴ Anne-Laure Lalouette, “Bains et soins du corps dans les textes médicaux (XIIe–XIVe siècles),” in *Laver, monder, blanchir: Discours et usages de la toilette dans l’Occident medieval*, ed. Sophie Albert (Paris: Presses de l’Université Paris-Sorbonne, 2006), 33–49.
- ⁹⁵ Etienne de Boileau, *Le Livre des metiers*, in *Women’s Lives in Medieval Europe: A Sourcebook*, ed. Emilie Amt (New York: Routledge, 1993), 162. Тот самый день, от которого происходит современное название пенни, был самой мелкой и самой распространенной монетой. Работникам и слугам в XIII веке обычно платили подневно где-то от полутора до двух с половиной денье, тогда как торговцы и ремесленники

- в зависимости от своего мастерства могли зарабатывать в день от трех до девяти денге. См. Jeffrey L. Singman, *Daily Life in Medieval Europe* (Westport Conn.: Greenwood Press, 1999), 61.
- ⁹⁶ Georges Vigarello, *Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France Since the Middle Ages*, trans. Jean Birrell (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1988), 21–22.
- ⁹⁷ Olivia Remie Constable, “Cleanliness and Convivencia: Jewish Bathing Culture in Medieval Spain,” in *Jews, Christians and Muslims in Medieval and Early Modern Times*, ed. Arnold E. Franklin et al. (Leiden: Brill, 2014), 257–58.
- ⁹⁸ О сохранившихся *хаммах* см., например, в Catherine B. Asher, “The Public Baths of Medieval Spain: An Architectural Study: Cross-Cultural Contacts,” в *The Medieval Mediterranean: Cross-Cultural Contacts*, ed. Marilyn J. Chait and Kathryn L. Reyerson (St. Cloud, Minn.: Northstar Press, 1988); О позорениях мужчин в адрес банных привычек женщин см. у Alexandra Cuffel, “Polemicizing Women’s Bathing Among Medieval and Early Modern Muslims and Christians,” и в *The Nature and Function of Water, Baths, Bathing and Hygiene from Antiquity through the Renaissance*, ed. Cynthia Kosso and Anne Scott (Leiden: Brill, 2009).
- ⁹⁹ Kevin M. Dunn, *Caveman Chemistry: 28 Projects from the Creation of Fire to the Production of Plastics* (Irvine, Calif.: Universal, 2003), 233.
- ¹⁰⁰ Hildegard of Bingen, *Hildegard von Bingen’s Physica: The Complete English Translation of Her Classic Work on Health and Healing*, trans. Priscilla Throop (Rochester, Vt.: Healing Arts Press, 1998), ch. 4.
- ¹⁰¹ Monica H. Green, ed. and trans., *The Trotula: An English Translation of the Medieval Compendium of Women’s Medicine* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001), 115.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Geoffrey de La Tour Landry, *Le Livre du Chevalier de La Tour Landry pour l’enseignement de ses filles*, ed. Anatole de Montaiglon (Paris: P. Jannet, 1854). Английский перевод см. в Geoffroy de La Tour Landry, *The Booke of Thenseygmentes and Techynge that the Knyght of the Towre Made to his Doughters*, trans. Gertrude Burford Rawlings and William Caxton (London: G. Newnes, 1902).
- ¹⁰⁴ Jan Milič of Kroměříž, “Sermon on the Last Day of the Lord,” in *The Message for the Last Days: Three Essays from the Year 1367*, ed. Milan Opočenský and Jana Opočenská (Geneva: World Alliance of Reformed Churches, 1998), 49.
- ¹⁰⁵ Bernard P. Prusak, “Woman: Seductive Siren and Source of Sin? Pseudepigraphal Myth and Christian Origins,” in *Religion and Sexism: Images of Women in the Jewish and Christian Traditions*, ed. Rosemary Radford Ruether (Eugene, Ore.: Wipf and Stock, 1998), 89–116.
- ¹⁰⁶ La Tour Landry, *Le Livre du Chevalier*, 112, далее из Susan Udry, “Robert de Blois and Geoffroy de la Tour Landry on Feminine Beauty: Two Late Medieval French Conduct Books for Women,” *Essays in Medieval Studies* 19 (2002): 100.

- ¹⁰⁷ Montserrat Cabre, “Beautiful Bodies,” in *A Cultural History of the Human Body in the Medieval Age*, ed. Linda Kalof (New York: Bloomsbury, 2014), 135.
- ¹⁰⁸ Joanne B. Eicher, ed., *Dress and Ethnicity: Change Across Space and Time* (New York: Bloomsbury, 1999), 1–16.
- ¹⁰⁹ Green, *Trotula*, 115–16.
- ¹¹⁰ Там же, 118.
- ¹¹¹ Там же, 121.
- ¹¹² La Tour Landry, *Le Livre du Chevalier*, 109–10, цит. по Udry, “Robert de Blois and Geoffroy de La Tour Landry on Feminine Beauty,” 99.
- ¹¹³ Chaucer, “The Miller’s Tale,” *The Canterbury Tales*, lines 137–138 [русский перевод цит. по <https://facetia.ru/node/577>].
- ¹¹⁴ Antoninus of Florence, *Confessionale: Defecerunt scrutantes scrutiny* (Delft: Jacob van der Meer, 1482), chap. 21, “De immodestia mulierum,” fol. 1.11, <https://archive.org/details/ned-kbn-all-00001853-001>. См. John Block Friedman, “Eyebrows, Hairlines, and ‘Hairs Less in Sight’: Depilation in Late Medieval Europe,” in *Medieval Clothing and Textiles*, ed. Robin Netherton and Gale R. Owen-Crocker (Woodbridge, U. K.: Boydell & Brewer, 2018), 14:102.
- ¹¹⁵ Friedman, “Eyebrows, Hairlines,” 14:95.
- ¹¹⁶ Там же, 14:113.
- ¹¹⁷ Montserrat Cabre i Pairet, “La cura del cos femeni i la medicina medieval de tradicio llatina. Els tractats ‘De ornatu’ i ‘De decorationibus mulierum’ atribuïts a Arnau de Vilanova, ‘Trotula’ de mestre Joan, i ‘Flors del tresor de beutat’ atribuït a Manuel Diec de Calatayud” (Ph. D. diss., University of Barcelona, 1996), 202, цит. отсюда же, 14:87.
- ¹¹⁸ Margaret Scott, *Fashion in the Middle Ages* (Los Angeles: J. Paul Getty Trust, 2018), 21–24.
- ¹¹⁹ W. Nelson Francis, ed., *The Book of Vices and Virtues* (Oxford: Oxford University Press, 1942), 43–44.
- ¹²⁰ James Tait, ed., *Chronica Johannis de Reading et Anonymi Cantuariensis 1346–1367* (Manchester: Manchester University Press, 1914), 88–89, in *The Black Death*, ed. and trans. Rosemary Horrox (Manchester: Manchester University Press, 1994), 131.
- ¹²¹ Scott, *Fashion in Middle Ages*, 20.
- ¹²² Цит. по Phillips, *Medieval Maidens*, 180.
- ¹²³ Peter Von Moos, “‘Public’ et ‘privé’ à la fin du Moyen Age: Le ‘bien commun’ et la ‘loi de la conscience,’” *Studi medievali* 41, no. 2 (2000): 505–48; Etienne Dravasa, “‘Vivre noblement.’ Recherches sur la dérogeance de noblesse du XIVe au XVe siècles,” *Revue juridique et économique du Sud-Ouest* 16 (1965): 135–93.
- ¹²⁴ L. Gilliodts-Van Severen, ed., *Cartulaire de l’ancien grand tonlieu de Bruges, faisant suite au Cartulaire de l’ancienne estaple: Recueil de documents concernant le commerce inférieur et maritime, les relations internationales et l’histoire économique de cette ville* (Bruges: Plancke, 1901), 2:312.

- ¹²⁵ Catherine Kovesi Killerby, “ ‘Heralds of a Well-instructed Mind’: Nicolosa Sanuti’s Defence of Women and Their Clothes,” *Renaissance Studies* 13, no. 3 (1999): 255–82.
- ¹²⁶ G. Bistort, “Il magistrato alle pompe nella Repubblica di Venezia. Studio storico,” *Miscellanea di storia veneta*, ser. 3, 5 (1912): 74–75.
- ¹²⁷ Там же, 71–73.
- ¹²⁸ Augustine, *City of God*, bk. 14, p. 26. *Generation in paradise would have occurred without the shame of lust.*
- ¹²⁹ P. J. Payer, *The Bridling of Desire: Views of Sex in the Later Middle Ages* (Toronto: University of Toronto Press, 1993), 185.
- ¹³⁰ Augustine, *On Genesis*, bk. 11, p. 41 [русскояз. текст «О книге Бытия» здесь и далее цит. по https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-knige-bytija/11_4].
- ¹³¹ Augustine, *City of God*, bk. 14, p. 20, *The ridiculous indecency of the cynics* [русскояз. текст цит. по https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/14_7].
- ¹³² Там же, 7, *The scriptural terms for love.*
- ¹³³ Ambrose, *On Virginity*, trans. Daniel Callam, Peregrina Translation Series 7 (Toronto: Peregrina, 1989), 13, 81.
- ¹³⁴ Hermann Theodor Bruns, *Canones apostolorum et conciliorum saeculorum IV, V, VI, VII: Recognovit atque insignioris lectionum varietatis, Notationes subiunxit* (Berlin: G. Reimeri, 1839), 2, 6.
- ¹³⁵ Canons 3 and 21, in *Medieval Sourcebook: Ninth Ecumenical Council: Lateran I 1123*, <https://sourcebooks.fordham.edu/basis/latern1.asp>.
- ¹³⁶ Johannes Gerson, *De pollutione* (Cologne: Ludwig von Renchen, n. d.). См. также Cadden, *Meanings of Sex Difference*, 141–42; James A. Brundage, *Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe* (Chicago: University of Chicago Press, 1987), 400–1.
- ¹³⁷ Aquinas, *Summa Theologica*, pt. 2, ques. 154, art. 5 [здесь и далее русскояз. текст цит. по источнику: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-9/32>].
- ¹³⁸ Цит. по Jeffrey Richards, *Sex, Dissidence and Damnation: Minority Groups in the Middle Ages* (New York: Routledge, 1994), 23–24.
- ¹³⁹ Brundage, *Law, Sex, and Christian Society*, 430.
- ¹⁴⁰ Цит. по Pierre J. Payer, *The Bridling of Desire: Views of Sex in the Later Middle Ages* (Toronto: University of Toronto Press, 1993), 118.
- ¹⁴¹ Augustine, *City of God*, bk. 14, p. 16. *The evil of lust, in the specifically sexual meaning* [русскояз. текст цит. по источнику: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/14_7, гл. XVI].
- ¹⁴² Aquinas, *Summa Theologica*, pt. 2, ques. 154, art. 4.
- ¹⁴³ Jerome, *Against Jovinianus*, trans. W. H. Fremantle, G. Lewis, and W. G. Martley, in *A Select Library of Nicene and Post Nicene Fathers of the Christian Church*, ed. Philip Schaff (Buffalo, N. Y.: Christian Literature, 1893), 6:367 [цит. по: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/dve-knigi-protiv-ioviniana/#0_2].

- ¹⁴⁴ Там же, 6:386.
- ¹⁴⁵ Aquinas, *Summa Theologica*, pt. 1, ques. 98, art. 2.
- ¹⁴⁶ Burchard of Worms, *Corrector*, in *Die Busordnungen in der abendlandischen Kirche* (Halle: F. W. H. Wasserschleben, 1851), 642.
- ¹⁴⁷ Aquinas, *Summa Theologica*, pt. 2, ques. 154, art. 11.
- ¹⁴⁸ Подробнее об Александре Гэльском см. у James A. Brundage, "Let Me Count the Ways: Canonists and Theologians Contemplate Coitus Positions," *Journal of Medieval History* 10 (1984): 81, 86. Об Уильяме из Пагулы см. там же, 87.
- ¹⁴⁹ *Fragmentum Cantabrigiense*, MS. Add. 3321 (I), fol. 23v, Cambridge University Library. See Brundage, "Let Me Count," 85.
- ¹⁵⁰ James A. Brundage, "Sex and Canon Law," in *Handbook of Medieval Sexuality*, ed. Vern L. Bullough and James A. Brundage (New York: Garland, 1996), 157.
- ¹⁵¹ Там же, 36.
- ¹⁵² Цит. по Brundage, "Let Me Count," 84.
- ¹⁵³ Там же, 86.
- ¹⁵⁴ Isidore, *Etymologias*, xi.24.43 [русскояз. текст цит. по «Этимологии» Исидора Севильского, том XI: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Sevilskij/etimologii-kniga-xi-o-cheloveke-i-chudesah/].
- ¹⁵⁵ Brundage, *Law, Sex, and Christian Society*, 451–52.
- ¹⁵⁶ Jerome, *Against Jovinianus*, 367.
- ¹⁵⁷ Эта совершенно неисчерпаемая тема обстоятельно разбиралась в Cadden, *Meanings of Sex Difference*, 117–29.
- ¹⁵⁸ Там же, 65.
- ¹⁵⁹ Avicenna, *Liber Canonis*, bk. 3 fen. 21 tr. 1, ch. 2, quoted in Ruth Mazo Karas, *Sexuality in Medieval Europe: Doing Unto Others*, 3rd ed. (2005; reprint New York: Routledge, 2017), 106.
- ¹⁶⁰ Brian Lawn, ed., *The Prose Salernitan Questions: Edited from a Bodleian Manuscript* (London: Open University Press, 1979), 4.
- ¹⁶¹ Аналогию с промокшим лесом см. у William of Conches, *A Dialogue on Natural Philosophy (Dragmaticon Philosophiae)*, trans. Italo Ronca and Matthew Curr (Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1997), 2:135. Аналогию с металлом — в Danielle Jacquart and Claude Thomasset, *Sexuality and Medicine in the Middle Ages*, trans. Matthew Adamson (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988), 28.
- ¹⁶² Jacquart and Thomasset, *Sexuality and Medicine*, 81.
- ¹⁶³ Pseudo-Albertus Magnus, *Women's Secrets: A Translation of Pseudo-Albertus Magnus' "De secretis mulierum" with Commentaries*, ed. and trans. Helen Rodnite Lemay (Albany: SUNY Press, 1992), 51.
- ¹⁶⁴ Albert the Great, *Alberti Magni. Opera omnia*, vol. 12, *Quaestiones super de animalibus*, ed. Ephrem Filthaut (Munster: Aschendorff, 1955), 5.Q4.Q6.
- ¹⁶⁵ Vincent of Beauvais, *Speculum naturale*, bk. 31, chap. 5.
- ¹⁶⁶ Цит. по Joan Cadden, "It Takes All Kinds; Sexuality and Gender Differences in Hildegard of Bingen's *Book of Compound Medicine*," *Traditio* 40 (1984): 159.

- ¹⁶⁷ Цит. по Joyce E. Salisbury, "Gendered Sexuality," in *Handbook of Medieval Sexuality*, ed. Vern L. Bullough and James A. Brundage (New York: Garland, 1996), 93.
- ¹⁶⁸ Mazo Karras, *Sexuality in Medieval Europe*, 16–17.
- ¹⁶⁹ *Wife of Bath's Prologue*, lines 44–46, в собственном переводе автора, из Larry D. Benson and F. N. Robinson, eds., *The Riverside Chaucer*, 3rd ed. (Oxford: Oxford University Press, 2008), 105. [Дж. Чосер «Кентерберийские рассказы». 26. Пролог Батской ткачихи. Пер. И. А. Кашкина. Взято здесь: <https://facetia.ru/node/590>].
- ¹⁷⁰ Georg Heinrich Pertz, ed., *Monumenta Germaniae Historica* (Hanover: Hahn, 1835), 1:345.
- ¹⁷¹ Aquinas, *Summa Theologica*, pt. XP, ques. 58, art. 1.
- ¹⁷² Jacquart and Thomasset, *Sexuality in Middle Ages*, 171.
- ¹⁷³ R. H. Hemholz, *Marriage Litigation in Medieval England* (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1974), 89; Mazo Karras, *Sexuality in Medieval Europe*, 94.
- ¹⁷⁴ Цит. по Jacquart and Thomasset, *Sexuality in Middle Ages*, 173.
- ¹⁷⁵ Thomas of Chobham, *Summa Confessorum*, ed. F. Broomfeld (Louvain: Editions Nauwelaerts, 1968), 184. См. также Catherine Ryder, "Magic and Impotence in the Middle Ages," *Societas Magicas Newsletter* 13 (Fall 2004): 1.
- ¹⁷⁶ Giovanni Boccaccio, *The Decameron*, trans. G. H. McWilliam (New York: Penguin, 1972), 240.
- ¹⁷⁷ Jean de Meun, *The Romance of the Rose*, trans. Harry W. Robbins (New York: E. P. Dutton, 1962), 172, 182. [русскоязычный перевод обнаруживает некоторые расхождения с английским переводом романа с французского языка; русский перевод взят отсюда: <https://fb2.top/roman-oroze-657752/read/part-5> (строки от 8500 до 8520 и далее)]
- ¹⁷⁸ John C. Jacobs, trans., *The Fables of Odo of Cheriton* (Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1985), 143. See also Mazo Karras, *Sexuality in Medieval Europe*, 115.
- ¹⁷⁹ Michael Goodich, ed., *Other Middle Ages: Witnesses at the Margins of Medieval Society* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998), 111.
- ¹⁸⁰ Geoffrey de La Tour Landry, *Le Livre du Chevalier de La Tour Landry pour l'enseignement de ses filles*, ed. Anatole de Montaiglon (Paris: P. Jannet, 1854), 24, 96.
- ¹⁸¹ Andreas Capellanus, *The Art of Courtly Love*, trans. John Jay Parry (New York: Columbia University Press, 1960), 27. [русскояз. текст цит. по источнику: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XIII/Zizneop_Trubadur/101-120/108.phtml?id=].
- ¹⁸² Там же, 28, 30.
- ¹⁸³ Там же, 32, 145.
- ¹⁸⁴ Там же, 150.
- ¹⁸⁵ Там же, 23.
- ¹⁸⁶ Там же, 175.

- ¹⁸⁷ Там же, 171.
- ¹⁸⁸ Там же, 194–97.
- ¹⁸⁹ Там же, 208.
- ¹⁹⁰ Avicenna, *Canon*, bk. 3, fen 21, tr. 1, ch. 9, quoted in Jacquart and Thomasset, *Sexuality and Medicine*, 130. [русскояз. текст цит. по источнику: https://www.4italka.ru/nauka_obrazovanie/meditsina/295171/fulltext.htm, эл. ресурс]
- ¹⁹¹ Джастин Хэнкок (Justin Hancock), в разговоре с автором, 17 февраля 2021 года.
- ¹⁹² Pietro d'Abano, *Conciliator* (Venice: O. Scoti, 1521), in Jacquart and Claude Thomasset, *Sexuality and Medicine*, 46.
- ¹⁹³ Avicenna, *Canon*, bk. 3, fen 21, tr. 1, ch. 9, цит. по Jacquart and Thomasset, *Sexuality and Medicine*, 130–31. [русскояз. текст цит. по тому же источнику] И что любопытно, Авиценна также определяет, что «очаг наслаждения» у женщин располагается «между анусом и вульвой», и это позволяет предположить, что его наблюдения касательно наслаждения могли проистекать из его личного опыта.
- ¹⁹⁴ William of Conches, *Dialogue on Natural Philosophy*, 136.
- ¹⁹⁵ Aquinas, *Summa Theologica*, pt. SS, ques. 154, art. 7.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ William of Conches, *Dialogue on Natural Philosophy*, 137.
- ¹⁹⁸ Humber of the Romans, *To the Leprous*, in Goodich, *Other Middle Ages*, 147.
- ¹⁹⁹ Odette Pontal, trans., *Les statuts de Paris et le synodal de l'Ouest (XIIIme siecle)* (Paris: Bibliotheque nationale, 1971), 205–7.
- ²⁰⁰ P. de Koning, trans., *Trois traites d'anatomie arabe* (Leiden: Brill, 1903), 403–5, cited in Jacquart and Thomasset, *Sexuality and Medicine*, 72. Любопытно, что другие части тела, классифицируемые как «белые» по своей природе, согласно представлениям этого врача, формируются из спермы как отцовской, так и материнской.
- ²⁰¹ William of Conches, *Dialogue on Natural Philosophy*, 137–38.
- ²⁰² Цит. по Benjamin Lee Gordon, *Medieval and Renaissance Medicine* (London: Peter Owen, 1960), 534.
- ²⁰³ Green, *Trotula*, 97, 98, 127–28, 133–34.
- ²⁰⁴ Там же, 71.
- ²⁰⁵ Цит. по Jacquart and Thomasset, *Sexuality and Medicine*, 174.
- ²⁰⁶ Green, *Trotula*, 72.
- ²⁰⁷ John of Gaddesden, *Rosa Anglica practica medicine a capite ad pedes*, ed. N. Scyllacius (Augsburg: Augustae Vindelicorum, 1595), 596–96. См. также Jacquart and Thomasset, *Sexuality and Medicine*, 176.
- ²⁰⁸ Jacquart and Thomasset, *Sexuality and Medicine*, 176.
- ²⁰⁹ *De Animalibus*, bk. IX, tr. I, ch. 1, p. 7, цит. по Joan Cadden, “Western Medicine and Natural Philosophy,” in *Handbook of Medieval Sexuality*, ed. Vern L. Bullough and James A. Brundage (New York: Garland, 1996), 59.

- ²¹⁰ Цит. по Jacqueline Murray, “Twice Marginal and Twice Invisible: Lesbians in the Middle Ages,” in Bullough and Brundage, *Handbook of Medieval Sexuality*, 197.
- ²¹¹ Burchard of Worms, *Decretorum Liber*, in *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*, ed. Jacques-Paul Migne (Paris: Migne, 1856), 140:971.
- ²¹² Hincmar of Reims, *De divortio Lotharii et Theutbergae reginae*, in *Patrologia Cursus Completus, Series Latina*, ed. Jean-Paul Migne (Paris: Migne, 1852), 125: 692–93, цит. по Boswell, *Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality: Gay People in Western Europe from the Beginning of the Christian Era to the Fourteenth Century* (Chicago: University of Chicago Press, 2015), 204.
- ²¹³ Burchard of Worms, *Corrector and Doctor*, in *Medieval Popular Religion, 1000–1500: A Reader*, ed. John R. Shinnors, 2nd ed. (Toronto: University of Toronto Press, 2006), 469.
- ²¹⁴ “Gerard Cagnoli (d. 1342) and the Exorcism of Lust,” in *Other Middle Ages: Witnesses at the Margins of Medieval Society*, ed. Michael Goodich (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998), 143–44.
- ²¹⁵ “Bridget of Sweden (d. 1371),” там же, 144–45.
- ²¹⁶ В настоящее время остается спорным вопрос, участвовал ли в написании этого влиятельного трактата второй автор, тоже доминиканец и инквизитор Якоб Шпренгер (ок. 1436–1495). См., например, Hans-Christian Klose, “Die angebliche Mitarbeit des Dominikaners Jakob Sprenger am Hexenhammer, nach einem alten Abdinghofer Brief,” в *Paderbornensis Ecclesia. Beiträge zur Geschichte des Erzbistums Paderborn. Festschrift für Lorenz Kardinal Jäger zum 80. Geburtstag*, ed. Paul-Werner Scheele (Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 1972), 197–205.
- ²¹⁷ Heinrich Kramer and James Sprenger, *Malleus Malificarum* (1487), trans. Montague Summers (New York: Dover, 1971), 41–48 [цит. по Шпренгер Я., *Институтис Г. Молот ведьм* / Пер. с лат. Н. Т. Цветкова, предисл. проф. С. Г. Лозинского и проф. М. П. Баскина, статья С. Г. Лозинского — 1-е изд. — Борисов: ОГИЗ ГАИЗ «Атеист», 1932.].
- ²¹⁸ Там же, 43–47.
- ²¹⁹ Там же, 121.
- ²²⁰ Там же, 117.
- ²²¹ Там же, 48.
- ²²² Там же, 1.
- ²²³ Там же, 104.
- ²²⁴ Там же, 119.
- ²²⁵ Max L. W. Laistner, *Christianity and Pagan Culture in the Later Roman Empire: Together with an English Translation of John Chrysostom’s “Address on Vainglory and the Right Way for Parents to Bring up their Children”* (Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1951), 8.
- ²²⁶ Bella Millett and Jocelyn Wogan-Browne, eds., *Medieval English Prose for Women: Selections from the Katherine Group and Ancrene Wisse* (Oxford: Clarendon Press, 1990), 31.

- ²²⁷ “St. Jerome: Virginity and Marriage (4th c. A. D.),” in *Women’s Lives in Medieval Europe: A Sourcebook*, ed. Emilie Amt (New York: Routledge, 1993), 26.
- ²²⁸ Millett and Wogan-Browne, *Medieval English Prose for Women*, 23, 25, 21.
- ²²⁹ Judith Bennett, *Women in the Medieval English Countryside: Gender and Household in Brigstock Before the Plague* (New York: Oxford University Press, 1987), 56.
- ²³⁰ Henrietta Leyser, *Medieval Women: A Social History of Women in England, 450–1500* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1995), 143–44.
- ²³¹ “Survey of Alwalton: Obligations of Peasants (1279),” в Amt, *Women’s Lives in Medieval Europe*, 182–84.
- ²³² Zvi Razi, “Family, Land, and the Village Community in Later Medieval England,” *Past and Present* 93, no. 1 (1981): 5.
- ²³³ Emilie Amt, ed., *Women’s Lives in Medieval Europe: A Sourcebook* (New York: Routledge, 1993), 181.
- ²³⁴ Там же, 182.
- ²³⁵ Millett and Wogan-Browne, *Medieval English Prose for Women*, 35.
- ²³⁶ Heath Dillard, *Daughters of the Reconquest: Women in Castilian Town Society, 1100–1300* (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1984), 150; Leyser, *Medieval Women*, 152.
- ²³⁷ Martine Segalen, *Love and Power in the Peasant Family: Rural France in the Nineteenth Century*, trans. Sarah Matthews (Chicago: University of Chicago Press, 1983), 138–39.
- ²³⁸ Peter Ward, *The Clean Body: A Modern History* (Montreal: McGill-Queen’s University Press, 2019), 89.
- ²³⁹ Burchard of Worms, *Corrector and Doctor*, in *Medieval Popular Religion, 1000–1500: A Reader*, ed. John R. Shinnors, 2nd ed. (Toronto: University of Toronto Press, 2006), 461.
- ²⁴⁰ “Descriptions of Maidservants’ Work (12th–13th c.),” в Amt, *Women’s Lives in Medieval Europe*, 181.
- ²⁴¹ Aelfric, *Alfric’s Colloquy: Translated from the Latin*, trans. Ann E. Watkins, <http://www.kentarchaeology.ac/authors/016.pdf>, 13.
- ²⁴² “Manorial Court rolls (14th c.),” in Amt, *Women’s Lives in Medieval Europe*, 185.
- ²⁴³ Llewellyn Jewitt, “A Few Notes on Ducking Stools,” *Green Bag* 10 (1898): 522. Позорный стул — в чистом виде промежуточный шаг на пути к окунательному стулу и представлял собой обычный стул, к которому привязывали провинившуюся и оставляли у порога ее дома с тем, чтобы соседи, проходя мимо, осыпали ее насмешками.
- ²⁴⁴ “Coroners’ Rolls: Violent Incidents (13th–14th c.),” in Amt, *Women’s Lives in Medieval Europe*, 189.
- ²⁴⁵ Helena Graham, “‘A Woman’s Work . . .’: Labour and Gender in the Late Medieval Countryside,” в *Woman Is a Worthy Wight: Women in English Society, c. 1200–1500* ed. P. J. P. Goldberg (Wolfeboro Falls, N. H.: Alan Sutton, 1992), 141; Leyser, *Medieval Women*, 147.
- ²⁴⁶ Leyser, *Medieval Women*, 156.

- ²⁴⁷ “Parisian Guild Regulations (13th c.),” in Amt, *Women’s Lives in Medieval Europe*, 194.
- ²⁴⁸ Там же, 196.
- ²⁴⁹ Guy Geltner, “Healthscaping a Medieval City: Lucca’s *Curia Viarum* and the Future of Public Health History,” *Urban History* 40, no. 3 (2013): 396–400.
- ²⁵⁰ Christopher Mielke, “Rub-a-dub-dub, Three Maids in a Tub: Women in Bathhouse and Secondary Sites of Sex Work in Medieval Hungarian Towns,” in *Same Bodies, Different Women: “Other” Women in the Middle Ages*, ed. Christopher Mielke and Andrea-Bianka Znorovszky (Budapest: Trivent, 2019), 118–20.
- ²⁵¹ Там же, 121.
- ²⁵² Там же, 197.
- ²⁵³ Там же.
- ²⁵⁴ “Infractions of Commercial Regulations (13th–14th c.),” in Amt, *Women’s Lives in Medieval Europe*, 202.
- ²⁵⁵ Там же, 202–3.
- ²⁵⁶ Erika Uitz, *Women in the Medieval Town* (London: Barrie & Jenkins, 1990), 44.
- ²⁵⁷ Там же, 40.
- ²⁵⁸ Там же, 41.
- ²⁵⁹ Цит. по Jenifer Ni Ghraidaigh, “Mere Embroiderers? Women and Art in Early Medieval Ireland,” in *Reassessing the Roles of Women as “Makers” of Medieval Art and Architecture*, ed. Therese Martin (Leiden: Brill, 2012), 93.
- ²⁶⁰ Charles Henry Hartshorne, “English Medieval Embroidery,” *Archaeological Journal* 1, no. 1 (1844): 322.
- ²⁶¹ Dorothy Miner, *Anastaise and Her Sisters: Women Artists of the Middle Ages* (Baltimore: Walters Art Gallery, 1974), 20–21.
- ²⁶² Annemarie Weyl Carr, “Women as Artists in the Middle Ages,” *Feminist Arts Journal* (Spring 1976), 6.
- ²⁶³ Pierre Alain Mariaux, “Women in the Making: Early Medieval Signatories and Artists’ Portraits (9th–12th c.),” in Martin, *Reassessing the Roles*, 399–409.
- ²⁶⁴ Françoise Baron, “Enlumineurs, peintres et sculpteurs parisiens des XIIIe et XIVe siècles, d’après les roles de la taille,” *Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques et scientifiques* 4 (1968): 37–121; and Baron, “Enlumineurs, peintres et sculpteurs parisiens des XIVe et XVe siècles, d’après les archives de l’hôpital Saint-Jaques-aux-Pèlerins,” *Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques et scientifiques* 6 (1971): 77–115.
- ²⁶⁵ Katrinette Bodarwé, “Pflege und Medizin in mittelalterlichen Frauenkonventen / Cure and Medicine in Medieval Nunneries,” *Medizinhistorisches Journal* 37, no. 3–4 (2002): 231–63.
- ²⁶⁶ Vern L. Bullough, “Training of the Non University-Educated Medical Practitioners in the Later Middle Ages,” *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences* 14, no. 4 (1959): 448.

- ²⁶⁷ Monica H. Green, ed. and trans., *The Trotula: An English Translation of the Medieval Compendium of Women's Medicine* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001), xii–xiv.
- ²⁶⁸ Green, *Trotula*, 80.
- ²⁶⁹ Leyser, *Medieval Women*, 127.
- ²⁷⁰ Sprenger and Kramer, *Malleus Maleficarum*, 66.
- ²⁷¹ Augustine, *De ordine*, in *Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum*, ed. P. Knoll, 63 (Leipzig, 1922), 155; Aquinas, *Summa Theologica*, pt. Iia–IIae, ques. 10, art. 11.
- ²⁷² Ivan Hlaváček and Zdeňka Hledíková, eds., *Protocollum visitationis archidiaconatus Pragensis annis 1379–1382 per Paulum de Janowicz archidiaconum Pragensem factae* (Prague: Academia, 1973), 118.
- ²⁷³ Там же, 62.
- ²⁷⁴ “Carpenter’s Specifications: A Town House (1308),” in Amt, *Women’s Lives in Medieval Europe*, 213.
- ²⁷⁵ Там же, 211.
- ²⁷⁶ John Martin Klassen, *The Nobility and the Making of the Hussite Revolution* (New York: Columbia University Press, 1978), 20.
- ²⁷⁷ John Noorthouck, *A New History of London Including Westminster and Southwark* (London: R. Bladwin, 1773), bk. 3, ch. 1 “Southwark,” note 11, <https://www.british-history.ac.uk/no-series/new-history-london/pp.678-690>.
- ²⁷⁸ John E. Lodbell and Douglas Owsley, “The Origin of Syphilis,” *Journal of Sex Research* 10, no. 1 (1974): 76–79.
- ²⁷⁹ Emile Friedberg, ed., *Corpus iuris canonici: Editio lipsiensis secunda post Aemilii Ludouici Richteri curas ad librorum manu scriptorum et editionis romanae fidem recognouit et adnotatione critica instruxit Aemilius Friedberg* (Graz: Akademische Druck, 1879–81), 2:668.
- ²⁸⁰ *Vita venerabilis presbyteri Milicii, praelati ecclesiae Pragensis*, in Josef Emler, ed., *Fontes Rerum Bohemicarum* (Prague: Musea Království českého, 1871–73), 1:418.
- ²⁸¹ Leah Lydia Otis, *Prostitution in Medieval Society: The History of an Urban Institution in Languedoc* (Chicago: University of Chicago Press, 1985), 72–73.
- ²⁸² Там же, 73–76.
- ²⁸³ “Caesarius of Arles: Rule for Nuns (ca. 512–534),” в Amt, *Women’s Lives in Medieval Europe*, 221–22.
- ²⁸⁴ Там же, 223.
- ²⁸⁵ James of Vitry, “The Life of Mary of Oignies,” в *The Essential Writings of Christian Mysticism*, ed. Bernard McGinn (New York: Modern Library, 2006), 65.
- ²⁸⁶ Marguerite Porete, *The Mirror of Simple Souls*, trans. Ellen L. Babinsky (New York: Paulist Press, 1993), 104.
- ²⁸⁷ Phillips, *Medieval Maidens*, 74.
- ²⁸⁸ Agnes Strickland, *Lives of the Queens of England from the Norman Conquest* (Philadelphia: Lea & Blanchard, 1841), 308.

- ²⁸⁹ Phillips, *Medieval Maidens*, 118.
- ²⁹⁰ Там же, 114.
- ²⁹¹ “Christine de Pisan: Advice to Noblewomen (1405),” в Amt, *Women’s Lives in Medieval Europe*, 164–65.
- ²⁹² “Household Accounts of Dame Alice de Bryene (1412–13),” там же, 166–68.
- ²⁹³ “The Paston Family: Letters (15th c.),” там же, 173.
- ²⁹⁴ Marie Shear, “Media Watch: Celebrating Women’s Words,” *New Directions for Women* 15, no. 3 (May — June 1986): 6.
- ²⁹⁵ Virginia Woolf, *A Room of One’s Own* (1929; reprint London: Renard Press, 2020), 105 [Вирджиния Вулф, «Своя комната», цит. по https://librebook.me/a_room_of_one_s_own].
- ²⁹⁶ John Locke, *Two Treatises of Government* (Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1969), 37, 16 [первая из двух цитат отсюда: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000458/st001.shtml>]; «Два трактата о правлении. 1689». Локк Дж. Соч. в трех томах: Т. 3. — М.: Мысль, 1988].
- ²⁹⁷ Jean-Jacques Rousseau, *Second Discourse*, trans. Roger and Judith Masters (New York: St. Martin’s Press, 1964), 108, 112, 216 [русскояз. текст труда Жан-Жака Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» цит. по источнику: https://librebook.me/o_proishojdenii_neravenstva/vol1/1].
- ²⁹⁸ Gina Rippon, *The Gendered Brain: The New Neuroscience that Shatters the Myth of the Female Brain* (London: Vintage, 2020), 176.
- ²⁹⁹ Cordelia Fine, *Delusions of Gender: The Real Science Behind Sex Differences* (London: Icon, 2010), 113.
- ³⁰⁰ Diane F. Halpern, “How Neuromythologies Support Sex Role Stereotypes,” *Science* 330, no. 6009 (2010): 1320–21.
- ³⁰¹ A. Memrick, *Gaston Gazette*, January 15, 2011, цит. в Diane F. Halpern et al., “The Pseudoscience of Single-Sex Schooling,” *Science* 333, no. 6050 (2011), 1706–7.
- ³⁰² Lacey J. Hilliard and Lynn S. Liben, “Differing Levels of Gender Salience in Preschool Classrooms: Effects on Children’s Gender Attitudes and Inter-group Bias,” *Child Development* 81 no. 6 (2010): 1787–98.
- ³⁰³ James Damore, “Google’s Ideological Echo Chamber: How Bias Clouds Our Thinking About Diversity and Inclusion,” July 2017, <https://s3.documentcloud.org/documents/3914586/Googles-Ideological-Echo-Chamber.pdf> [десятистраничный документ, написанный Джеймсом Деймором, носил название «Идеологическая эхокамера Google»].
- ³⁰⁴ M. J. Law Smith et al., “Maternal Tendencies in Women Are Associated with Estrogen Levels and Facial Femininity” *Hormones and Behavior* 61, no. 1 (2012): 12–16.
- ³⁰⁵ E. James Anthony and Therese Benedek, eds., *Parenthood: Its Psychology and Psychopathology* (New York: Little, Brown, 1997); Mardy S. Ireland, *Reconceiving Women: Separating Motherhood from Female Identity* (New York: Guilford, 1993), 48.

- ³⁰⁶ Nancy J. Chodorow, *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender* (Berkeley: University of California Press, 1987), 29.
- ³⁰⁷ Shelley J. Correll, Stephen Benard, and In Paik, "Getting a Job: Is There a Motherhood Penalty? 1." *American Journal of Sociology* 112, no. 5 (2007): 1297–338.
- ³⁰⁸ Michelle Fox, "The 'Motherhood Penalty' Is Real, and It Costs Women \$16,000 a Year in Lost Wages," CNBC, March 25, 2019, <https://www.cnbc.com/2019/03/25/the-motherhood-penalty-costs-women-16000-a-year-in-lost-wages.html>.
- ³⁰⁹ Eva Sierminska, "Does It Pay to Be Beautiful?" *IZA World of Labor* (2015): 161; Eva M. Sierminska and Xing (Michelle) Liu, "Beauty and the Labor Market," in *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, ed. James D. Wright, 2nd ed. (Amsterdam: Elsevier, 2015), 383–91; Daniel S. Hamermesh, *Beauty Pays: Why Attractive People Are More Successful* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2011); Jason M. Fletcher, "Beauty vs. Brains: Early Labor Market Outcomes of High School Graduates," *Economics Letters* 105 (2009): 321–25; D. S. Hamermesh and J. E. Biddle, "Beauty and the Labor Market," *American Economic Review* 84 (1994): 1174–94; M. T. French, "Physical Appearance and Earnings: Further Evidence," *Applied Economics* 34 (2002): 569–72; D. S. Hamermesh, X. Meng, and J. Zhang, "Dress for Success — Does Priming Pay?" *Labour Economics* 9 (2002): 361–73.
- ³¹⁰ William D. Lassek and Steven J. C. Gaulin, "Evidence Supporting Nubility and Reproductive Value as the Key to Human Female Physical Attractiveness," *Evolution and Human Behavior* 40, no. 5 (2019): 408–19; Jeanne Bovet, "Evolutionary Theories and Men's Preferences for Women's Waist-to-Hip-Ratio: Which Hypotheses Remain? A Systematic Review," *Frontiers in Psychology*, June 4, 2019, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01221>.
- ³¹¹ Will Lassek, Steve Gaulin, and Hara Estroff Marano, "Eternal Curves," *Psychology Today*, July 2012; Devendra Singh, "Universal Allure of the Hourglass Figure: An Evolutionary Theory of Female Physical Attractiveness," *Clinical Plastic Surgery* 33, no. 3 (2006): 359–70; Daniel Davies, "Why Science Says Men Go for Women with Hourglass Figures: It's in Our Nature Apparently," *Men's Health*, June 18, 2019; Gad Saad, "Men's Preference for the Female Hourglass Figure: The Appeal of Women with Curves, Latest Data," *Psychology Today*, February 2010.
- ³¹² De Elizabeth, "Billie Eilish Reveals the Reason for Her Baggy Clothes in New Calvin Klein Ad," *Teen Vogue*, May 11, 2019; Eve Barlow, "Billie Eilish Has Already Lived a Hundred Lives — And She's Only 17," *Elle*, September 5, 2019.
- ³¹³ Leyla Mohammed, "Billie Eilish Said Her Experimental Vogue Cover Was Meant to Be 'A Specific Aesthetic for a Photo Shoot' and 'Not a New Style' After Critics Called Her Out for Wearing Lingerie and Form-Fitting Clothes," *BuzzFeed News*, December 2, 2021, <https://www.buzzfeednews.com/article/leylamohammed/billie-eilish-responds-to-backlash-over-vogue-cover>.

- ³¹⁴ “House Republicans Balk at Sex-Research Funding,” *Washington Times*, July 9, 2003, <https://www.washingtontimes.com/news/2003/jul/9/20030709-110059-9087r/>; Liam Beattie, “Tory Cuts Are Causing a Sexual Health Crisis,” *Tribune*, December 12, 2020 <https://tribunemag.co.uk/2020/12/tory-cuts-are-causing-a-sexual-health-crisis>.
- ³¹⁵ Meg-John Barker and Justin Hancock, *Enjoy Sex How, When, and If You Want To: A Practical and Inclusive Guide* (London: Icon, 2017), 1–7.
- ³¹⁶ Pietro d’Abano, *Conciliator controversarium, quae inter philosophos et medicos versantur* (1472), в Danielle Jacquart and Claude Thomasset, *Sexuality and Medicine in the Middle Ages*, trans. Matthew Adamson (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1988), 46; Sigmund Freud, *Three Essays on the Theory of Sexuality* (1905), in *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, vol. 7 (1901–1905): *A Case of Hysteria, Three Essays on Sexuality and Other Works* (London: Hogarth Press, 1975), 123–246.
- ³¹⁷ David M. Buss, “Evolutionary Psychology: A New Paradigm for Psychological Science,” *Psychological Inquiry* 6, no. 1 (1995): 5.
- ³¹⁸ Jamie Cuccinelli, “Marriage in the ‘New’ America: A Pandemic, Equality, and an Industry Ready for Change,” *Brides*, December 13, 2021.
- ³¹⁹ World Health Organization, *Global Alcohol Action Plan 2022–2030 to Strengthen Implementation of the Global Strategy to Reduce the Harmful Use of Alcohol*, June 2021, https://cdn.who.int/media/docs/default-source/alcohol/action-plan-on-alcohol_first-draft-final_formatted.pdf?sfvrsn=b690edb0_1&download=true.
- ³²⁰ William Goode, *World Revolution and Family Patterns* (New York: Free Press of Glencoe, 1963), 56.
- ³²¹ Simon Baron-Cohen, *The Essential Difference: Men, Women, and the Extreme Male Brain* (London: Allen Lane, 2003), 185.
- ³²² Arlie Russell Hochschild, *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home* (New York: Viking Penguin, 1989) [русскояз. текст цит. по Арли Хохшильд при уч. Энн Мачун «Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме». Издательский дом Высшей школы экономики. М.: 2020].
- ³²³ Peter Kay Chai Tay, Yi Yuan Ting, and Kok Yang Tan, “Sex and Care: The Evolutionary Psychological Explanations for Sex Differences in Formal Care Occupations,” *Frontiers in Psychology*, April 17, 2019, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00867>.
- ³²⁴ Asaf Levanon, Paula England, and Paul Allison, “Occupational Feminization and Pay: Assessing Causal Dynamics Using 1950–2000 U. S. Census Data,” *Social Forces* 88, no. 2 (December 2009): 865–91.

Источники иллюстраций

11 Ladies hunting from BL YT 13, f. 81v. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **14** Ms. Ludwig IX 8 (83.ML.104), fol. 137. J. Paul Getty Museum. **18** Library of Congress, Rare Book and Special Collections Division. **23** Wikimedia Commons. **25** Everett Collection / Shutterstock. **29** The Hague, MMW, 10 A 11. fol. 388v © Koninklijke Bibliotheek (National Library of the Netherlands). **30, 36** Wikimedia Commons. **40** Detail: Teacher and students from BL YT 19, f. 3 by Brunetto Latini. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **41** Astronomy from BL Burn 275, f. 390v by Priscian, Cicero, and Pseudo-Cicero, Boethius, Aristotle, Euclid, Adelard of Bath, Ptolemy, translated by Gerard of Cremona. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **43** Biblioteca Digital Hispánica. **47** Ms. 10 (85.ML.80), fol. 35. J. Paul Getty Museum. **49** Geometry from BL Burn 275, f. 293 by Priscian, Cicero, and Pseudo-Cicero, Boethius, Aristotle, Euclid, Adelard of Bath, Ptolemy, translated by Gerard of Cremona. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **52** Фотография: Dnalor_01 / Wikimedia Commons (по лицензии CC-BY-SA 3.0). **56** Thomas Aquinas holding a book by Jean le Tavernier — 1454 — KB, National Library of the Netherlands, Netherlands. (Public Domain). **58** Wikimedia Commons. **59** Liber Scivias by Hildegard of Bingen. Heidelberg University Library, Germany (по лицензии CC BY-SA). **60** Library of Congress, World Digital Library. **64** Ms. 50 (93.MS.19). J. Paul Getty Museum. **70** J. Paul Getty Museum. **72** The Wife of Bath's Prologue Tale, from the Ellesmere manuscript of Geoffrey Chaucer's Canterbury Tales / Wikimedia Commons. **73** Lancelot and Guinevere from BL Add 10293, f. 325v. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **75** Ms. Ludwig XV 7 (83.MR.177),

fol. 2v. J. Paul Getty Museum. **80** Wikimedia Commons. **83** Helen and Paris from BL Royal 16 G V, f. 39v by Giovanni Boccaccio. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **84** Neoptolemus and Polyxena from BL Royal 16 G V, f. 36v by Giovanni Boccaccio. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **88** Ms. 121 (2021.7), fol. 53. J. Paul Getty Museum. **94** Ms. 121 (2021.7), fol. 21. J. Paul Getty Museum. **97** Ms. Ludwig XV 7 (83.MR.177), fol. 8. J. Paul Getty Museum. **103** Andrew W. Mellon Collection. The National Gallery of Art. **107** Metropolitan Museum of Art. **109** Widener Collection. The National Gallery of Art. **113** Metropolitan Museum of Art. **115** Ms. Ludwig XV 7 (83.MR.177), fol. 3v. J. Paul Getty Museum. **118** Metropolitan Museum of Art. **119** Charles H. and Mary F. S. Worcester Collection. Art Institute of Chicago. **120** Metropolitan Museum of Art. **122** Bequest of John L. Severance. Cleveland Museum of Art. **123** Pygmalion and the statue from BL Harley 4425, f. 178v. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **124** Zeuxis and nude models from BL Harley 4425, f. 142 by Guillaume de Lorris and Jean de Meun. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **127** Die Codices Palatini germanici in der Universitätsbibliothek Heidelberg. The University Library of Heidelberg. **129** Staatsgalerie Stuttgart, Überstellung 1843 Schloss Ludwigsburg. **131** Rosenwald Collection. The National Gallery of Art. **133** Biblioteca Digital Hispánica. **135** Ms. Ludwig III 1 (83.MC.72), fol. 35v. J. Paul Getty Museum. **136** Ms. Ludwig XV 3 (83.MR.173), fol. 78. J. Paul Getty Museum. **138** Metropolitan Museum of Art. **140** Library of Congress, Rare Book and Special Collections Division. **141** Metropolitan Museum of Art. **143** Woman combing her hair by Master of Catherine of Cleves — 1460 — KB, National Library of the Netherlands, Netherlands. (Public Domain). **145** Woman with death head from BL YT 7, f. 174. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **148** Ms. 68 (2001.45), fol. 8. J. Paul Getty Museum. **149**, **150**, **152** Metropolitan Museum of Art. **157** Lust from BL YT 3, f. 172v.

The British Library, United Kingdom (Public Domain). **161** Adam and Eve from BL Royal 14 E V, f. 13v by Giovanni Boccaccio, translated by Laurent de Premierfait. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **164** The ALBERTINA Museum. **170** Austrian National Library / Wikimedia Commons. **173** Vulcan, Venus and Mars from BL Harley 4425, f. 122v by Guillaume de Lorris and Jean de Meun. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **175** Mordrain and Giseult in bed from BL Royal 14 E III, f. 32. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **179** The old man in bed with his young woman and the thief; (Chapter V: Von den Raben and the Aars) — Heidelberg University Library, Germany. (Public Domain). **184** Cognoscere uxorem (Conjugal intercourse) from BL Royal 6 E VI, f. 323. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **186** Ms. Ludwig XV 7 (83.MR.177), fol. 62v. J. Paul Getty Museum. **191** Library of Congress, Rare Book and Special Collections Division. **194** Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Pal. germ. 848. Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse). **196** Court of Love from BL Royal 16 F II, f. 1 by Charles, duke of Orléans; Pseudo-Heloise. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **199** Wilhelm von Orlens declares his love to Princess Amelie in a chapel by Workshop of Diebold Lauber — KB, National Library of the Netherlands, Netherlands. (Public Domain). **200** Jealous husband from BL Harley 4425, f. 85 by Guillaume de Lorris and Jean de Meun. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **202** Aemilia from BL Royal 16 G V, f. 88v by Giovanni Boccaccio. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **204** Ms. 79 (2003.105), recto. J. Paul Getty Museum. **205** Attis, unable to respond to Agdistis' love, is driven to madness and emasculates himself by Maître François — KB, National Library of the Netherlands, Netherlands. (Public Domain). **212** Detail from BL Sloane 1977, f. 7v by Roger Frugard of Parma (index Roger of Salerno, Roger de Salerne, Rogerius Salernitanus). The British Library, United

Kingdom (Public Domain). **213** Ms. Ludwig VIII 3 (83.МК.94), fol. 43. J. Paul Getty Museum. **225** The National Library of Medicine. **229** Wikimedia Commons. **234** Ms. 14 (85.МК.239), fol. 8v. J. Paul Getty Museum. **237** Delia E. Holden and L. E. Holden Funds. Cleveland Museum of Art. **238** Adam and Eve from BL Harley 2838, f. 5. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **241** Leonard C. Hanna, Jr. Fund. Cleveland Museum of Art. **244** January from BL Eg 1147, f. 6v. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **245** March from BL YT 30, f. 3. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **244** (**вверху**) June from BL YT 3, f. 6. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **244** (**внизу**) Ms. Ludwig IX 18 (83.МL.114), fol. 7. J. Paul Getty Museum. **249** Woman churning by Master of Catherine of Cleves — 1460 — KB, National Library of the Netherlands, Netherlands (Public Domain). **250** Biblioteca Digital Hispánica. **252** Wikimedia Commons. **253** Gaia Caecilia or Tanaquil from BL Royal 20 C V, f. 75 by Giovanni Boccaccio. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **261** City from BL Eg 1900, f. 9v. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **264** Pamphila from BL Royal 16 G V, f. 54v by Giovanni Boccaccio. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **268** Balneum (Bath) from BL Royal 6 E VI, f. 179 by James le Palmer. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **274** Wikimedia Commons. **276** Acquired by Henry Walters. The Walters Art Museum (Creative Commons License). **277** Marcie with mirror and sculptor's tools from BL Royal 20 C V, f. 104 by Giovanni Boccaccio. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **280** Detail of a woman physician treating a female patient from BL Sloane 6, f. 177v by John of Arderne. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **282** Cranial operation from BL Sloane 1977, f. 2 by Roger Frugard of Parma (index Roger of Salerno, Roger de Salerne, Rogerius Salernitanus). The British Library, United Kingdom (Public Domain). **284** Wikimedia Commons. **287** Luxury from BL Royal 17 F IV,

f. 297 by Valerius Maximus, translated by Simon de Hesdin and Nicholas de Gonesse. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **288** Berlin Staatsbibliothek, Ms. Dep. Breslau 2, vol. 2, fol. 244. **299** Nun from BL Royal 2 B VII, f. 219 The British Library, United Kingdom. (Public Domain). **301** A nun at prayer (female donor?), with guardian angel — KB, National Library of the Netherlands, Netherlands (Public Domain). **304** Female teacher from BL Harley 3828, f. 27v. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **305** Lady from BL Harley 4431, f. 153 by Christine de Pizan (index Christine de Pisan). The British Library, United Kingdom (Public Domain). **307** Queen and ladies from BL Harley 4431, f. 323 by Christine de Pizan (index Christine de Pisan). The British Library, United Kingdom (Public Domain). **308** Edward II from BL Royal 15 E IV, f. 295v by Jean de Wavrin. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **311** Royal feast from BL Royal 2 B VII, f. 71v. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **315** The queen of England, Eleanor of Aquitaine, before pope Clemens III by Maître François — KB, National Library of the Netherlands, Netherlands (Public Domain). **318** Presentation scene from BL Royal 15 E VI, f. 2v. **325** Wikimedia Commons. **328** Amalthea from BL Royal 16 G V, f. 27v. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **334** April: a woman holding a wreath of flowers — 1470 — KB, National Library of the Netherlands, Netherlands (Public Domain). **343** Sappho from BL Royal 16 G V, f. 57 by Giovanni Boccaccio. The British Library, United Kingdom (Public Domain). **349** Sappho from BL Royal 16 G V, f. 57. The British Library, United Kingdom (Public Domain).

МИ∞ Культура

ИСКУССТВО

АРХИТЕКТУРА И УРБАНИЗМ

БИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ

ПУБЛИЦИСТИКА И ЭССЕИСТИКА

НОН-ФИКШН ИСТОРИИ

МУЗЫКА, ТЕАТР, ТАНЕЦ

КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ

ЛИТЕРАТУРА

СТРАНОВЕДЕНИЕ

#mifbooks

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/kultura-letter

Все книги по культуре
на одной странице:
mif.to/kultura

 mifbooks

КУЛЬТУРА

Научно-популярное издание

Страшно интересно

Янега Элеанор

Как выжить женщине в Средневековье

**Проклятие Евы, грех выщипывания бровей
и спасительное воздержание**

Руководитель редакционной группы *Надежда Молитвина*

Ответственный редактор *Ольга Нестерова*

Литературный редактор *Марина Теплякова*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Арт-директор *Анастасия Новик*

Верстка *Ирина Гревцова*

Корректоры *Евгения Мазаник, Надежда Болотина*

В оформлении обложки использованы изображения по лицензии
Shutterstock.com

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

vk.com/mifbooks

Как жили женщины Средневековья — в городах, деревнях и высоких замках? Какими их хотели видеть мужчины и какими они были на самом деле?

Противоречивые требования преследовали средневековых женщин всю жизнь. Женщине следовало быть красивой, но не следовало ничего для этого предпринимать. Ей надлежало блюсти благочестие, но ее считали безнадежно порочной по природе. Она должна была хранить домашний очаг, рожать детей и много работать. Женщины были виноваты во всех бедствиях — от грехопадения Евы до Всемирного потопа и чумы. Как же они справлялись со всем этим?

Историк Элеанор Янега рассказывает о выдающихся женщинах того времени и других, менее известных, чьи истории скрыты в документах и судебных делах. Фермерши, хозяйки пивоварен, ремесленницы и художницы — они изменили представление о женской природе, интеллекте и способностях.

Перевод Елены Лалаян

#женскоесредневековье

